

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

ФАЙЗУЛЛИН ИЛЬДАР АСХАТОВИЧ

**ПОСЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА
ОРЕНБУРГСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ**

Специальность 5.6.3. – Археология

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Н.Л. МОРГУНОВА

Оренбург, 2022

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Строительные традиции населения позднего бронзового века с территории Оренбургского Предуралья.	16
1.1. Характеристика построек на поселениях позднего бронзового века	16
1.2. Конструктивные особенности и функциональное назначение построек.	30
1.3. Захоронения людей на поселениях позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья	51
Глава 2. Керамика позднего бронзового века, межкультурные связи и хронология	65
2.1. Морфология и технология посуды из глины на поселениях Оренбургского Предуралья.....	65
2.2. Хронологическое соотношение и проблема межкультурных связей.	97
Глава 3. Хозяйство населения эпохи поздней бронзы на территории Оренбургского Предуралья.....	106
3.1. Животноводство у населения эпохи поздней бронзы с территории Оренбургского Предуралья.....	106
3.2. Металлургическое производство и металлообработка.	120
3.3. Косторезное производство и другие отрасли хозяйства.....	133
Заключение	154
Список использованных источников и литературы	158
Список сокращений	193
Таблицы и иллюстрации.....	196

Введение

Актуальность темы исследования. Вопросы, связанные с изучением поселений позднего бронзового века, являются наименее исследованными и достаточно актуальными в археологии Южного Урала. Изучение данной проблемы перспективно, однако до настоящего времени материалы поселений бронзового века данной территории не обобщались и не анализировались. В тоже время первые исследования в регионе были произведены еще в первой четверти XX века. К настоящему времени в регионе известно более ста поселений позднего бронзового века, из которых только на 11 памятниках были проведены полноценные археологические раскопки. Материалы с территории поселений являются наиболее информативными источниками для изучения бытования населения в позднем бронзовом веке.

Актуальными направлениями в разработке данной проблематики являются исследования местных традиций домостроительства, хозяйства и керамического производства. Особое значение в контексте изучения древних поселений отводится хозяйству, археологические находки именно с поселений наиболее полно отражают все аспекты жизни населения в позднем бронзовом веке. Остеологические коллекции с поселений демонстрируют основные направления в животноводстве, керамика и индивидуальные находки показывают разнообразие отраслей хозяйства.

Не менее важными представляется проблема внутренней хронологии каждого отдельного поселения и вопросы изучения культурных связей и сменяемости культур позднего бронзового века в Оренбургском Предуралье. Актуальность темы усиливается тем, что данная территория является пограничным регионом между восточноевропейской и западносибирской степными зонами, а в культурном плане – между срубной и андроновской культурно-историческими общностями.

Степень изученности. Первыми шагами в исследовании поселений бронзового века на территории Оренбургского Предуралья были работы, проведенные В.В. Гольмстен в 20-е годы прошлого века. В северо-западных районах области по рекам Кинель и Самара ей удалось выявить несколько поселений и курганных могильников эпохи бронзы. Ею же были произведены первые раскопки двух поселений: Сорочинского поселения на реке Самаре и поселения у хутора Гурова близ с. Державино Оренбургской области (Евгеньев, 2017, с. 414-415).

В дальнейшем материалы раскопок В.В. Гольмстен были обработаны и опубликованы О.А. Кривцовой-Граковой в монографии «Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы» (Кривцова-Гракова, 1955, с. 37-38). В ней она сообщает лишь о культурной принадлежности Сорочинского поселения, определяемой как ранний этап срубной культуры. О поселении у хутора Гурова известно чуть больше. В той же работе О.А. Кривцова-Гракова отмечает, что на поселении преобладают баночные неорнаментированные сосуды довольно больших размеров, сосуды орнаментированы зигзагом или неправильными рядами ямок. Также на поселении были обнаружены два остросеребряных сосуда, орнаментированных более сложным орнаментом, расположенным выше ребра. Данное поселение, как и Сорочинское, О.А. Кривцова-Гракова относил к раннему этапу существования срубной культуры (Кривцова-Гракова, 1955, с. 37-38).

В дальнейшем, вплоть до 70-х годов XX века, специальных работ по поиску и полевому изучению бытовых памятников практически не проводилось. Однако необходимо отметить, что К.В. Сальников в работе «Очерки древней истории Южного Урала» упоминает о некоторых случаях нахождения срубных поселений. Он писал, что в 1929 и 1930 гг. в верховьях р. Демы Пономаревского района Оренбургской области было открыто несколько срубных селищ М.Г. Маткиным. Позже в 1955 г. ученики Боровской средней школы обнаружили в обрыве оврага близ с.

Старая Александровка Бузулукского района керамику срубной культуры с примесью толченой раковины. В том же году в Саракташском районе у села Гавриловка на берегу р. Чебеньки местные жители обнаружили срубное селище, которое в последующем обследовал С.А. Попов (Сальников, 1967, с. 155-156).

Таким образом, вторая четверть XX века стала для изучения бытовых памятников срубной культуры временем первого накопления материалов. В это время наблюдается лишь эпизодическое изучение памятников. Данный факт, по мнению ряда исследователей, объясняется спецификой советской археологической науки в довоенный период, которая заключалась в усилении ее централизации и влиянии этого процесса на сокращение исследовательской работы на местах (Евгеньев, 2007, с. 523-530).

В дальнейшем, вплоть до 1976 года, на территории региона проводились работы исключительно по изучению погребальных памятников срубной культуры. Так, в 1956-1974 гг. на территории области работал отряд Южно-Уральской археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством К.Ф. Смирнова. Основным направлением деятельности экспедиции было изучение памятников раннего железного века, однако в ходе работ был исследован целый ряд курганов срубной культуры (Моргунова, Евгеньев, 2011, с. 236-243).

В те же 50-70 гг. отмечена активизация исследования памятников срубной культуры в соседних областях Поволжья. Одной из первых обобщающих работ, в которой проведен анализ большого массива материала по срубной культуре, явилась статья Н.Я. Мерперта. Он проанализировал как погребальные, так и бытовые памятники срубной культуры (Мерперт, 1958, с. 115-117). Особый интерес вызывает реконструкция столбовой постройки Сусканского поселения, которая стала эталоном по реконструкции построек позднего бронзового века в последующем.

В 1978 г. выходит работа Н.К. Качаловой. Она выделила ранний – бережновский горизонт срубной культуры, отмечая основные характеристики погребального обряда, керамики и прочего инвентаря этого периода. По ее мнению, раннесрубные (бережновские) памятники распространены не только в Нижнем Поволжье, но и на территории Оренбургской области. Приводя в пример погребения I Герасимовского КМ и КМ у с. Новая Белогорка, она отмечала, что указанные памятники на востоке очерчивают примерную зону формирования срубной культуры (Качалова, 1978, с. 69–78).

В последующем, в совместной работе Н.Я. Мерперт, Н.К. Качалова и И.Б. Васильев, учитывая кроме прочих и материалы приуральских памятников, писали, что на территории Южного Приуралья срубная культура на раннем этапе имеет локальные особенности. Они выражены в использовании камня при сооружении курганных насыпей и устройства могильных ям (Мерперт и др., 1985, с. 16).

Для рассмотрения темы, выбранной в данном исследовании, необходимо отметить работы, проводившиеся в Восточном Оренбуржье. В пределах Домбаровского района в 50-60-е годы было выявлено и картографировано множество памятников, зафиксирован рудник на реке Киимбай, выделен Еленовский и Ушкатинский микрорайон древних памятников (43 поселения и 15 могильников) (Сальников, Новиченко, 1962, с. 124-133). Керамический материал с поселений представлен алакульской посудой, кроме того выделена посуда, аналогичная материалам Кожумбердынского могильника, и посуда с чертами, характерными для срубной культуры. В этих же районах работы проводил известный оренбургский краевед С.А. Попов, уделявший особое внимание древним горным выработкам Восточного Оренбуржья. Им было обнаружено несколько поселений алакульской культуры и несколько некрополей этого времени (Попов, 1971, с. 34-39).

Стационарное изучение памятников позднего бронзового века в Восточном Оренбуржье впервые было проведено Еленовским отрядом Южно-Уральской археологической экспедиции под руководством Е.Е. Кузьминой (с 1959 по 1965 годы). Работы отряда были сосредоточены в бассейнах рек Киимбай и Ушката. в ходе разведочных работ было выявлено более 40 памятников, большая часть которых датируется поздним бронзовым веком и оставлена носителями алакульской культуры. На поселениях Ушкаты I, Ушкаты II, Шандаша. были произведены раскопки широкими площадями, изучены хозяйственные объекты.

Работы, проведенные Е.Е. Кузьминой, позволили проанализировать многочисленный материал с территории Восточного Оренбуржья, а также соотнести их с памятниками алакульской культуры из других регионов распространения андроновских древностей. В своей работе «Откуда пришли индоарии» Е.Е. Кузьмина выделила локальные группы алакульской культуры, проанализировала все рассмотренные поселения и особенности домостроительства, а также рассмотрела вопросы межкультурного взаимодействия и хронологическую позицию памятников (Кузьмина Е, 1994).

Для исследования поставленной в данной работе темы важно отметить ряд работ, проводившихся на территории Западной Сибири и Восточного Казахстана (Потемкина, 1985; Зданович Г., 1988).

Дальнейшие исследовательские работы по поиску и археологическому изучению бытовых памятников срубной культуры на территории Западного Оренбуржья практически целиком связаны с деятельностью Оренбургской археологической экспедиции, основанной в 1977 году Ниной Леонидовной Моргуновой на базе Оренбургского государственного педагогического института, ныне университета (Файзуллин, 2015в, с. 139-140).

В 1976 году Н. Л. Габелко (Моргунова) провела работы по спасению Сорочинского поселения, которое попадало под зону строительства

Сорочинского водохранилища. Памятник исследован небольшой площадью. На поселении найден в основном керамический материал (Габелко, 1977, с. 91-94).

Наблюдая факт плохой изученности поселенческих материалов срубной культуры, ОАЭ поставила цель исследовать бытовые памятники этой культуры. В период с 1977 по 1989 годы были произведены раскопки семи поселений. Особый интерес вызывают: на западе области – II Сухореченское, Ивановское, Токское, в центре области – Краснохолмское, Покровское, Родниковое и II Кузьминковское поселения.

Итоги исследований были подведены в статье авторов раскопок (Моргунова, Порохова, 1989, с. 168-169). Керамика II Сухореченского поселения, по их мнению, выглядит более архаичной из-за таких ее черт, как разнообразие геометрических элементов орнамента и расчесов. Также на поселении найдены более архаичные формы керамики, которые аналогичны репинскому типу ямной культуры. Аналогичные материалы встречены на Родниковом поселении (Купцова, Файзуллин И., 2012а, с. 70-100).

К более позднему времени авторы отнесли Токское и Ивановское поселения. Такие характеристики керамики, как грубая обработка сосудов, большой процент неорнаментированных сосудов, небольшое количество остросребренных сосудов говорят о более позднем времени существования поселения. Таким образом, три поселения дали материал, который характеризовал два периода срубной культуры на территории западных районов Оренбургской области (Моргунова, Порохова, 1989, с. 170).

Необходимо отметить, что материалы вышеперечисленных поселений практически не показывают андроновского влияния, и демонстрируют высокую плотность заселения западных районов Оренбуржья срубными племенами.

Совсем другая картина наблюдается в центральном Оренбуржье. Изученное в этом районе Краснохолмское поселение является ярким

примером срубно–андроновских связей. Многие сосуды имеют разнокультурные признаки, как срубной, так и андроновской керамики. Материалы памятника находят аналогии на погребальных памятниках Пятимары и Увак, расположенных неподалеку, которые Э. А. Федорова-Давыдова отнесла к андроновским древностям. Она датировала могильники третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Этим же временем датировано и поселение (Моргунова, Порохова, 1989, с. 171).

Исследованные древности существенно дополнили знания о хозяйстве срубной культуры. Раскопки, проведенные на этих памятниках, подтвердили точки зрения К.В.Сальникова и Э.А. Федоровой-Давыдовой о границах распространения срубных и андроновских племен на территории Оренбургской области. Э.А. Федорова – Давыдова говорила о том, что центральные районы Оренбургской области являются западной окраиной андроновского ареала (Федорова-Давыдова, 1969, с. 74-79), а К.В. Сальников проводил границу между территориями проживания населения данных культур между Оренбургом и Бузулуком (Сальников, 1950, с. 317-318).

Особой вехой в изучении срубной культуры в Оренбургской области является работа по изучению Каргалинских медных рудников экспедицией ИА РАН под руководством Е.Н. Черных. Уникальность Каргалинского горно-металлургического комплекса (ГМК) заключается в отличной сохранности многочисленных шахт на огромной территории. Среди полей рудных выработок обнаружены поселения горнорабочих как бронзового века (в основном срубных), так и нового времени (XVIII-XIX вв.) (Черных, 2002, с. 5-7)

Начиная с 1991 года, исследования на Каргалинских рудниках приобрели широкие масштабы. Было проведено тщательное картографирование территории рудников с привлечением авиации, в работах участвовали иностранные специалисты различных областей науки для всестороннего изучения памятника. Необходимо отметить, что общая

площадь Каргалинского горно-металлургического центра составляет 135-140 квадратных километров. К настоящему времени на территории Каргалинского рудного поля удалось зафиксировать до двух десятков поселений бронзового века, три курганных могильника и один одиночный курган.

Особый интерес в этой связи вызывает поселение срубной культуры у хутора Горного. За девять полевых сезонов вскрыто более 1208 кв. м площади. Памятник отличает очень сильная насыщенность слоя находками металлических изделий и форм для их изготовления. Нет ни одного памятника на территории Евразии, который бы можно сравнить в этом показателе с данным поселением. К примеру, на поселении найдена рекордная коллекция медных изделий. Вероятно, поселение долгое время служило долговременным прибежищем оседлых металлургов (Черных и др. 1999, с. 77-103).

В 2012 году были полностью опубликованы материалы Родникового поселения (Купцова, Файзуллин И, 2012а, с. 70-100). Поселение было исследовано в период с 1982 по 1983 годы отрядом Оренбургской археологической экспедиции под руководством О.И. Пороховой. Родниковое поселение является многослойным памятником, где были обнаружены материалы эпохи средней, поздней и финальной бронзы. Материалы поздней бронзы содержали срубно-алакульский материал.

В 2012 году отрядом Оренбургской археологической экспедиции было исследовано I поселение у села Малоюлдашево Красногвардейского района Оренбургской области. Порядка 80% изученного поселенческого инвентаря приходится на культурный слой эпохи позднего бронзового века. В 2016 году памятник был полностью опубликован, исследования производились с применением естественнонаучных методов (археозоология, палеоантропология, технико-технологический анализ керамики, радиоуглеродное датирование) (Евгеньев и др, 2016).

На востоке Оренбургской области параллельно с работами Оренбургской археологической экспедиции проводил планомерные работы отряд Орского гуманитарно-технического института под руководством В.В. Ткачева. Начиная с 2005 года, были проведены широкомасштабные разведки всего Восточного Оренбуржья. Было выявлено множество поселенческих и погребальных памятников алакульской культуры и смешанных срубно-алакульских комплексов. В обобщающей работе В.В. Ткачева выделена западно-алакульская культурная группа, которая характеризуется смешением алакульской и срубной культур (Ткачев, 2007). Обобщение полученных результатов позволило очертить в пределах Уральской горно-металлургической области два крупных района (Южно-Уральский и Уральско-Мугоджарский горно-металлургические центры), связанных с металлопроизводственной деятельностью населения эпохи поздней бронзы (Фомичев, 2017).

Рассмотрение истории изучения поселенческих памятников позднего бронзового века Оренбургского Предуралья показало, что их исследование находится на начальном этапе, что отчасти до определенного времени было связано с отсутствием археологического центра в г. Оренбурге. Планомерные раскопки и разведки, проводимые в регионе в последние 4 десятилетия, позволили расширить источниковую базу по поселениям позднего бронзового века.

Хронологические рамки исследования ограничены поздним бронзовым веком и финалом бронзового века. Исходя из калиброванных радиоуглеродных дат, полученных по изучаемым памятникам, а также по погребальным комплексам с данной территории, поздний бронзовый век на территории Оренбургского Предуралья устанавливается в пределах XXI-XV вв. до н.э., финал бронзового века XIV-X вв. до н.э.

Объектом исследования являются поселения позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья.

Предметом исследования являются историко-культурные процессы на территории Оренбургского Предуралья в позднем бронзовом веке

Целью работы является комплексная характеристика поселений позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья. Для достижения цели были поставлены следующие *задачи*:

1. Систематизация источниковой базы по всем известным поселениям позднего бронзового века в регионе и всесторонние реконструкции направлений жизнедеятельности населения.

2. Определение основных черт в строительных традициях и выделение их особенностей.

3. Анализ керамического материала и индивидуальных находок из культурных слоев поселений, определение места бытовых памятников позднего бронзового века с территории Оренбургского Предуралья в системе хронологии и периодизации древностей позднего бронзового века Евразийской степи.

4. Реконструкция хозяйственной деятельности населения в позднем бронзовом веке.

Источниковая база диссертационной работы представлена поселенческими памятниками позднего бронзового века Оренбургского Предуралья. Проанализированы материалы 11 поселений которые подвергались стационарным раскопкам, а также привлекались материалы поселений обнаруженных в ходе разведок.

Аналізу были подвергнуты 11 построек с территории Оренбургского Предуралья. Самым массовым и информативным материалом на поселениях является керамика, в ходе работы типологически было обработано более 2500 сосудов, 500 из которых были проанализированы В.И. Мухаметдиновым при помощи технико-технологического анализа керамики. Помимо керамики и построек были исследованы индивидуальные находки, трассологический анализ 120 орудий из кости был проведен А.Н. Усачуком. Остеологические коллекции с 7 поселений изучены археозоологами А.Г.

Петренко, Е.Е. Антипиной, П.А. Косинцевым и Н.В. Росляковой. Антропологические определения покойных, обнаруженные на двух поселениях, были исследованы А.А. Хохловым.

Данные о поселениях получены из научных отчетов, хранящихся в архиве ИА РАН, а также в архиве археологической лаборатории Оренбургского государственного педагогического университета, из публикаций материалов раскопок. Была проведена работа с коллекциями исследованных поселений. Основная часть коллекций хранится в фондах Музея археологии Оренбургского государственного педагогического университета, а также в фондах Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея.

Методическая база и методы исследования были определены исходя из поставленных целей и задач. В работе были использованы общенаучные принципы: объективности, историзма, системности и обобщения. При работе с источниками были применены основные методы, используемые в археологической науке: стратиграфический, картографический, сравнительно-типологический, статистический и корреляционный. Помимо традиционных методов исследования были применены данные естественнонаучных дисциплин: палеозоологии, палеоботаники, трасологии костяных орудий, палеоантропологии, археоминералогии, радиоуглеродного датирования, технико-технологический анализ керамики.

Научная новизна. Поселения позднего бронзового века с территории Оренбургского Предуралья впервые рассматриваются полностью и становятся объектом отдельного исследования.

В настоящей работе проведен анализ строительных традиций с рассматриваемых поселений. Всесторонне были изучены конструктивные особенности строений, внутрижилищные конструкции, а также ритуальные комплексы.

Осуществлен морфологический анализ керамики со всех поселений. Для работы были привлечены результаты технико-технологического анализа

керамики по методике А.А. Бобринского. Такой подход позволил более четко определить внутреннюю хронологию каждого поселения, а также проследить варианты межкультурных связей в позднем бронзовом веке.

Установлены основные направления хозяйства у населения в позднем бронзовом веке, на базе полного спектра информации, которой обладают материалы с поселений. Проведена работа по изучению таких отраслей хозяйства как: животноводство, металлургия, косторезное дело, текстиль и керамическое производство.

Важнейшим итогом данной работы стало появление комплексного исследования, посвященного поселенческим памятникам позднего бронзового века в Оренбургском Предуралье.

Научно-практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы при разработке обобщающих трудов, посвященных различным аспектам жизнедеятельности населения в позднем бронзовом веке, а также для составления спецкурсов и учебно-методических пособий по истории, археологии и оформлению музейных экспозиций.

Выводы диссертационного исследования имеют теоретическое научное значение для изучения истории населения позднего бронзового века Евразийской степи в вопросах периодизации, хронологии, хозяйства, домостроительства и межкультурного взаимодействия.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В Оренбургском Предуралье большинство поселений позднего бронзового века было оставлено населением срубной культуры. Постройки на поселениях имели наземный характер. Из числа сооружений выделяются хозяйственные и жилищно-хозяйственные постройки. На площадках поселений часто совершались захоронения, что, возможно, может свидетельствовать о существовании культа предков.

2. По материалам поселений выделяются 4 хронологических этапа:

- первый хронологический этап соотносится с керамикой синташтинско-абашевской культурной группы;

- второй хронологический этап – с раннесрубной и раннеалакульской керамикой;

- третий хронологический этап маркируется активизацией контактов срубной культуры и культур андроновской культурно-исторической общности (алакульской, федоровской и кожумбердынской);

- завершающий хронологический этап представлен керамикой культур финала бронзового века.

3. Хозяйство на территории Оренбургского Предуралья носило производящий характер, ядром которого являлось скотоводство. Помимо скотоводства важную роль в жизнедеятельности населения играло металлургическое производство, которое включало как добычу руды, ее переплавку и изготовление готовых изделий. Высокого уровня достигли косторезное, керамическое и текстильное производства.

Апробация результатов исследования. Различные положения диссертационного исследования были представлены на научных конференциях разного уровня, включая международный: II и III международная конференция молодых ученых «Новые материалы и методы археологического исследования», г. Москва, ИА РАН, 2013 и 2015 гг.; VI Всероссийская научная конференция «Этнические взаимодействия на Южном Урале», г. Челябинск, 2015; Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 70-летию со дня рождения Н.Г. Рутто «Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия», г. Уфа, 2016; V международная конференция «Экология древних и традиционных обществ», г. Тюмень, 2016; V (XXI) Всероссийский археологический съезд, г. Барнаул, 2017; XXI Уральское археологическое совещание г. Самара, 2018; международная конференция «Пространство не только для живых: человеческие останки на поселениях бронзового века в Евразии», г. Берлин, 2019. Основные результаты исследования отражены в 22 научных публикациях, том числе в одной коллективной монографии.

Глава 1. Строительные традиции населения позднего бронзового века с территории Оренбургского Предуралья.

1.1. Характеристика построек на поселениях позднего бронзового века

Постройки жилых и хозяйственных сооружений важный и неотъемлемый компонент традиционной материальной культуры, тесно связанный с различными сторонами общественной жизни. В то же время необходимо отметить, что тип сооружения во многом зависит от природно-климатических условий, в которых проживали представители той или иной археологической культуры. Постройки являются источником познания традиций и новаций в хозяйственной деятельности человека (Воробьева, 2007, с. 3). Е.Е. Кузьмина отмечала, что тип жилища в древних социумах зависел от ряда причин. Это, прежде всего, – степень оседлости населения, его хозяйственно-культурный тип, природные условия и имеющийся в распоряжении материал для строительства. Формирование типа жилищ шло опытным путем на протяжении довольно длительного времени (Кузьмина, 1994, с. 64).

При этом необходимо отметить, что этнографические данные, которые показывают, что тип жилища зависит не только от природно-климатических условий и экономической целесообразности, но и от традиций домостроительства, которые могли сохраняться довольно долгое время у определенной этнической группы. В этой связи жилища представляют интерес не только для реконструкции хозяйства, но и для уточнения культурной принадлежности тех или иных поселений.

На территории Западного Оренбуржья раскопками было исследовано тринадцать поселений, из них только на семи были обнаружены постройки: II Кузьминковском, Родниковом, Покровском, Токском, Ивановском, Горном и Малоюлдашевском (**рис.1**).

Родниковое поселение.

В ходе двух полевых сезонов было исследовано 1168 кв. м поселения. На территории Родникового поселения изучено два сооружения (Порохова, 1983).

Постройка 1 (рис. 2, 1) представляла собой котлован подпрямоугольной формы размерами 13х5 м и глубиной 25 см от уровня материка. Жилище длинной стороной было обращено к ручью, выходы из сооружения не прослежены, следы деревянных конструкций отсутствуют. У северо-западной стенки жилища на расстоянии 4,5 м друг от друга располагались 2 небольшие ямы неизвестного назначения. В северо-восточном углу постройки обнаружено скопление углей и куча бесформенных камней небольших размеров, возможно небольшое кострище.

Интересной и сложной по своему устройству являлась хозяйственная яма, которая служила погребом (**рис. 2, 2**). Яма была вырыта возле восточной стенки жилища. Она имела овальные очертания, ее диаметр составлял около 3 м у поверхности. На глубине 0,9 м яма резко сужалась, образуя ступеньку. Диаметр дна ямы – 1,2 м, глубина от уровня материка – 3,1 м. На ступеньке под двадцатисантиметровым слоем материковой глины в раздавленном виде были найдены сосуды разных размеров и форм. В развалах сосудов и рядом с ними обнаружены кости животных. Уступ ямы мог служить полкой для хранения продуктов питания. На уровне пола жилища яма была перекрыта деревянным настилом из жердей, который поддерживали столбы. Следы двух столбов диаметров 18 и 14 см были отмечены на восточной стенке на расстоянии 1 м друг от друга. Деревянное перекрытие, по всей видимости, было сверху укреплено еще и камнями. Возможно, погреб был разрушен в ходе пожара. Сгоревшая деревянная конструкция обрушилась и раздавила горшки. Об этом свидетельствует углистый слой со сгоревшими деревянными плашками на уступе ямы (Порохова, 1983).

Постройка 2 (рис. 3, 1) располагалась в 14 м к северо-западу от сооружения №1. Постройка представляла собой прямоугольный котлован, продольной осью ориентированный по линии ЮВ–СЗ. Размеры 14x7 м, глубина от материка 20–30 см. В северо-западной части котлована выявлено 4 ямы. Яма № 6 занимала центральное положение среди остальных. Она имела вытянутую овальную форму, размеры 2,05x0,85 м. Дно неровное, максимальная глубина от материка 0,9 м. Вероятно, что данная яма была небольшим погребом. Яма №8 находилась в 0,5 м к северу от ямы №6. Она имела округлые очертания, диаметр по краю составлял 1,2 м, по дну 0,6 м, глубина в материк 0,9 м. В яме обнаружили фрагменты керамики срубной культуры и подвеску из клыка волка или собаки.

Яма №№ 9 и 10 имели небольшие размеры и глубины, вероятно для столбов. К юго-восточной стенке сооружения примыкала яма №5, служившая на поселении колодцем. На уровне материка яма имела округлые очертания диаметром 2,3-3 м. На глубине 0,9 м от материка она сужалась, приобретая диаметр 80-90 см, а у дна около 40 см. Глубина колодца 4,39 м от нуля или 2,96 м в материке. В заполнении найдены кости животных, керамика срубной культуры и 2 костяные проколки (Порохова, 1983).

Северо-восточнее ямы №7 находилось скопление песчаниковых камней в золе, видимо, остатки небольшого очага.

Оба сооружения на поселении были оставлены срубно-алакульским населением. Данные стратиграфии первого строения показывают, что оно было уничтожено в результате пожара. Факт обнаружения в погребке первого сооружения и котловане второго целых сосудов срубно-алакульского времени подтверждает принадлежность этих строений указанному периоду. Помимо этого погребение с территории поселения по морфологическим признакам и радиоуглеродным датам также относится к этому времени.

Кузьминковское поселение (рис. 4, 1).

В ходе полевых работ было исследовано 700 кв. м поселения. На исследованной площади обнаружена постройка, примыкавшая к берегу реки (Порохова, 1986).

Котлован имел подпрямоугольную форму, длинной стороной вытянутой по линии СВ–ЮЗ. Размеры котлована 20x7,5 м, глубина в материке 13-30 см. Пол котлована неровный, наиболее глубокая северо–восточная и центральная части жилища. Незначительно углублена в материк, на 5-10 см его юго-западная часть. Перепады глубин плавные, ступеньки не прослежены. Стенки котлована пологие, оплывшие. В северо-восточной части, по краю котлована на уровне материка тянулась полоса прокаленной красноватой глины шириной 30-60 см, мощностью 3-15 см и пятна золы и угля. Возможно, материковой глиной было присыпано основание стен жилища. После разрушения постройки глина заплыла в котлован. В северо-восточном углу постройки находилось овальное углубление шириной 70 см, видимо, это был выход. Пол в этой части жилища представлял собой красноватую прокаленную глину с пятнами сажистого грунта. Под прокаленной глиной – темная полоса утрамбованного пола жилища. Такое впечатление, что в результате пожара прокаленная глина рухнула на пол. Остальная территория жилища не имела прокалов (Моргунова и др, 2001, с. 102).

На территории жилища прослежены небольшие столбовые ямы диаметром 16-50 см, глубиной от уровня пола 10-40 см. Заметить систему в их расположении трудно. Они выявлены не по краям, а преимущественно в средней части постройки. В юго-западной части обнаружены глубокие ямы №№ 3 и 4. Яма № 3 имела овальную форму размерами 1,35 и 1,9 м, глубину от уровня пола 0,77 м. Стенки ямы неровные, имели углубления, заполненные комками прокаленной глины. Яма постепенно сужалась ко дну. Размеры дна 20-36 см. Заполнение ямы – темный грунт с комками

прокаленной глины, редко встречались кости животных и фрагменты керамики (Порохова, 1986).

Яма № 4 овальной формы. Размеры на уровне пола 1,04x1,3 м, глубина 1,24 м. В придонной части яма расширялась до 1,4 x 1,5 м. На дне ямы находился скелет в скорченном положении головой на запад (Моргунова и др, 2001, с. 103) (рис. 4, 2).

Покровское поселение

В ходе полевых работ было исследовано 476 кв. м поселения. На территории поселения изучено 2 постройки, к которым и был приурочен каждый из двух раскопов (Порохова, 1984).

Постройка 1 (рис. 5, 1). Котлован имел вытянутую с севера на юг овальную форму размерами 18,5 x 7,5 м и глубину в материк 55-60 см. В заполнении котлована вдоль западной его стенки тянулась полоса золы вперемешку с грунтом шириной 1,5 м и мощностью 55-60 см. Возможно, это часть сгоревшей постройки. На полу жилища выявлено 8 небольших ям бесформенных очертаний глубиной в материк от 10 до 50 см. В заполнении ям встречались отдельные фрагменты костей животных и керамики. Назначение ям не ясно. Едва ли их можно рассматривать как следы столбовой конструкции жилища, поскольку их расположение бессистемно. В восточной части котлована выявлено золистое пятно с углями и мелкими камнями. Видимо, здесь было небольшое кострище. На территории жилища зафиксированы 4 хозяйственные ямы. Яма 3 и 6 были заполнены медным шлаком. Яма 3 имела размеры 1,38x0,8 м и глубину в материк 0,6 м. Кроме шлака, в яме обнаружены фрагменты керамики и костяной предмет овальной формы, с округлыми сработанными поперечными сторонами. На дне ямы 6 (0,8x0,4 м глубина в материк 0,44 м), найдена придонная часть сосуда без орнамента. Яма 5 являлась очагом (3x1,2 глубина в материк 0,15 м). Она располагалась в северной половине жилища, имела вытянутую овальную форму. Южная часть овального очажного углубления была покрыта тонким слоем золы с углями. На остальной части плоского дна ямы

вертикально поставленными небольшими песчаниковыми камнями были выложены 4 ячейки различного диаметра, перекрытые сверху каменными плитками. На камнях сохранился нагар. Самым большим сооружением в постройке была яма 2 размером 2,6х3 м глубиной 2,6 м от уровня материка (рис. 5, 2). Стенки ямы вертикальные, от уровня пола до дна она была беспорядочно завалена крупными камнями. В верхней части заполнения на глубине -157 от 0 прослежено золистое пятно, между камнями иногда попадались куски шлака, керамика и кости животных. На дне (глубина -2,64 см от материка) камни находились в воде. В центре ямы, под камнями найден костяк подростка вдавленный в песчаное дно. Подобное сооружение было обнаружено во второй постройке и являлось колодцем (Порохова, 1989, с. 63-64).

Постройка 2 (рис. 6). На территории раскопа II было выявлено 5 глубоких ям, служивших, видимо, колодцами или погребями. Ямы располагались по одной линии в направлении ЮЗ–СВ, на расстоянии от 1 до 8,5 м друг от друга, только яма 1 находилась западнее этого ряда. Яма 2 имела массивную каменную кладку, близкими по устройству были ямы 1 и 5, округлые в плане, размерами 200х220 см и 170х140 см, глубиной в материк 300 и 242 см, стенки неровные, плавно сужавшиеся книзу. На глубине 110 и 170 см от края по окружности обнаружены ниши глубиной 20-50 см, высотой 10 см. Считать их приспособлением для хранения продуктов нет оснований, так как при выборе грунта в них не было найдено никаких хозяйственных остатков, да и без дополнительных укрепляющих деталей это место вряд ли могло быть надежным хранилищем.

Яма 4 на середине своей глубины сужалась до размеров 40 см, а затем вновь расширялась до 80 см.

Яма 2 (рис. 6, 2) на уровне материка имела размеры 300х300 см и углублялась в материк на 275 см. На уровне 160 см от края она сужалась, образуя в северо-западной части ступеньку шириной 0,8-1,6 м. По краю ямы шла полоса мелких камней, рядом с которыми в небольшом углублении

находились куски медного шлака. Крупные камни обнаружены в верхней части заполнения.

В грунтовых ямах, кроме ямы 1, в заполнении были прослежены пятна золы и угля, видимо, остатки сгоревшего перекрытия.

Яма 3 (рис. 6, 3) находившаяся в северо-восточной части раскопа, имела сохранившуюся каменную кладку и была идентична по размерам и конструкции яме 2 в раскопе I. На уровне материка она имела неправильные овальные очертания 330x250 см.

С восточной стороны к ней примыкала линза зольника толщиной 30 см. В северной ее части в сторону реки было прорыто углубление длиной 140 см, шириной 90 см и глубиной в материк 25 см.

На уровне материка изучена каменная кладка. Верхняя ее часть сооружена из камней различной формы и размеров, в центре отмечено квадратное отверстие. На глубине 50 см от уровня материка стала просматриваться каменная кладка, где плоские камни по четыре клались слоями так, что их наиболее ровные стороны образовывали прямоугольное отверстие. Камни были плотно пригнаны друг к другу и представляли прочное, добротное сооружение. Книзу отверстие плавно расширялось, сохраняя прямоугольную форму. На уровне 220 см от материка кладка опиралась на 6 вертикально поставленных по кругу (65x90 см) каменных плит. Глубина колодца 310 см.

При расчистке больших ям в постройке II было отмечено, что дно их заливалось родниковой водой на 15-20 см. В центре раскопа между ямами 4 и 2 по краям площадки располагались 4 столбовые ямки диаметром около 40 см, глубиной 20-30 см. С юго-восточной, стороны жилищного углубления тянулась полоса золистого грунта шириной 120-140 см, мощностью 15 см. Исследованные остатки в раскопе II позволяют предполагать существование на этом месте наземной постройки (Порохова, 1989, с. 62-63).

Исходя из керамических материалов, которые по преимуществу относятся к срубной культуре, полученных с площади поселения и под полом построек можно с уверенностью утверждать, что данные постройки были сооружены в позднем бронзовом веке.

Токское поселение.

В ходе полевых работ было исследовано 240 кв. м поселения. В центральной части раскопа исследована постройка (**рис.7**), котлован ее прорезал предматериковый слой и углублялся в материк на 30–40 см (Моргунова, 1979; Порохова, 1990). Заполнение постройки – темно-серый почвенный грунт. Контуры постройки были выявлены на уровне предматерикового слоя, на уровне 1 м от современной поверхности. Раскоп захватил часть постройки и небольшое пространство вокруг нее. Котлован имел форму вытянутого прямоугольника с округлыми углами, ориентированного по линии ЮВ-СЗ. Длина исследованной части 13 м, ширина 4,3-5,8 м. Стенки в материке пологие, оплывшие выявлялись не всегда достаточно четко. Дно неровное углубленное в центральной части. В постройке было выявлено 25 столбовых и 3 хозяйственные ямы, производственное место, возможно, связанное с металлургической деятельностью, погребения и части человеческих скелетов, производственный и бытовой инвентарь. Столбовые ямы имели округлую или овальную форму, размеры 0,25х0,3 м и глубину 6,5 см в разрезе ямы цилиндрические, чашевидные, конусовидные. Дно наиболее глубоких ям вымощено камнем, видимо грунт был вязким. Ямы располагались вдоль стенок без строгого порядка.

В центре постройки изучен колодец с хорошо сохранившейся кладкой из камня (**рис. 9**). Кладка имела округлую в плане форму размерами 1,97х2,27 м. У стен яма была забутована почвенным грунтом вперемежку с материковым суглинком. Забутовка укрепляла каменную кладку в центре ямы - жерло колодца. Кладка начиналась на уровне пола. Она была выложена из необработанных камней разной величины, аккуратно

сложенных по кругу. Образованное между ними отверстие имело размеры 0,4x0,43 м., книзу оно расширялось до 0,6x0,7 м. Колодец расчищен до глубины 1,06 м (-287 см) (Ankushev и др., 2022, с. 41-44).

В 2,5 м от колодца располагались ямы № 36 и 33. По форме они отличались от столбовых. Яма № 36 имела неправильную овальную форму размерами 0,7x0,8 м, глубиной 10 см. Дно плоское, на дне – скопление камней песчаника. Материковая глина в углублении и под камнями имела красноватый цвет, более яркий, чем материк на других участках. Возможно, от прокала. Других следов огня, углей, золы, оплавленных камней и др. не зафиксировано, среди камней найден мелкий кусок шлака. Яма № 33 овальная, размерами 0,54x0,8 м., глубиной 0,24 м, чашевидная с вогнутыми стенками. Почти все дно ямы покрывал плоский овальный камень. Камень укреплялся в неподвижном положении мелкими камнями, которые в пяти местах заполняли пространство между каменной плитой и стенками. Под плитой на дне ямы найдены древесный уголек, кусок медного шлака и мелкий камень. В заполнении ямы обнаружено 12 кусков медного шлака, мелкие обломки костей животных, 5 фрагментов керамики. Назначение ям 36 и 33 не ясно.

В юго-восточной части постройки исследовано углубление в материковое дно овальной формы, размерами 2x2 м, глубиной 13-26 см. Оно имело ярко-коричневый цвет, видимо, от прокала, как и яма № 36. По краям углубления лежали камни песчаника по отдельности и скоплениями. Камни не имеют следов огня. Среди камней и в заполнении углубления обнаружено несколько кусков шлака, капли меди и два фрагмента керамики, испытавшие воздействие сильного огня. Фрагменты неорнаментированных стенок сосудов. Один из них толщиной 0,9 см имеет ошлакованную внутреннюю поверхность и край; другой фрагмент, толщиной 1 см, прокален до ярко-коричневого цвета. В заполнении углубления было много углей. Возможно, описанное сооружение было связано с металлургическим процессом.

На дне котлована найдены останки людей которые группировались вокруг колодца. Скелеты были обожжены и сильно разбросаны (**рис. 8**).

Керамика и индивидуальные находки с территории поселения и построек в подавляющем большинстве относится к срубной культуре, что с уверенностью позволяет отнести данные строения к позднему бронзовому веку.

Ивановское поселение.

На территории поселения изучены 2 постройки, которые можно соотнести со слоем позднего бронзового века (Моргунова, 1981).

Постройка 1 обнаружена на глубине 156-160 см от нулевой отметки на уровне перехода от энеолитического слоя к неолитическому. Пятно имело овально вытянутые очертания и хорошо контурировалось полосой чистой золы, в которой встречались кусочки угля. По большей стороне оно орнаментировано с юго-запада на северо-восток. Размеры жилища 10,8х6,2 м. В заполнении жилища, состоящего из темной гумусированной супеси, на квадрате 170 найден плоский каменный терочник, в большом количестве обнаружена керамика (в том числе развалы сосудов). Столбовой конструкции не обнаружено (Моргунова, Порохова, 1989, с. 160-172).

Постройка 2 была углублена в нижележащий слой, пятно выделялось на его фоне золотистой окраской. Оно имело вытянутые подпрямоугольные очертания по оси Ю–С. Длина 6 м, ширина 3,2 м. На глубине 108-110 см от нулевой линии пятно уменьшилось до размеров 240х260 см. Оно уходило под северную стенку раскопа. В заполнении обнаружены развалы 4 небольших сосудов. Глубина строения у северной стенки 28-30 см. Еще восточнее на участке 25, на квадрате 486 выявлена яма, плотно заполненная медной рудой. Размеры ямы 80х60 см, глубина 15-20 см. На дне ямы прослеживалась угольная прослойка, некоторые куски покрылись сажей. На соседнем квадрате 481 найден целый медный серп (**рис. 71**). Южнее, на участке 26 квадрат 515 найден медный крючок с раструбовидной втулкой. Рядом с жилищем располагалось очажное сооружение, сложенное из

бесформенных известняковых камней, которые, видимо, скреплялись глиной. Под камнями и среди них обнаружено большое количество углей, золы, обожженных костей животных (Моргунова, 1981).

В целом, Ивановское поселение заселялось неоднократно. Самым древним населением поселка являлось население неолита и энеолита. Далее спустя продолжительное время данную площадку в позднем бронзовом веке заселили другие группы населения которые оставили верхний культурный слой поселения и две постройки. Рассматриваемые постройки, судя по стратиграфии и керамическому материалу, были оставлены носителями срубной культуры.

Поселение у хутора Горного.

Постройка площадью 115-120 м² характеризуется формой неправильного прямоугольника (примерно 13x9 м), вытянутого по линии запад-восток (Черных и др, 1999, с. 77).

В жилом отсеке постройки полы были плотно утопаны, толщина этого слоя варьировалась от 1 до 3 см. В свое основе это был суглинок в котором присутствовали следы золы, угольной пыли и малахитовой крошки. Сложно определить делалось ли это намеренно, следствии такого перемешивания цвет пола был темно серый с включением зеленого. Иногда пол выстлали мелкими фрагментами костей, на ряде участков выделено несколько слоев специальных подмазок (Черных и др, 1999, с. 81).

Обрушившаяся кровля перекрыла полы жилого помещения. Она представляла собой относительно рыхлый и толстый (до 10-15 см) глинистый слой, насыщенный большой массой остатков прогоревших тонких стволов и веток деревьев (ольха, ива). Вероятнее всего, она представляла собой навес типа плетни, обмазанного глиной.

Неподалеку от центра, но слегка смещенная к восточной части жилого помещения, располагалась большая округлая в плане печь диаметром 1,6 – 1,8 м. Внутри печи обнаружена большая масса золы и

пепла. Вокруг печки было обнаружено множество мелких шлаков, тем не менее, она была отнесена к бытовым, а не плавильным печам.

Основу хозяйственной части постройки составил плавильный двор который примыкал к жилому помещению с запада. Квадратный по форме плавильный двор площадью 100 м² в центре которого находился металлургический очаг, который был центром металлургии во всей постройке.

Конструкция металлургического очага: массивная подтрапециевидной формы глиняная платформа длиной до 1,8-2 м и максимальной шириной до 1,2 м при толщине 30-35 см. Глина платформы, как и подстилающего ее слоя, очень сильно прокалена. Платформа также трижды подмазывалась, и следы подмазок сохранились очень хорошо. Судя, по всему, плавка руды велась на платформе с использованием открытого огня и угольной засыпки, куда помещался либо глиняный сосуд, либо специально выточенная из песчаника чаша. К жилому помещению также примыкал рудный двор общей площадью до 15 м², он был предназначен для хранения подготовленной высококачественной медной руды (Черных и др, 1999, с. 83-84).

Детальное исследование поселения и построек при помощи естественнонаучных методов, морфологии керамики и индивидуальных находок позволяет с уверенностью датировать данные постройки поздним бронзовым веком.

Малоюлдашевское поселение

На территории поселения исследовано две постройки с каменным основанием (Евгеньев, 2014).

Постройка 1 (рис. 10). На западных участках поселения выявлены остатки каменного сооружения, представлявшие собой систематическую кладку подпрямоугольной в плане формы, ориентированную в меридиональном направлении, состоящую из камней различной формы и размеров. Глубина залегания камней, составляющих каменную конструкцию

– от -126 до -267 см от 0, что связано с естественным понижением рельефа поселения с севера на юг. Между некоторыми камнями отмечена обмазка из белой глины, использовавшейся в качестве связующего раствора. Общая площадь раскопа, на которой зафиксированы остатки каменного сооружения – 14x18 м. Восточная граница сооружения, представлявшая собой вытянутую по линии С-Ю цепь каменных выкладок длиной до 11 м. Северная граница сооружения – дугообразная, частично разрушенная оврагом, каменная выкладка длиной до 14 м. Западная граница, представлявшая собой вытянутую по линии ССЗ-ЮЮВ, частично разрушенную оврагом, цепь каменных выкладок длиной до 18 м. Южная граница сооружения не сохранилась, вероятно, была разрушена при строительстве дороги.

В пределах каменного сооружения отмечена значительная концентрация артефактов – костей животных, фрагментов керамики, медные шлаки. По всей видимости, постройка имела две камеры.

Возле оврага крупные камни, утопая в песке, были сильно подвержены перемещениям в слое. Данные процессы могли происходить как в древности, когда, вполне возможно, происходили некоторые работы по перепланировке, так и на современном этапе вследствие антропогенного воздействия. В ходе экспедиции местные жители неоднократно отмечали, что камни с территории постройки забирались для хозяйственных нужд с мест, где эти камни обнажались (карьер и автодорога).

В южной части постройки была обнаружена **яма 1 (рис. 11)** неправильной округлой формы. Заполнение ямы состояло из темно-серой гумусированной супеси с включениями золы и угля, в заполнении отмечена значительная концентрация костей животных, фрагментов керамики, кусков дерева, следов горения (угли, обожженные кости, шлаки). По мере продвижения вглубь яма сужалась, и в центральной, наиболее глубокой части, была выявлена **каменная конструкция** – систематическая каменная кладка в форме округлого колодца или глубокого очага, диаметром около 2 м. В глубину конструкция достигала 1,7 м. Конструкция была сложена

следующим образом: в верхней части располагались плоские плиты, внутри – массивные необработанные булыжники. Заполнение между камнями состояло из грунта, щебня, золы, угля (Евгеньев и др., 2016, с. 26-34)

Постройка 2 (рис. 12). Исходя из скопления материала и концентрации камня восточнее постройки 1, можно предположить наличие на поселении второй постройки. Она, так же как и первая, представляла собой наземное сооружение. Скопление камней от постройки, ориентированно по линии запад – восток.

В ходе работ на глубине -183 см от 0 была выявлена яма 2 неправильных очертаний, размерами 5х6 м. Яма сужалась по мере углубления, дно было зафиксировано на уровне материка. В пределах ямы в квадрате было обнаружено пять развалов сосудов.

Вероятно, яма 2 являлась котлованом постройки, практически незаглубленной в материк. По периметру ямы прослежены наброски из камня, который был частью стены дома или его облицовки. Достаточно хорошо сохранилась южная часть постройки, где выявлены наиболее крупные камни. Можно предположить, что частью постройки 2 также являлась яма 4. Округлая по форме, диаметром 2,5 м, глубиной –15 см от уровня материка (Евгеньев и др., 2016, с. 34-37).

Исходя из стратиграфических и планиграфических наблюдений, а также морфологии керамического материала постройки оставленные на поселении были сооружены в позднем бронзовом веке.

Таким образом, описанные выше постройки дают возможность проследить основные строительные приемы которыми руководствовалось население в позднем бронзовом веке. По своим основным характеристикам все постройки являлись хорошо приспособленными для проживания в степной зоне строениями.

Размерные характеристики, анализ внутрижилищных конструкций и погребения рассмотренные в следующем параграфе, позволят более детально

рассмотреть основные строительные приемы, конструктивные особенности, а также функциональное назначение построек.

1.2 Конструктивные особенности и функциональное назначение построек.

На территории Оренбургского Предуралья известно 11 раскопанных построек эпохи поздней бронзы (Файзуллин И., 2015а. С. 80-86; Евгенийев и др., 2016).

По своим параметрам постройки позднего бронзового века Оренбургского Предуралья можно разделить на две группы:

- большие, размер которых превышает 100 кв. м.
- малые, размер которых варьируется от 35 до 73 кв. м.

К первой группе отнесено 5 построек (Родниковое поселение строение 2, постройка II Кузьминского поселения, Покровское поселение строение 1, постройки поселения Горный, поселение Малоюлдашево строение 1).

К числу больших построек относится постройка 1 Малоюлдашевского поселения, ее площадь составила около 250 кв. м. Данная конструкция сильно выбивается из размерного ряда построек в регионе. Однако при этом необходимо отметить, что у данной постройки отсутствовало заглубление в материк, а сам материк представлял собой песок. Размеры постройки были определены по контуру камней, которые были частью основания и возможно стен данного строения. Столь большие размеры могут быть объяснены тем, что при разрушении строения камень распространился на некоторое расстояние от стен, существующих в древности.

Ко второй группе отнесено 6 строений (Родниковое поселение строение 1, Ивановское поселение строения 1 и 2, постройка Токского поселения, Покровское поселение строение 2, Малоюлдашевское поселение строение 2). При этом размер построек никак не отражает функциональное назначение и разнообразие внутрижилищных конструкций. Так, к примеру, в постройке с

Токского поселения, размер которой составлял 73 кв.м. был расчищен колодец, а также 2 хозяйственные ямы, заполненные медными шлаками. Кроме того, постройка имела столбовую конструкцию.

Размерные характеристики построек сопоставимы с памятниками в соседних регионах, однако на них исследованы и более крупные постройки, которые в нашем регионе отсутствуют.

Так в Башкирском Зауралье отмечены 2 постройки, характеризующиеся значительными размерами. Это строения на поселениях Сактар (постройка 1, 420 кв м) и Тавлыкаевское (строение 1, 429 кв. м) (Бахшиев, 2014, с. 14). Все остальные размерные группы соотносятся с материалами Оренбургского Предуралья и имеют похожее культурное наполнение в слое поселений.

В Самарском Поволжье также отмечены постройки как малых размеров, так и больших, площадь которых превышает 100 кв. м (Васильев, 2010, с. 74-77). Помимо этого, в данном регионе изучена постройка I Сусканского поселения, площадь которой составляет 336 кв. м (Мерперт, 1958, с. 115-116).

По глубине жилых котлованов все постройки были разделены на 2 группы (**таблица 1**):

- наземные
- полуземлянки

К **полуземлянкам** были отнесены постройки с заглублением котлованов в материк более 50 см. В данном случае сам котлован мог использоваться как часть стены строения. Наземные постройки практически не имеют углублений в материк, и основная часть стен в подобных строениях возводилась отдельно и была самостоятельной конструктивной единицей. Для оформления пола был выбран грунт от уровня древней поверхности до материка. Небольшое заглубление, видимо, имело чисто утилитарную цель, и должно было обеспечить более комфортное проживание в постройке.

Сходный принцип классификации построек был применен для территории Башкирского Зауралья (Бахшиев, 2014, с. 14-16) и Волго-Камья (Чижевский, 2007, с. 103-104).

Среди изученных построек к полуземлянкам можно отнести только два сооружения: строение 1 Покровского поселения и жилищно-хозяйственный комплекс с поселения Горный на Каргалах. Заглубление котлованов построек в данном случае превышало 50 см в материк.

Жилищно-хозяйственный комплекс с поселения Горный отличало достаточно сложное внутреннее устройство, которое сочетало в себе как жилую часть, так и производственную. При глубине котлована в 100-150 см, стенки котлована могли играть роль стен в сооружении.

Постройка с Покровского поселения не имела столь сложной внутренней конструкции, однако внутри нее были все необходимые условия для комфортного проживания и ведения хозяйства: небольшое кострище в восточной части, более мощный очаг расположенный в центре, а также колодец, облицованный внутри камнем. Данную постройку сближает с постройкой с Горного не только глубина котлована, но и многочисленные следы металлообработки, встреченные как внутри строения, так и за его пределами.

В обеих полуземлянках были выявлены опорные столбы. На поселении Горное они располагались хаотично и имели различный диаметр, что затрудняет реконструкцию комплекса. На Покровском поселении также были обнаружены столбовые ямки, расположенные бессистемно.

К **наземным** отнесено 9 построек. Во всех этих строениях глубина котлована в материке была меньше 50 см, в ряде случаев заглубление в материк являлось незначительным. Иногда контур построек условен, зачастую определяется по концентрации материала и внутрижилищным конструкциям, в виде хозяйственных ям, погребов и колодцев.

Все наземные постройки подразделяются на *столбовые* и *бесстолбовые*. К столбовым постройкам относятся две, это строения с Токского и II Кузьминковского поселений.

На II Кузьминковском поселении в постройке зафиксирована одна основная осевая линия столбов, которая проходила вдоль по центру жилой части жилища – это основная несущая линия, на которую вероятно опирались коньковые балки. Столбы, которые поддерживали нижние края стропил северо-восточного и юго-западного скатов крыши, не обнаружены, но на месте их нахождения, по этому же периметру, зафиксирована золистая прослойка.

На Токском поселении было выявлено 25 столбовых ям, расположенных вдоль стен, что предполагает иное строение крыши, чем на II Кузьминковском поселении. Здесь вероятнее всего упор делался на несущие стены, а варианты сооружения крыши могли быть очень разнообразны.

Постройки подобного типа имеют широкие аналогии на территории Евразии. Наиболее ярким примером построек с применением столбовой конструкции являются строения Сусканского поселения, изученные Н.Я. Мерпертом (Мерперт, 1958, с. 99-110). На территории Башкортостана выявлено большое количество подобных конструкций. Так на Аитовском поселении была изучена целая серия построек со столбовыми конструкциями различных форм. В целом, на данном поселении приоритет отдавался именно столбовым конструкциям, которые имели множество вариантов для оформления стен и крыши домов (Морозов, 2017, с. 171-187).

Бесстолбовые строения наземного типа представлены в регионе 7 постройками (Малоюлдашевское поселение строения 1 и 2, Ивановское поселение строения 1 и 2, Родниковое поселение строения 1 и 2, Покровское поселение строение 2). Все постройки практически не заглублялись в материк.

На территории степной Евразии отмечено достаточно большое количество наземных безстолбовых построек. Возможность их использования для проживания и хозяйственной деятельности отмечена на территории Самарского Поволжья (Васильев 2010, с. 76). В Башкирском Зауралье известны жилища без столбовых конструкций на I Береговском, Тавлыкаевском поселения (Горбунов, 1989, с. 60-82), схожие постройки на поселениях срубной культуры отмечены и на Дону (Гак, 2011, с. 8-16).

Реконструкция построек.

В настоящее время в литературе, посвященной бытовым памятникам позднего бронзового века, высказано множество вариантов реконструкции построек со столбовыми конструкциями (Мерперт, 1958; Березанская, 1990; Потемкина, 1985; Лопатин, 2002; Морозов, 2017). Наличие ямок от столбов и глубина котлована, если он есть, во многом определяет воссоздаваемую авторами постройку. Широкую известность получила реконструкция Н.Я. Мерперта постройки Сусканского поселения. Было отмечено, что постройка представляла собой большую прямоугольную полуземлянку, со значительной и сложной наземной конструкцией. Основу наземной конструкции составляла большая двускатная кровля, каждая сторона которой опиралась на продольную балку, поддерживаемую рядом столбов. Из-за того, что ширина котлована была достаточно широкой, перекрыть ее путем установки одной коньковой балки было достаточно сложно. Нижние концы балок кровли опирались на землю, верхние перекрещивались выше опорных лаг (Мерперт, 1958, с. 115-117).

Единственной постройкой, которую можно реконструировать по схожей модели, является постройка с Токского поселения. Там также выявлены столбовые ямы в два ряда, при установке балок как на реконструкции Сусканского строения вполне можно повторить двускатную кровлю. Однако постройка с Токского поселения не была сильно углублена в материк, там он был слегка подрезан. Несмотря на это различие, повторить данную конструкцию возможно.

В остальных случаях столбы располагались хаотично, что предполагает самые разные варианты их использования, а также реконструкции крыши построек.

Больше вопросов вызывает реконструкция наземных бесстолбовых строений. Исходя из имеющихся данных, судить о конструкции построек можно лишь предположительно. Для оформления пола внутри построек был выбран грунт от уровня древней поверхности до материка. Небольшое заглубление, видимо, имело чисто утилитарную цель, и должно было обеспечить более комфортное проживание в постройке.

Фундамент, если он использовался, можно выделить только на постройках с Малоюлдашевского поселения. Фундаментом сооружений служили крупные камни, которые равномерно укладывались по периметру строения.

Стены могли быть изготовлены из дерновых блоков, или мазаного плетня, следы которых не сохранились до нашего времени. Однако существуют примеры, когда плетень сохранялся и был исследован археологами. На поселении Саргары Г.Б. Здановичем была исследована постройка, в конструкции стен которой применялись плетневые стены (Зданович Г., 1983, с. 71-72). Еще одним вариантом сооружения стен мог быть деревянный сруб или какой-либо другой вариант конструкции из этого материала. Ранее уже высказывалось предположение об использовании дерева для наземных построек Западного Оренбуржья в эпоху бронзы. Основанием этому заключению послужило наличие достаточно сложных надмогильных и внутримогильных деревянных сооружений в могильниках срубной культуры (Файзуллин И., 2015а, с. 80-86; Файзуллин И. и др, 2021, с. 79-89).

При этом хочется отметить, что еще в эпоху ранней и средней бронзы на рассматриваемой территории население обладало всеми возможностями для высококлассной обработки дерева. Свидетельством этого являются погребения ямно-полтавкинского времени. Во втором одиночном кургане у

села Шумаево было обнаружено погребение с деревянными колесами (Моргунова и др, 2003, с. 9-12). Не менее интересным представляется погребение с VII курганного могильника у села Тамар-Уткуль, инвентарь которого представлен следующим набором: «разметчик», сланцевая пластина, медное долото, медное тесло, медный нож, медный топор. Артефакты выявленные в захоронении, интерпретируются как плотницкий инвентарь, который служил маркером социальной значимости погребенного (Моргунова, Кравцов, 1994, с. 98-99, Моргунова, Файзуллин. А, 2018, с. 35-60). Приведенные данные говорят о давней традиции обработки дерева, которая вероятно, не была утрачена и получила дальнейшее развитие в эпоху поздней бронзы.

Ю.А. Морозов также считает, что дерево было одним из самых распространенных материалов, используемых при строительстве. Он предполагает, что заготовкой строительного материала население занималось в зимнее время, так как срубленный зимой лес более прочный и дольше не подвергается гниению (Морозов, 2017, с.171-175). Так же хочется отметить Курманаковское поселение на территории Республики Татарстан. На многослойном поселении были обнаружены хорошо сохранившиеся бревна, которые были частью конструкции, представлявший из себя переход между двумя постройками. В самих землянках, вдоль краев землянок, фиксировались углистые полосы от сгоревших бревен (Лыганов, 2021, с. 31-34, рис. 4А).

Попытки обоснования наличия построек из деревянных срубов в Южной Сибири в эпоху средневековья была предпринята И.Л. Кызласовым. Он отмечал, что со временем от бревенчатой избушки остается такое же ровное место, как и от войлочной юрты (Кызласов, 2005). Он также обосновал возможность использования наземных сооружений из дерева, доказывая это тем, что в эпоху раннего железного века на рассматриваемой им территории существовали сложные надмогильные и внутримогильные конструкции в виде срубов из дерева.

Этнография дает ряд примеров использования легких каркасных строений у кочевников. Так тувинцы в XVIII-XIX вв. н. э. практиковали применение нескольких вариантов наземных строений, среди которых были как деревянные срубы, так и каркасные строения. Четырехугольные каркасные жилища имели четыре слегка вкопанные в землю опорные стойки с развилчатыми вырезами на верхних концах, куда вставлялись перекладины кровли. Стены из вертикальных жердей и кровлю крыли корой лиственницы, причем в некоторых жилищах зимой покрытие из коры заменялось покрытием из шкуры лося. Постройки из срубов известны в различных вариантах от четырехугольных до шестиугольных по форме и разнообразные по размеру (Ванштейн, 1991, с. 31).

Вопрос о форме крыши наземных построек неоднократно поднимался. Так М.П. Грязнов единственным возможным способом оформления крыши считал опирающийся на края котлованов пирамидальный сруб с плоским верхом (Грязнов, 1953, с. 137-148).

В дальнейшем В.А. Ромашко, в целом, соглашаясь с точкой зрения М.П. Грязнова, отмечал, что нагрузка действительно ложилась на края котлована. Однако в устройстве самой кровли, вероятно, применялась не система пирамидального сруба, а более конструктивно целесообразная стропильная шатровая конструкция, обычная для традиционного домостроительства многих древних и современных народов Восточной Европы (Ромашко, 2001, с. 133).

Как уже отмечалось ранее, интересной по своей конструкции и материалу, примененному при строительстве, являются постройки с Малоюлдашевского поселения. При их рассмотрении можно коснуться вопроса об использовании камня для строительства в рассматриваемом регионе.

В поисках аналогий представленным постройкам были изучены бытовые памятники бронзового века, как с территории Оренбургского Предуралья, так и с сопредельных территорий. Ни на одной из известных

построек Оренбургского Предуралья камень не был основным строительным материалом, лишь изредка он использовался для обрамления кострищ и очагов, либо для укрепления колодцев и хозяйственных ям. Наиболее интересными в этом плане являются хозяйственные ямы-погребы с Родникового и Покровского поселений, которые были очень качественно укреплены камнем по периметру (Порохова, 1989, с. 60-61, рис. 1; Купцова, Файзуллин И., 2012а, с. 73-76, рис. 4). До исследования Малоюлдашевского поселения в регионе полностью отсутствовали постройки, характеризующие традицию каменного домостроения, однако, как мы видим, камень использовался в ряде случаев для обустройства ряда конструкций.

В целой серии работ, посвященных памятникам Самарского Поволжья, практически не было отмечено применение камня при возведении построек эпохи позднего бронзового века (Мерперт, 1958, с. 104-138; Васильев, 1999; Васильев, 2010, с. 74-77; Васильева и др., 2017, с. 400-410 и др.). На данной территории наиболее распространенным типом жилищ являются полуземлянки со столбовой конструкцией различных форм, которые варьируются по размерам, а также наземные строения. Здесь также лишь изредка отмечалось использование камня для подсобных нужд, например, для выкладки кострищ и укрепления колодцев. Лишь один памятник с указанной территории демонстрирует достаточно сходные строительные приемы. На поселении Михайло-Овсянка, исследованном Г.И. Матвеевой, была изучена постройка I на раскопе III (Матвеева и др., 2004, с. 75-77). Изученное строение представляло собой котлован шириной 6,5 м, длиной, по мнению авторов, не менее 9 м. Глубина котлована достигала 1,1 м. Авторами раскопок были изучены каменные стены вдоль северного и южного бортов котлована. Для выкладки использовался известняк различных форм и без видимой обработки, схожий с тем, который был найден на рассматриваемой постройке. Помимо этой постройки, авторы раскопок обнаружили еще несколько небольших сооружений с каменными стенами, однако исследованы они были совсем небольшими площадями, и истинные их

размеры остаются невыясненными. Отметим, что постройка 1 с Малоюлдашевского поселения все же больше по размерам и не имеет столь значительного заглубления в грунт.

Керамика поселения Михайло-Овсянка типична для срубной культуры, часть сосудов характеризуются ранними признаками, сосуды по форме и оформлению близки подобной керамике Малоюлдашевского поселения.

Несмотря на небольшие различия в постройках, объекты с Михайло-Овсянки являются наиболее близкими к Малоюлдашевским, как в культурном наполнении, так и в строительных приемах. Хочется отметить, что авторы раскопок подчеркивали, что поселений с каменным домостроением в регионе больше не отмечено (Матвеева и др., 2004, с. 75).

Помимо Самарского Поволжья достаточно близкими в культурном плане выглядят бытовые памятники Башкирского Приуралья и Зауралья. Однако, ни на одном из раскопанных поселений не было встречено каменного домостроения, здесь лишь изредка отмечалось использование камня для подсобных нужд, отмеченных для вышеописанных регионов (Морозов, 1983, с. 19-40; Горбунов, 1989, с. 60-82; Горбунов, 1992; Бахшиев, 2008, с. 14-25; Сунгатов, Бахшиев, 2008).

На территории Восточного Оренбуржья отмечены постройки алакульской культуры, в строительстве которых активно применялся камень. На поселениях Ушкатта, Шандаша, Тасты-Бутак из камня возводились перегородки, сооружались очаги, и в некоторых случаях из него делали основания стен (Кузьмина, 1962, с. 9-11; Зданович, 1988, с. 141, Фомичев, 2010, с. 142-145). Схожие традиции отмечаются и в Центральном Казахстане (Маргулан и др., 1966). Постройки были укреплены по всему периметру камнями различных размеров и форм. Из камня выкладывались кострища и печи, на ряде поселений в углах построек ставили наиболее крупные камни для их укрепления. В ряде случаев сохранились части от стен, выполненных каменной кладкой.

При всей схожести с постройками Малоюлдашевского поселения, культурологическое содержание материала в данных памятниках значительно отличается: в их основе содержатся материалы, характерные для андроновских культур.

Ранее именно с андроновским влиянием связывали использование камня, который являлся достаточно распространенным материалом для перекрытия могил срубной культуры на территории Приуралья (Горбунов, Морозов, 1991, с. 91; Обыденнов, Обыденнова, 1992, с. 146). В последующем, с накоплением материала в регионе, было отмечено, что камень в погребальной практике срубной культуры начинает использоваться еще до первых контактов населения срубной культуры с андроновскими племенами (Купцова, 2014а, с. 65-74; Купцова, 2014б, с. 177-196). В этой связи и постройки с каменным основанием Малоюлдашевского поселения достаточно сложно связывать с восточным влиянием. При этом на поселении отмечена немногочисленная группа сосудов срубно-андоновского облика, технология изготовления которых в основном тяготеет к срубным гончарным традициям, что говорит о культурной доминанте населения срубной культуры.

Наиболее близкие в культурном плане памятники срубной культуры с применением камня в домостроительстве известны на территории Левобережной Украины (Шарафутдинова, 1982, с. 11-42), в частности – в Северо-Восточном Приазовье (Привалова, Привалов, 1987, с. 94-98; Горбов, Привалова, 1989; Горбов, 1997; Привалова, 2000, с. 105), и на Нижнем Дону (Потапов, 2000; Ларенок, 2000; Цыбрий, 2013). Традиция возведения построек с каменным основанием и стенами отмечается на данной территории с конца средней – начала поздней бронзы. Данный прием в домостроительстве характеризует некоторые постройки бабинской культуры, однако максимального расцвета он достигает в срубное время и в памятниках финальной бронзы (Горбов, 1997, с. 148-149; Горбов, 2000, с. 55-59).

Сооружения, близкие постройкам поселения Малоюлдашево I, были исследованы на территории Донецкого края. На Степановском поселении срубной культуры была изучена серия построек, каменные основания которых не были глубоко заглублены в материк и представляли собой большие конструкции (Бровендер, 2012, с. 89-95). Аналогично рассматриваемым постройкам и строение 1 Зимогорского поселения в Луганской области, которое авторами относится к срубному времени (Пробейголова, 2011, с. 81-84).

Несмотря на достаточную удаленность от территории Оренбургского Предуралья, памятники указанных регионов максимально близки исследуемым постройкам. Так же как и на Малоюлдашевском поселении, значительное число построек не заглублено в материк, в ходе строительства используется камень разных размеров. Кроме того, на указанных поселениях доминирует срубная культурная традиция. Таким образом, постройки с Малоюлдашевского поселения и постройки с Михайло-Овсянки в настоящее время являются немногими примерами каменного домостроительства у населения срубной культуры в Волго-Уральском регионе.

Внутрижилищные конструкции.

Внутрижилищные конструкции наряду с архитектурными приемами при возведении стен и крыши постройки определяют ее назначение и характеризуют хозяйственные предпочтения населения. Наиболее важными элементами в каждой постройке являются следующие:

- очаги и кострища
- колодцы
- хозяйственные ямы

Очаги и кострища. Огонь, являвшийся для первых людей важнейшим достижением, был средством обогрева, орудием для приготовления пищи, а также культовой материей. Первоначально именно для защиты огня находили, а затем и строили жилище (Хлобыстина, 1974, с. 22-25). В этой связи расположение и форма очагов очень важна как для

реконструкции, так и для установления функционального назначения строения.

Кострища фиксируются в виде прокала грунта в местах расположения костров; очаги – в виде выложенных из камней площадок. На II Кузьминковском и Токском поселениях на территории построек выявлено по одному кострищу. На Покровском поселении зафиксирован очаг, который располагался в северной части жилища и имел вытянутую овальную форму. Южная часть углубления была покрыта тонким слоем золы с углями. На остальной части плоского дна ямы вертикально поставленными небольшими песчаниковыми камнями выложены четыре ячейки различного диаметра (от 30 до 70 см), перекрытые сверху каменными плитками. На камнях сохранился нагар. Другой очаг этого же поселения располагался за пределами жилища. Диаметр очажной ямы 1,6 м, глубина 0,7 м, она была заполнена мелкими камнями и золой. Ещё один очаг, располагавшийся вне постройки, обнаружен на Ивановском поселении. Он представляет собой сооружение, сложенное из бесформенных известняковых камней, которые, видимо, скреплялись раствором глины. Под камнями и среди них обнаружено большое количество углей, золы и обожженных костей животных (Моргунова, 1981).

На поверхности вышеописанной глиняной платформы поселения Горного были обнаружены следы двух очагов – печек, где проводились разогрев и расплавление меди. Один из них представлял собой относительно крупную, прокаленную по дну и бокам плоскую ямку овально-округлой формы, размером 70x80см, внутри которой, равно как и вокруг нее, оказалось большое количество древесного угля, а также обломков толстостенных ошлакованных плавильных тиглей. Другой очаг представлял собой скопление пережженных обломков песчаника с подмазками в несколько слоев из сильно обожженной глины или суглинка. Конструкция очага напоминает корытообразное углубление, видимо,

предназначенное для помещения в полость углубления литейных форм (Халяпина, 2000, с. 86).

Очаги и кострища с территории Западного Оренбуржья различаются по форме и функциональному назначению. Очаги со II Кузьминковского и Токского поселений представляют из себя круглые или близкие к овальным кострища открытого типа, известные как в срубных, так и андроновских древностях. Этот тип очага известен в Средней Азии, прежде всего у ираноязычных таджиков и памирцев и устраиваются в домах мужских собраний (Кузьмина, 1994, с. 80). На Покровском поселении исследовано более сложное сооружение, двухкамерный очаг. Очаги подобного типа Е.Е. Кузьмина относит к очагам IV типа, используемых в производстве (Кузьмина, 1994, с. 81). Однако наиболее сложный по конструкции очаг был исследован на поселении у хутора Горный. Подобные очаги могли быть примитивными горнами, если принять во внимание тот факт, что данное поселение было местом бытования и работы профессиональных металлургов, наличие такого очага и интерпретация его как горна или металлургической печи не вызывает сомнений.

Как один из общих признаков жилища степной и лесостепной зоны Евразии, очаг универсален в основных своих показателях. Это открытый костер, который разводили, и может быть, постоянно поддерживали в специальном углублении – костровой яме. Пологие стенки сильно прокалены. Огонь просушивал земляночный котлован и в какой-то мере предохранял жителей от кровососущих насекомых.

Колодцы. На поселениях Оренбургского Предуралья колодцы выявлены в пяти постройках (Родниковое - сооружение 2, Покровское сооружения 1 и 2, Токское и Малоюлдашевское поселения). Колодцы встречены как в наземных бесстолбовых постройках, так и в полуземлянках и наземных строениях с использованием столбовой конструкции. Отсутствие закономерности в нахождении колодцев в постройках разных

типов может говорить о стандартности применения данного элемента в постройках.

На уровне материка они имели неправильные овальные очертания в пределах 300х250 см. Верхняя часть была сложена из камней различных размеров, а в центре правильное квадратное или круглое отверстие. Камни плотно примыкали друг к другу и представляли собой кладку. В двух случаях отмечены следы деревянных конструкций, которые ее подпирали. Принципиальных отличий в конструкции колодцев не отмечено, различия касаются только размеров

Обеспечение водой одна из важнейших потребностей человека. Исследователи выделяют две стратегии по добыче водных ресурсов пассивную (сбор дождевой воды, использование воды из водоемов) и активную (сохранение воды и ее активная добыча) (Корякова, Пантелева, 2019, с. 17). К числу действий характеризующих активную стратегию, относится строительство колодцев, самых доступных для древнего населения гидротехнических сооружений.

В обобщающей работе по колодцам позднего бронзового века Урало-Казахстанского региона И.П. Алаева отмечает, что они впервые появляются на поселениях синташтинской культуры (Алаева, 2002, с. 7-9). Данные сооружения долгое время интерпретировались исключительно как приспособления для водоснабжения населения. В дальнейшем, после публикации большого массива данных по синташтинским поселениям, появились исследования которые связывали колодцы с металлургическим производством (Григорьев, 2000, 448). Такой вывод был сделан по выборке колодцев, к которым либо примыкали, либо находились близко печи или очаги. Так, в 43 постройках было выделено 45 комплексов колодец-очаг (печь) (Алаева, 2002, с. 7-9). Отметим, что на Токском поселении колодец также располагался вблизи очага, и в его заполнении были встречены шлаки.

Однако в последующем данная гипотеза была подвергнута сомнению. Так, на укрепленном поселении Каменный Амбар исследователи изучили 15 колодцев синташтинской культуры и не нашли прямой взаимосвязи между колодцами и металлургическим производством (Корякова и др, 2011, с. 67-70; Корякова, Пантелева, 2019, с. 24).

Для населения срубной и алакульской культур И.П. Алаевой было доказано применение колодцев только для водоснабжения. Аргументируя это тем, что колодцы не связаны с печами, никак не связаны с металлургическим производством и имеются не во всех постройках (Алаева, 2002, с. 9).

В связи с тем, что большинство колодцев с поселений Оренбургского Предуралья не было связано с печами, встречаются они только в половине изученных построек и оставлены населением срубной и срубно-алакульской культурных групп, мы можем предположить их использование исключительно как средства водоснабжения. В то же время, мы не исключаем использование колодца с Токского поселения для металлообработки.

Хозяйственные ямы. На территории поселений было обнаружено 35 хозяйственных ям. Формы ям разнообразны: овальные, круглые, подпрямоугольные.

Наибольший интерес представляют две хозяйственные ямы имевшие глубину меньше, чем колодцы, они не заливались водой, и, вероятнее всего, являлись погребями. Особый интерес вызывает погреб с Родникового поселения. Яма овальных очертаний, диаметром около 3 м у поверхности. На глубине 0,9 м яма резко сужалась, образуя ступеньку. Диаметр дна ямы 1,2 м, глубина от уровня материка 3,1 м (**рис. 2,2**).

Уступ ямы служил полкой, на которую ставили сосуды с пищей и, вероятно, клали мясо. На уровне пола жилища яма была перекрыта деревянным настилом из жердей, который поддерживали столбы, установленные на уступе вплотную к стенкам погреба. Следы от двух

столбиков диаметром 18 и 14 см были видны на восточной стенке на расстоянии 1 м друг от друга. Деревянное перекрытие, по всей видимости, было сверху укреплено камнями. Камнем был укреплен как сам уступ, так и нижняя стенка (Купцова, Файзуллин, 2012а, с. 73). По аналогичной схеме был сооружен погреб на Покровском поселении (Порохова, 1989, с. 60-63).

Интерпретация погребов и их функционального назначения не столь сложно, как в случае с более мелкими ямами. Их можно было использовать для хранения любых групп продуктов питания. Малые ямы, диаметр которых иногда составлял лишь 20-30 см и глубину в материке 10-20 см могли использоваться как угодно. Они могли служить как место хранения, являться частью конструкции стен и опор жилища, а также использоваться в ритуалах.

Многие исследователи отмечают, что из множества хозяйственных ям возможно выделить те, которые сооружались не для утилитарных, а для ритуальных целей. Так С. Н. Корневский по материалам бытовых памятников майкопской культуры отмечал, что интерпретация хозяйственных ям, только как бытовых устройств, неоднозначна и до конца сейчас не выяснена. Не исключено также, что хозяйственная яма в майкопском жилище могла иметь также культовое значение, как объект причастный к вере возрождения «всего и вся». Она могла сооружаться вне жилища или в самом жилище в момент покидания его обитателями (Корневский, 2008, с. 18). М.Ф. Косарев отмечает, что во многих случаях эти ямы содержат не хозяйственные запасы и не бытовые отходы, а приношения, адресованные «нижним» духам, чтобы снискать их расположение и тем самым обезопасить жилище и его обитателей. Зарывание в землю, ровно как и намеренная порча («умерщвление») зарываемых вещей, являлось, по сибирско-языческим верованиям, самым верным и надежным способом отправления «посылки» в Нижний мир, в том числе в Страну мертвых. Поэтому истинное назначение древних «хозяйственных ям», на его взгляд, скорее всего, может быть по-

настоящему раскрыто прежде всего с учетом семантики традиционной жертвенной и погребальной обрядности (Косарев, 2008, с. 6).

Функциональное назначение строений.

Рассматриваемые постройки были разделены по функциональному назначению на две группы:

- хозяйственно-производственные (мастерские)
- жилищно-хозяйственные.

Конструктивные особенности, внутрижилищные конструкции и материалы с площади построек стали критериями включения построек в ту или иную группу.

В первую группу вошли строения с узкой специализацией (металлургическое, керамическое, кожевенное производства или др.), к ним отнесены постройки с Горного и Токского поселений. Они являлись специализированными постройками (мастерскими) – сооружениями, выполняющими производственно-ремесленные функции.

Основными критериями их выделения являются следы металлургической деятельности. В представленных постройках в большом количестве найдены куски медной руды, медного шлака, оплавленные камни песчаника. На Токском поселении рядом с каменной кладкой колодца были найдены две каменные ванны (Порохова, 1990). Одна из них представляла собой монолит с выдолбленным корытообразным углублением. Аналогичные находки были обнаружены на поселении металлургов эпохи бронзы на Донбассе (Татаринов, 1988, с. 99). Обычно они интерпретируются исследователями как ванны для промывки и обогащения медной руды. На поселении Горный производственным сооружением является глиняная платформа, которая представляет в какой-то мере уникальное для срубной культуры глинобитное сооружение, служившее базой для размещения двух очагов или печей для обработки металла достаточно простой конструкции (Черных, 1997, с. 81-85). Основу платформы составляет массивная насыпь плотной глины мощностью до 1 м.

Ко второй группе сооружений отнесены постройки, которые, по всей видимости, являлись в эпоху бронзы наиболее массовыми. Жилищно-хозяйственные постройки представляют собой сооружения, в которых совмещены функции жилого и хозяйственно-бытового назначения. Основными критериями для их выделения являются наличие жилого помещения и части строения, специально отведенной для хозяйства. В хозяйственной части постройки часты находки заготовок костяных, керамических, каменных или металлических изделий. В ряде случаев удалось проследить следы осветительного кострища, а также хозяйственные ямы. К постройкам этой группы относятся два сооружения на II Кузьминковском и Покровском поселениях, которые являются самыми большими по площади. В обеих постройках зафиксированы столбовые ямки, которые располагались, в большинстве своем, в жилой части помещения по периметру и в центре. Хозяйственная же часть, вероятно, имела легкую каркасную конструкцию, следы от которой не сохранились. Вдоль стенок обеих построек прослеживалась полоса золистого грунта (на Покровском поселении – вдоль западной стенки; на II Кузьминковском – по периметру жилой части постройки).

Особо выделяется «жилищно-производственный комплекс» поселения Горный (Черных и др., 2002, с. 70-83). Исследованный комплекс состоял из пяти частей: жилое помещение, плавильный двор, рудный двор, сакральная штольня и яма для свалки отходов. Жилище, плавильный и рудный дворы по существу представляли соединенные между собой отсеки. Весь комплекс был углублен в глинистый грунт до глубины 1-1,5м, то есть, представлял собой огромную полуземлянку. Жилое помещение занимало центральное место в этом комплексе его размеры составляли около 12х9,5м. Жилище по ряду признаков легко выделялось среди иных частей комплекса. Его отличал хорошо сохранившийся, утопанный, ровный земляной (глинистый) пол. Другим признаком жилого долговременного помещения была массивная кровля. Она представляла собой относительно рыхлый и толстый глинистый

слоей, насыщенный большой массой остатков прогоревших тонких стволов и веток деревьев: ольхи, ивы и березы (Черных и др., 2002, с. 71-73).

Сложным остается вопрос о функциональном назначении бесстолбовых строений. Как правило, они не имеют мощных очагов, на дне котлованов не фиксируются столбовые ямки, что свидетельствует, вероятно, о наличии легкой каркасной конструкции данных построек. На территории построек располагаются от 3 до 6 хозяйственных ям, в том числе и глубокие ямы-погребца (рис. 3), которые расположены в каждой постройке, независимо от ее функционального назначения.

По мнению О.А. Халяпиной, данные строения являются хозяйственными постройками (Халяпина, 2000, с. 84-85), однако, этот тезис кажется дискуссионным.

Многочисленные аналогии наземных построек, которые интерпретируются как легкие жилые сооружения не позволяют однозначно ответить на вопрос об их функциональном назначении. На территории Казахстана - это поселения Петровка II (Зданович Г, 1988, с. 36-37), Атасу (Кадырбаев, 1983, с. 135-137), в Башкирском Зауралье известны жилища без столбовых конструкций на поселениях Таналык, Оло Хаз, Олаир (Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 25) и I Береговском (Горбунов, 1989, с. 62-80).

По мнению Е.Е. Кузьминой происхождение этого типа жилища связано с эволюцией монументального, прямоугольного дома – землянки. Изобретение подобных строений в эпоху поздней бронзы связано с началом перехода к более подвижному типу ведения скотоводства. Изобретение легкого каркасного жилища явилось важнейшей инновацией в культуре Евразийских степей и обеспечило возможность перехода к кочевому скотоводству (Кузьмина, 1994, с. 100). Возможность использования в эпоху поздней бронзы наземных сооружений было выдвинуто еще рядом исследователей. М.Ф. Обыденнов и Г.Т. Обыденнова, рассматривая постройки срубной культуры с территории Волго-Уральского региона, предполагают, что срубные племена практиковали сооружение наземных

построек как жилого, так и хозяйственного назначения (Обыденнов, Обыденнова, 1992, с. 55).

Возвращаясь к функциональному назначению подобных строений, необходимо отметить, что они могли быть как жилыми, так и жилищно-хозяйственными. Внутреннее строение данных построек практически не определяется. Отнесение подобных сооружений к хозяйственным возможно, по нашему мнению, в том случае, когда на территории поселения сосуществуют как наземные постройки, так и полуземлянки со столбовой конструкцией. Подобная картина отмечена на ряде памятников эпохи бронзы: Кировское поселение (История Самарского Поволжья..., 2000, с. 211-213) и Тавлыкаевское поселение (Морозов, 1983. С. 19-29). В этом случае более сложное столбовое строение предпочтительно для проживания.

Однако на территории Западного Оренбуржья подобной ситуации не прослежено, а вот наличие двух наземных конструкций имеет место на Родниковом поселении. Учитывая тот факт, что поселение было раскопано большой площадью и имело мощный культурный слой, можно предположить, что они могли использоваться для проживания.

Анализ рассматриваемых поселений показал, что на территории Западного Оренбуржья в эпоху бронзы существовали различные постройки, отличающиеся друг от друга функциональным назначением. При этом хочется отметить, что нам не удалось выявить чисто жилые постройки. Это обусловлено, по нашему мнению, недостаточным количеством раскопанных построек. Наземные постройки с бесстолбовой конструкцией, ставят больше вопросов, чем дают ответов. Они, как отмечалось ранее, могли быть как жилыми, так и хозяйственными. Дальнейшие работы по систематизации признаков построек и накопления источниковой базы должны позволить нам ответить на вопрос их назначения.

Деление построек эпохи поздней бронзы по функциональному назначению видится необходимым для более полного представления о

хозяйстве, быте и религиозных верованиях населения, которое их оставило. Наличие узкоспециализированных построек в рассматриваемом регионе ярко свидетельствует о специализации хозяйственной деятельности у населения эпохи поздней бронзы.

Преобладание наземных построек в регионе может отражать способ ведения хозяйства. Достаточно подвижное скотоводство не предполагало возведение мощных жилых и хозяйственных построек. При частой смене места проживания ключевую роль играла возможность быстрого ремонта построек для повторного заселения. В то же время, практически все наземные постройки имели сложные внутрижилищные конструкции, такие как колодцы, очаги, погреба которые позволяли населению заниматься и другими видами хозяйства. Так на всех рассмотренных поселениях отмечены следы металлообработки, косторезного дела и других сфер хозяйственной жизни.

1.3. Захоронения людей на поселениях позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья

Погребальный обряд является одним из основных маркеров для понимания идеологических представлений. Он тем более важен, что является практически единственным обрядом, оставляющим материальные остатки, по которым с наибольшей полнотой удастся составить представление о религиозном мировоззрении. Кроме того, погребальный обряд является средством связи поколений и поэтому наиболее устойчив к инновациям.

В каждой археологической культуре существуют определенные стандарты погребального обряда, однако при этом встречаются и нетрадиционные виды захоронений. Необходимо отметить, что нестандартность погребений не всегда выражена в конструктивных особенностях могилы, погребальном инвентаре или положения умершего в ней. Зачастую нестандартность погребального обряда выражена в необычности места захоронения. В этой связи погребения на территории

древних поселений как раз и являются случаями, выбивающимися из традиционного канона погребального обряда.

В эпоху позднего бронзового века традиционными видами погребальных памятников являются курганные и грунтовые могильники, наличие захоронений на территории постоянного проживания населения выглядит достаточно иррациональным. В то же время, нельзя не отметить, что в традиционных обществах жизнь и смерть в некоторой степени были уравнены в обыденном и религиозном сознаниях.

На территории западной части Оренбургской области известно 5 поселений эпохи поздней бронзы, на которых изучены погребения.

Родниковое поселение

Погребение находилось в центре поселения, и было стратиграфически привязано к жилищу. Ребенок лежал скорченно на левом боку, головой на северо-восток, руки находились перед лицом. Инвентарь погребения представлен двумя сосудами срубной культуры (**рис. 3,3**).

Для уточнения хронологической позиции захоронения были получены радиоуглеродные даты сосудов из могилы, так как другие материалы для датировки в настоящее время отсутствуют (**Таблица 10, 1-2**) (Файзуллин И., 2015б, с. 177-180).

Несмотря на критику ряда исследователей в вопросе о датировке керамики в целом, и посуды с примесью раковины в частности (Черных, Орловская, 2011. С. 71-75) нами была предпринята такая попытка. Отметим, что по эпохе неолита – ранней бронзы существуют обоснованные шкалы дат по керамике, которые достаточно точно коррелируют с археологическим материалом (Выборнов, 2014, с. 45-49; Моргунова, 2011.; Моргунова, 2014).

По основным признакам погребального обряда: небольшие размеры и глубина ямы, отсутствие каких либо перекрытий, скромный набор инвентаря, представленное погребение по основным существующим периодизациям (Семенова, 2000, с.157-161.; Качалова, 1985, с. 34-36) скорее можно отнести к развитому этапу существования срубной культуры.

Однако радиоуглеродные даты данного захоронения представляются достаточно ранними. Отнести погребение к раннему этапу срубной культуры косвенно возможно с учетом того, что технико-технологический анализ керамики показал в составе формовочной массы присутствие дробленной раковины. Составы формовочной массы с дробленной раковинной ряд авторов соотносят с ранним этапом срубной культуры (Салугина, 2014а, с. 644; Мухаметдинов, 2012б, с. 51-52; 2013, с. 196-197).

Хочется отметить, что ситуация, когда относительно "бедный" погребальный обряд согласуется ранними датами, встречается в погребальных памятниках срубной культуры Западного Оренбуржья в Боголюбовском и Скворцовском могильниках (Купцова, 2015, с.56-57).

В случае с датами из погребения на Родниковом поселении, первая дата выглядит несколько удрежденной, что возможно связано с датировкой по керамике, однако интервал между двумя датами не является очень большим. Вторая дата практически полностью совпадает с комплексами К4 П8 Скворцовского могильника: 3550±90 лет ВР или 2020 – 1750 лет ВС (68 % вероятности) (Моргунова и др, 2010. С. 76) и К12 П1 Боголюбовского могильника: 3544±80 лет ВР или 1980 – 1760 лет ВС (67,1 % вероятности) (Моргунова и др, 2014, с. 99). Ранняя датировка погребений была доказана результатами технико-технологического анализа керамики и палеопочвенными исследованиями (Купцова, 2014, с. 190-196).

Таким образом, погребение с Родникового поселения вполне вероятно, было сооружено на раннем этапе развития срубной культуры.

II Кузьминковское поселение.

На территории постройки была исследована яма № 4, являвшаяся захоронением (**рис. 4,2**). Яма имела округлую форму, размеры на уровне пола 1,04 x 1,3 м, глубину -124 см от пола. Погребенный находился на дне ямы, в сильно скорченном положении, головой ориентирован на запад. Кисть левой руки протянута к ступням, кисть правой находилась у колен. На теменной части черепа имелись два отверстия треугольной формы, которые

могли быть причиной смерти. Инвентарь могилы представлен альчиками коровы. Подобное положение костяка может указывать на насильственную смерть и намеренное помещение в жилое пространство (**рис. 4, 2**). (Моргунова и др., 2001, с. 99-105).

Хронологическую позицию данного комплекса определить достаточно сложно в силу отсутствия инвентаря, однако исследователи памятника отнесли постройку ко времени финала бронзового века.

Покровское поселение.

На территории постройки 1 был исследован колодец, на дне которого найден костяк ребенка. Череп лежал теменем на запад (**рис. 5,2**). Положение костяка установить не удалось по причине нахождения костяка в воде, которая непрерывно поступала в колодец.

Обломки черепа и лопатки взрослого человека были обнаружены и около очага (Порохова, 1989, с. 60-71).

Токское поселение.

На дне котлована постройки были обнаружены кости человеческих скелетов, находившиеся в беспорядочных скоплениях вокруг ямы-колодца. В трех местах зафиксировано положение костяков.

Погребение № 1 располагалось в северо-западной части постройки на материковом дне. Сохранилась верхняя часть скелета (**рис. 8**). Кости рук и части позвоночника сохранили правильное анатомическое положение. Грудная клетка и череп разрушены, представлены отдельными фрагментами. Предположительно, погребенный лежал на спине, головой на СЗ, руки сильно согнуты в локтях, кисть правой руки, видимо, лежала на груди, левой - перед лицом. Кости частично обожжены. Земля под костями не имеет прокала. Зубы сохранившейся челюсти (нижней) были намеренно повреждены; корни зубов находились в гнездах, а коронки были сбиты. Целыми остались только крайние коренные зубы. Кости принадлежали мужскому костяку в возрасте 40-50 лет.

Погребение 2 располагалось в средней части постройки у стены между столбовыми ямами на уровне дна котлована (**рис. 8**). Погребение было окружено камнями и, видимо, присыпано землей. Все кости сохранили правильный анатомический порядок. Была захоронена отчлененная часть трупа: череп и верхняя часть позвоночника. Череп лежал на левом боку, теменем на СЗ. На месте лежали нижняя челюсть, лицевая часть и основание черепа с верхней челюстью, несколько фрагментов черепной коробки. Теменная и затылочная части черепа лежали в стороне от погребения на расстоянии 1 м. Коренные зубы целые, передние - на верхней челюсти имеют потрескавшуюся разрушенную эмаль; на нижней челюсти эмаль разрушена на резцах. Сохранились полностью шейные позвонки и 4 грудных, к которым присоединялись основания ребер. Грудная клетка была отсечена, сломы на ребрах старые, неровные. Кости не обожжены. Под камнем рядом с черепом найден уголек и углистое пятно. За этим камнем находился крупный фрагмент закрытого баночного сосуда.

Погребение 3 располагалось рядом с погребением 1, в северо-западной части постройки на материковом полу. Погребение полностью разрушено. В данном скоплении находился череп с нижней челюстью хорошей сохранности, зубы не повреждены. Также были идентифицированы две бедренные кости, две большеберцовые без суставной головки, одна малая берцовая, два фрагмента плечевых костей, обломок лопатки. Кости не обожжены. По расположению костей предполагается западная ориентировка погребенного.

Кроме описанных погребений, вокруг колодца было обнаружено еще три скопления костей человека вперемежку с культурными остатками (II, III, IV) лежащие в полном беспорядке. В скоплении находились следующие кости человеческого скелета: обломок бедренной кости, обломки двух плечевых костей, 1 поясничный позвонок, 1 ребро, черепная коробка с глазницами, нижняя челюсть. Коренные зубы целые, резцы и клыки со сбитыми коронками. Нижняя челюсть (подбородок) имеет темные пятна от

огня. Череп и остальные кости принадлежат мужскому костяку в возрасте 15-18 лет. Скопление II и III располагаются рядом друг с другом и вблизи скопления II. В скоплении III находились обломки таких костей: 1 головка тазобедренного сустава, принадлежавшие женскому костяку в возрасте до 35 лет. В скоплении IV обнаружены: 4 крупных позвонка, 6 обломков ребер, фрагмент тазовой кости, фрагмент ключицы, черепная коробка и нижняя челюсть. Коренные зубы не сохранились, передние со обитыми коронками. Нижняя челюсть обожжена до черного цвета. Череп и, видимо, остальные кости скопления, принадлежат мужскому костяку в возрасте до 45 лет. Недалеко от скопления костей человека на уч. 10, кв.53 над столбовой ямой № 58 обнаружен целый череп человека без нижней челюсти, принадлежащий мужскому костяку в возрасте 30-40 лет. Также целый череп человека (подросток в возрасте 12-14 лет) найден за пределами постройки в культурном слое.

В других частях раскопа были обнаружены отдельные кости человека: фрагменты черепов, позвонки, тазовые, бедренные, ребра. По подсчетам нижних челюстей количество костяков на исследуемой части поселения было не менее десяти. Из них только один женский в возрасте 20 – 25 лет и один детский в возрасте 12-14 лет. Остальные костяки являются мужскими в основном в возрасте 30-40 и 40-50 лет и один в возрасте 50-60 лет. Все кости залегают в культурном слое или на дне постройки и, несомненно, относятся ко времени существования поселения¹ (Файзуллин, 2012, с. 228).

Малоюлдашевское поселение.

Погребение примыкало к южной границе постройки 1. По всей видимости, население, возводившее постройку, было осведомлено о наличии погребения, и сама постройка была либо приурочена к погребению, либо синхронна с ним (Евгеньев и др, 2016, с. 46-52).

Контуры могильной ямы не прослежены. Погребение представляло комплекс из трех скелетов взрослых людей (**рис. 13**).

¹ Антропологические определения выполнены д.и.н. А.А. Хохловым

Костяк 1 - мужчина пожилого возраста, лежал скорченно, на правом боку, головой на север². Руки погребенного были согнуты в локтях, ноги были слабо согнуты в коленях и перекрещены. Перед лицом покойного стоял керамический сосуд. Рядом с ним также располагались бронзовое шило и кость крупного рогатого скота³.

В ногах костяка 1 был расчищен **костяк 3**, скелет был уложен компактно «в пакет» и принадлежал мужчине 30-40 лет. Судя по тому, что некоторые части тела костяка 3 находились в ненарушенном анатомическом порядке (позвоночник, лопатки и ребра), можно предположить, что он был подвергнут расчленению непосредственно перед захоронением. Южнее костяка 3 было выявлено скопление четырех передних и семи задних конечностей пяти особей овцы. Костяк 3 и кости овцы составляли единый жертвенный комплекс, предназначенный погребению мужчины (костяк 1) (Моргунова и др, 2015, с. 64-66).

За спиной костяка 1 на расстоянии около 25 см располагался **костяк 2**, который принадлежал молодой женщине. Он находился в положении лежа на спине, ноги вытянуты, несколько отклонены влево. Скелет также имел северную ориентировку, ее лицо было повернуто в сторону мужчины. От рук обнаружены только кости ключицы и плечевые кости, от которых были отделены суставы. На черепе погребенной присутствовали следы травм от проникающего орудия в виде трех сквозных округлых отверстий разной величины. Вероятно, в результате полученных травм погребенная и скончалась (**рис 13, 2**).

Женщину сопровождал разнообразный инвентарь: два бронзовых браслета, клык кабана, горшковидный сосуд украшенный геометрическим орнаментом, бронзовый нож, два бронзовых перстня, кусок смолы, костяной дисковидный предмет, четырехгранное бронзовое шило, керамический сосуд

² Антропологические определения выполнены д.и.н. А.А. Хохловым

³ Палеозоологические определения выполнены к.и.н. Н.В. Росляковой

подпрямоугольной формы, 4 костяных острия и бронзовые пронизи различной формы (рис 13, 2) (Моргунова и др, 2015, с. 65-66).

Традиционно принято разделять детские и взрослые захоронения в контексте поселенческих захоронений. Считается, что детские захоронения являются принципиально отличной погребальной практикой. Кроме того, они имеют, различную со взрослыми захоронениями причину и интерпретацию (Куприянова, 2018, с. 189). Среди представленных погребений к детским можно отнести захоронение с Родникового поселения.

В археологической литературе и этнографии существует несколько точек зрения по поводу особого отношения к детским захоронениям на поселениях. Одно из них это малолетство погребенных, т.е. детей, не прошедших определенные этапы социализации, нельзя было хоронить по полагающемуся для остальных жителей обряду. В тоже время известно достаточно много примеров когда дети всех возможных возрастов были захоронены в курганных группах наравне со взрослыми. В ряде случаев их сопровождал достаточно стабильный набор инвентаря для культур позднего бронзового века (Моргунова и др, 2010; Моргунова и др, 2014). Кроме того, известны исследования, которые напрямую указывают на стандартность погребения детей в классических для населения позднего бронзового века курганных могильниках (Берсенева, 2010).

Еще одной версией захоронения детей, которую иногда авторы приводят в качестве причины данного обряда, является социальная значимость погребенного (Шорин, 1991, с.77; Шилов, Маслюженко, 2002, с.177). Казалось бы, данный контекст больше подходит для взрослых захоронений. Исходя из возраста погребенного, его личная роль в обществе кажется незначительной. Однако исследования последних лет показывают, что социальный статус в бронзовом веке мог передаваться по наследству (Кореневский, 2017, с. 46-48; Файзуллин А., 2015, с. 369-370). Возможность того, что именно для детей элитных групп населения могли создавать такие комплексы, не выглядит невозможной. Если рассматривать каждую могилу,

как прообраз дома, то для таких привилегированных детей могли предоставить и существующую постройку.

Помимо представленных вариантов объяснения погребения детей на территории поселений, обращают на себя внимание еще несколько возможных причин. Среди них самыми интересными нам видятся следующие: уберечь от смерти будущих детей (Антонова, 1990), сохранить фертильность женщин (Алекшин, 1986, с. 152-153; Виноградов, Берсенева, 2013, с. 65); помещение умерших детей под защиту духов или какими то другими религиозными культами (Тамимдарова, 2007, с. 76-77; Мерперт, 1958, с. 118-119).

Все остальные версии нахождения погребальных комплексов на территории поселений могут быть связаны с любыми возрастными группами.

Самой распространенной версией нахождения захоронений в контексте поселений, а в частности в постройках, является идея строительной жертвы (Тамимдарова, 2007, с. 76-77; Файзуллин И., 2012, с. 226-230; Горбов, Мимоход, 1997, с. 28-30; Куприянова, 2004, с. 117-126). Вне всякого сомнения, наличие погребения внутри жилого пространства легче всего объяснить помещением его в момент создания постройки. Показательной этнографической аналогией являются верования древних индийцев. По их представлениям Вселенная была создана из тела первого человека Пуруши, а дом – это микрокосм, миниатюрная модель вселенной. Таким образом, при строительстве жилища необходима такая же жертва. В последующем ведические арии отказались от данного обряда. Пурушу просто рисовали на месте будущего жилища, хотя при этом обряд ритуального убийства сохранился при строительстве храмов и царских дворцов в некоторых областях Южной Азии вплоть до начала XX века (Кузьмина, 1994, с. 94-96).

Однако, исходя из имеющихся данных, не всегда понятно, когда именно было совершено погребение. Ряд авторов в своих работах указывают на невозможность определения времени совершения обряда захоронения, что вполне объяснимо. Особенностью большинства степных бытовых

памятников эпохи поздней бронзы Евразии является отсутствие четкой стратиграфии, а также их многослойность (Епимахов, 2013, с. 388-393; Бахшиев, 2014, с. 11-13; Файзуллин И., 2014, с. 123-125).

Приведенные выше поселения также были многослойными, материалы разных культур и хронологических групп залежали в одних и тех же горизонтах. На трех (Родниковое, Токское, Малоюлдашевское) из пяти поселений в датировке погребений не возникает сомнений, по причине наличия в них инвентаря. На Покровском поселение датировка также не вызывает затруднений из-за абсолютного доминирования срубной и срубно-алакульской керамики, которые имеют общую хронологическую позицию. Сложность вызывает датировка погребения с Кузьминковского поселения, где материалы раскопок представлены началом позднего бронзового века и финалом бронзового века.

С такой же проблемой мы сталкиваемся, когда пытаемся продатировать постройку на основе погребального комплекса. Так, на Малоюлдашевском поселении погребение четко датируется синташтинским временем, в то время как основной массив материала представлен находками срубной культуры. Кроме того, в слое поселения присутствует и синташтинская керамика, аналогичная той, которая обнаружена в погребении. Если исходить из того, что постройку сооружали в срубное время, то несомненно, строители знали о наличии данного захоронения. Основание постройки сделано из массивных каменных блоков, при их перемещении в момент строительства, при такой незначительной глубине могилы, они бы ее разрушили.

В данной ситуации мы видим несколько вариантов развития события:

1. Погребенные были частью ритуала закладки постройки. В этом случае данные хронологии дают нам возможность предполагать, что на определенном этапе развития поселка здесь могли сосуществовать носители раннего этапа срубной культуры и синташтинской культуры. Радиоуглеродные даты последних лет не исключают такую возможность (Молодин и др, 2014).

2. Население возводило постройку, зная о наличии данного погребения. В этом случае, мы видим дань уважения к своим предкам, когда люди строят свое жилище над столь богатым захоронением и готовы жить рядом с могилой.

3. Строители даже не подозревали о наличии погребения.

4. Хоронят знатного члена общества, а вместе с ним двух зависимых людей с богатым инвентарем, а создание постройки приурочивают к данному событию.

Пример Малоюлдашевского погребения наиболее ярко показывает сложность интерпретации погребального контекста в жилом пространстве. При этом необходимо учитывать тот факт, что в данном погребении как минимум два человека умерли не своей смертью.

В этой связи стоит затронуть еще одну распространенную версию нахождения погребений на территории древних поселений - это жертвоприношения.

Ни для кого не секрет, что в древности человеческие жертвоприношения имели широкое распространение. На Кузьминковском поселении человек был убит, либо обезврежен ударом в голову, о чем свидетельствуют характерные следы на черепе. На Малоюлдашевском поселении два человека стали жертвами или были подвергнуты посмертному обезвреживанию.

Скотоводы позднего бронзового века, вероятнее всего, остро чувствовали свою зависимость от природы. Их взаимодействие с окружающим миром могло осуществляться в ходе особых религиозных ритуалов. Таким образом, проявлялась своеобразная зависимость человека от окружающей его среды. Попытка противопоставить что-либо негативному воздействию природы или оказать определенное влияние на ее отношение к конкретному коллективу, выразилась в особых религиозных ритуалах, включавших в себя обряд жертвоприношения. Причем подобные явления сохранялись у некоторых народов длительное время.

Подобные ритуалы были отмечены в культурах степной Евразии с неолита и продолжали существовать в эпоху бронзы и последующие периоды (Усманова, Мерц, 2021, с. 139).

Смерть вождя, а в скандинавских мифах смерть конунга, должна была обеспечить плодородие урожая, плодovitость людей и скота, сохранение удачи (Ткачев, 1992). Принесение себя в жертву ради интересов племени могло считаться почетным, а зачастую умерщвляли без желания жертвы, если смерти требовал народ. При этом хочется отметить, что захоронение авторитетного члена социума, душу которого желали сохранить возле себя, сопровождался страхом его посмертной силы. Для обезвреживания труп подвергался связыванию или целенаправленному искажению анатомического порядка покойного, что мы и видим на примере рассматриваемых погребений.

По наиболее универсальным понятиям принесение в жертву человека имело значение искупления и очищения, вызывалось стремлением добиться благоденствия, отвести неурожай и эпидемии (Шилов, Маслюженко, 2002). Нельзя исключать и возможность добровольного принесения себя в жертву во благо всего рода или коллектива. Малочисленность же подобных захоронений, возможно, показывает экстренный характер человеческих жертвоприношений.

Однако не все погребения на территории поселений исследователи склонны относить к ритуальным действиям. Останки людей обнаруженные на Токском поселении, которые ранее также рассматривались (Файзуллин И, 2012, с. 226-230) в данном контексте, вполне могут быть следами военных конфликтов. На целой серии андроновских поселений отмечены военные действия (Чемякин, 2015, с. 169). По мнению автора, в ходе столкновений поселения могли быть полностью уничтожены, и хоронить погибших было некому. Вероятность такого развития событий вполне допустима, вследствие того, что на поселении, по всей видимости, проживали профессиональные металлурги. Результаты их труда вполне вероятно стали целью захватчиков.

А сам контекст нахождения более 10 погребений на уровне пола постройки может говорить о том, что погребенных сложили в доме и сожгли после нападения. Однако при всей логичности аргументации данной позиции мы не можем исключать и другие варианты назначения данного захоронения.

К сожалению, археологи отмечают лишь кульминацию столь сложных ритуальных операций, как жертвоприношение или закладка жилища. Действия, сопровождающие обряд погребения, а также ритуалы, следующие за ним, остаются неизвестными. Набор причин к такому обращению с покойными всегда будет иметь большое количество интерпретаций. Каждая из представленных версий обращения с умершими имеет свои слабые и сильные стороны, которые могут быть подкреплены наблюдениями в этнографии и более тщательной работой в ходе полевых исследований. Не вызывает сомнений лишь факт стабильного и целенаправленного использования человека как объекта в ритуальных действиях. На территории степной Евразии в позднем бронзовом веке он отмечен практически на каждом поселении раскопанном большими площадями.

Вывод

Данные по строительным традициям и погребальным комплексам позволяют сделать вывод, что большинство исследованных построек позднего бронзового века было оставлено населением срубной археологической культуры. Исключением является постройка со II Кузьминковского поселения, керамическая коллекция и индивидуальные находки которого относятся к финалу бронзового века.

По основным характеристикам все постройки являлись хорошо приспособленными для проживания в степной зоне строениями. По размерным показателям постройки с рассматриваемой территории имеют полный набор вариантов – от небольших до крупных. Такая картина наблюдается и в сопредельных регионах. В Оренбургском Предуралье строительные традиции срубной культуры отличаются тем, что большинство построек носило наземный характер. При возведении зданий использовалась

как каркасная система, при которой вся тяжесть кровли опиралась на столбы каркаса, так и с несущей стеной, которая являлась основанием для кровли. При этом второй вариант, то есть постройки с несущей стеной доминировали.

На одном из поселений Оренбургского Предуралья (пос. у с. Малоюлдашево) стены были возведены из камня. Единственной аналогией этим строениям являются постройки с поселения Михайло-Овсянка в Самарском Поволжье. По данным других поселений можно предполагать, что для возведения стен использовались дерновые блоки, плетень или дерево.

Наличие сложных внутрижилищных конструкций позволяет заключить, что все сооружения так или иначе использовались в хозяйственной деятельности. Выделены хозяйственные и жилищно-хозяйственные объекты. Многочисленные шлаки, всплески меди, литейные формы и специализированные сооружения в виде сложных очагов говорят о том, что население активно занималось металлообработкой. Основным назначением всех построек было занятие металлообработкой и другими ремеслами (косторезное, гончарство и т.д.).

На площади поселений позднего бронзового века Оренбургского Предуралья выявлены захоронения. Погребения были обнаружены на памятниках, раскопанных большими площадями. Практика захоронения людей на поселениях в регионе являлась распространенным видом обрядовых действий. Вероятнее всего, представленные комплексы являлись жертвоприношениями связаны с глубокой верой в культ предков.

Отсутствие четкой стратиграфии на всех рассмотренных поселениях создает сложности при определении культурной принадлежности, внутренней хронологии на каждом памятнике, а также межкультурных связей и смены археологических культур. Наиболее надежным инструментом для решения этих задач является изучение индивидуальных находок, а также керамики, которая является самой массовой и информативной категорией находок.

Глава 2. Керамика позднего бронзового века, межкультурные связи и хронология

2.1. Морфология и технология посуды из глины на поселениях Оренбургского Предуралья

Гончарство - это самое древнее производство искусственных материалов, возникшее в человеческом обществе. До этого человек подвергал лишь механическому изменению природные материалы (камень, дерево, кожу и др.). Гончарство стало качественно новым этапом взаимоотношений человека и природы, когда человек стал сам изготавливать материалы для своих изделий.

В традиционных обществах был распространен механизм передачи знаний и трудовых навыков из поколения в поколение по родственным каналам (от матери к дочери, от отца к сыну), что приводило к консервативности гончарного производства (Бобринский, 1999, с. 63-65). Совокупность трудовых операций превращалась в систему культурных традиций, свойственных для каждого отдельного родственного коллектива.

Для населения степного пояса в эпоху позднего бронзового века гончарство было наиболее распространенным занятием, при этом достаточно табуированным как и в предшествовавшую эпоху. Об этом говорит стандартизация керамики в это время для всех культур. Керамика - во многом ключевой индикатор культур бронзового века в контексте бытовых памятников.

Гончарное производство обеспечивало население необходимой посудой как бытового, так и ритуального предназначения. Однако вопрос о специальном изготовлении посуды для ритуалов в настоящее время не решен в полной мере и является дискуссионным. Так или иначе процесс изготовления посуды и других керамических изделий несомненно является частью жизнедеятельности древних поселений.

Гончарство населения эпохи бронзы с территории Западного Оренбуржья в силу территориальных особенностей, которые

характеризуются пограничным положением срубной и алакульской культур, является основным индикатором для хронологической и культурной атрибуции древнего населения. Данный факт был отмечен целым рядом исследователей (Сальников, 1950, с. 317; Федорова-Давыдова, 1964, с. 85; Рутто, 1982, с. 27-28; Порохова, 1989, с. 60-71; Купцова, Файзуллин И., 2012а, с. 80-90).

При анализе форм сосудов за основу была взята типология О.Д. Мочалова (Мочалов, 2008, с. 176-183). Предложенная автором типология керамики срубной культуры достаточно полно отражает формы сосудов представленных на бытовых памятниках Оренбургского Предуралья. При этом необходимо отметить, что рассматриваемый регион в эпоху позднего бронзового века был местом активных контактов населения срубной культуры и культур андроновской общности. В связи с этим в типологическую колонку были включены формы, характерные для алакульской посуды и для синкретичных изделий. Для более полного и объективного выделения андроновских и смешанных сосудов были использованы работы Е.Е. Кузьминой, Н.Б. Виноградова, Л.В. Купцовой, И.И. Бахшиева и И.П. Алаевой.

Для более точного определения культурной принадлежности и изучения особенностей технологии древнего гончарства применялся технико-технологический анализ керамики по методике А.А. Бобринского. Керамика с Родникового, Малоюлдашевского, II Сухореченского, Нижнепавловского и Покровского поселений была проанализирована В.И. Мухаметдиновым.

Исходя из типологии было выделено 3 категории сосудов:

1. **Горшки**-сосуды с наличием шеи. Шея выражена в разной степени и образует плечико. Среди рассмотренных сосудов выделяются следующие типы горшков:

- плавнопрофилированные горшки. Сосуды данного типа отличает слабо выделенная шея. Горшки равномерно профилированы. Венчик прямой или незначительно отогнут.

- остросереберные горшки. Посуда данного типа отличается наличием перегиба на тулове сосуда. Перегиб мог располагаться как в верхней трети высоты, так и посередине сосуда. Венчики сосудов прямые или немного отогнуты. В некоторых случаях при переходе от шейки к тулову фиксируется внутреннее ребро. Пропорции сосудов вертикальные или средние.

- горшки с уступчатым плечом. Отличительной чертой типа является наличие здесь так называемого уступа: древними мастерами к заготовке тулова прикреплялась лента со скосом внутрь, и на месте спая образовывалось ребро-уступ (Кузьмина, 1994, с. 110).

- горшки с высокой шеей и раздутыми боками.

- горшки с плавным профилем и воротничковым оформлением шейки. Данный тип керамики по форме близок остросереберным сосудам. Отличительной чертой сосудов типа является воротничковое оформление шеи.

2. **Банки**-самая простая по форме посуда. В рассматриваемых бытовых памятниках занимает доминирующее положение. Вероятнее всего, процент встречаемости данной посуды мог быть больше, однако простота исполнения и зачастую отсутствие орнамента на оставшихся фрагментах посуды делают ее культурно неопределимой при рассмотрении керамического комплекса. Характерной чертой данной посуды является отсутствие шеи. Стенки сосудов либо прямые либо слегка отогнуты. Выделяется два типа банок.

- закрытые банки. Сосуды имеют стянутое устье, диаметр их венчика меньше диаметра максимального расширения тулова.

- открытые банки. Сосуды имеют открытое устье, диаметр их венчика равен диаметру максимального расширения тулова или превышает его.

3. Биконические сосуды - посуда данной категории, также как и банки не имеет шеи, однако отличается тем, что имеет точку перегиба профиля.

Особенностью большинства степных бытовых памятников эпохи поздней бронзы Евразии является отсутствие четкой стратиграфии, данная ситуация была отмечена целым рядом исследователей (Епимахов, 2013, с. 388-393; Сунгатов, Бахшиев, 2008, с. 12-25; Файзуллин И., 2014, с. 123-125). В этой связи, хронологическая позиция степных поселений определяется исходя из типологического анализа керамики, обнаруженной на них. Последующая синхронизация керамических материалов с погребальными памятниками, которые имеют более четкие стратиграфические позиции, а в некоторых случаях и радиоуглеродные даты видится наиболее корректной в вопросе внутренней хронологии поселений. В настоящее время данный прием используется большинством исследователей бытовых памятников эпохи позднего бронзового века Южного Урала (Сунгатов, Бахшиев, 2008; Алаева, 2009, с. 7-21; Купцова, Файзуллин И., 2012а, с. 246-252; Лыганов, 2019, с. 103-123).

Керамика Родникового поселения

Всего было обработано 853 сосуда, как в целом, так и во фрагментированном состоянии. В основе принципа классификации сосудов лежал типологический метод. В качестве вспомогательного использовался метод технико-технологического анализа керамики. В ходе работ было выделено 6 культурных групп: синташтинско-абашевская, раннеалакульская, срубная, срубно-алакульская, черкаскульская и финальная (**таблица 2**).

Синташтинско-абашевская культурная группа представлена 55 сосудами баночных форм с утолщенным венчиком, а также горшками с плавно отогнутым венчиком и ребром изнутри, которые составляют 6,5% от общего числа керамики (**рис. 13**). Сосуды имеют ребристый профиль. Элементы орнаментальной композиции представлены горизонтальными желобками, зигзагами, волнами, ямками, низкими равнобедренными заштрихованными треугольниками, иногда с бахромой, рядами насечек или вдавлений. Техника орнаментации, как правило, резная или вдавления мелкозубчатого штампа. Подобная керамика широко распространена в

памятниках развитой уральской *абашевской* культуры. Аналогичные керамические коллекции происходят с поселений Баланбаш (Кузьмина, О, 2011) и Тюбьяк (Обыденнов и др., 2001). Кроме этого схожая керамика имеет аналогии в синташтинских древностях Южного Приуралья (Ткачев, Хаванский, 2006).

Раннеалакульская культурная группа включает в себя 217 сосудов различных форм, которые составляют 25,5% от общего числа керамики:

Баночные сосуды с округлым ребром на тулове и незначительно отогнутым наружу венчиком (**рис. 14**). Срез венчика плоский. Внутренняя поверхность большей части сосудов заглажена гребенчатым штампом. Орнаментирована верхняя часть банок. Орнамент состоит из треугольников заштрихованных или многорядных, параллельных горизонтальных линий.

Горшковидные сосуды с округлым ребром и профилированным горлом (**рис. 15**). Один сосуд на поддоне. Орнамент покрывает либо верхнюю часть горшков, либо всю поверхность. Наряду с треугольниками и горизонтальными линиями сосуды украшались горизонтальными и вертикальными зигзагами, вертикальными полосами ромбов, городчатыми фигурами, ромбической сеткой.

7 венчиков от сосудов с воротничком на шейке (**рис. 16, 2-6**) и 2 – с желобками и выдавленным валиком (**рис. 16, 7**). К этому типу относится развал крупного горшковидного сосуда с округлыми плечиками, короткой шейкой и сужающейся придонной частью.

Горшки с намечающимся уступом. Орнаментированы по плечикам (**рис. 16, 1**).

Господствующими элементами орнамента данной группы являются равнобедренные заштрихованные треугольники и горизонтальные линии. Техника орнаментации – прочерчивание или вдавления гребенчатого штампа.

Сосуды этой группы по форме, воротничковому оформлению горла, элементам орнамента, находят аналогии в *раннеалакульских* (петровских)

памятниках. Похожая керамика происходит также из раннего комплекса Кузьминковского поселения. Появление сосудов с намечающимся уступом, возможно, свидетельствует о времени бытования данной группы керамики в начале развитого периода эпохи поздней бронзы.

Несмотря на различные типы посуды раннеалакульской культурной группы, она выглядит целостной и культурно однородной. Об относительной однородности населения, изготовлявшего раннеалакульскую керамику, свидетельствует и ее технико-технологический анализ (Мухаметдинов, 2012а, с. 101-104).

Срубная культурная группа включает в себя 269 сосудов различных форм, которые составляют 31,4% от общего числа керамики:

Плавнопрофилированные горшки (**рис. 17**). Всего в группе 38 сосудов, 17 из которых орнаментированы.

Горшки с перегибом в верхней трети сосуда (острореберные), всего представлено 4 сосуда данного типа, 3 из которых орнаментированы (**рис. 17**).

Открытые банки представлены 61 сосудами (**рис. 18**). Большая часть посуды неорнаментирована.

Закрытые банки, группа состоит из 9 сосудов, 2 из которых орнаментирована (**рис. 19**).

Форму остальных сосудов восстановить не удалось.

Поверхность сосудов грубо обработана, большая часть не орнаментирована. Для сосудов, украшенных узором, характерна орнаментация прочерченными линиями, гладким штампом, овальными вдавлениями и насечками, встречается также орнаментация крупнозубчатым и среднезубчатым штампом. Основные элементы орнамента: горизонтальные ряды наклонных оттисков и вдавлений, заштрихованные треугольники, горизонтальная елочка, зигзаг. Данная керамика имеет многочисленные аналогии в поселенческих памятниках развитой срубной культуры (Агапов, Васильев, 1976, с. 117-118; Качалова, 1985, с. 35).

Срубно-алакульская культурная группа керамики представлена 170 сосудами с уступчатым плечом, которые составляют 20% от общего числа керамики (рис. 20). Все сосуды орнаментированы, орнамент нанесен гребенчатым штампом, на некоторых сосудах он резной. Элементы орнамента: горизонтальные линии, зигзаг, ромбы, равнобедренные треугольники, меандр, треугольные и овальные вдавления. Узор располагается зонами: вдоль венчика и по плечикам, по всему горлу выше уступа или только по краю сосуда. Часто внутренняя поверхность сосуда заглаживалась щепой или гребенчатым штампом.

Такие признаки керамики как уступчатое плечо, аккуратность лепки, способ и элементы украшения сосуда, зональность нанесения орнамента находят аналогии в керамических коллекциях памятников развитой алакульской культуры. Между тем, необходимо отметить, что для данного типа посуды характерно большое влияние собственно срубных керамических традиций, которое выражено следующими признаками: расчесы с внутренней стороны сосудов, использование крупнозубчатого штампа, орнаментация всей верхней половины тулова, отсутствие сосудов с высоким горлом. Посуда, сочетающая в себе срубные и алакульские признаки, широко известна на территории Южного Урала и Приуралья (Малютина, Петрова, 2009; Рутто, 2003; Морозов, 1986; Алаева, 2015а).

Таким образом, морфологический анализ срубной и срубно-алакульской керамики Родникового поселения показал ее общие и различные признаки. Причем, общие признаки характеризуются именно срубными гончарными традициями. Аналогичную картину выявил и технико-технологический анализ который показал, что срубная керамика является более однородной, по сравнению со срубно-алакульской. Между тем, в технологии срубно-алакульской посуды прослежены как срубные, так и алакульские традиции гончарного производства (Мухаметдинов, 2012а, с. 101-104). Полученные выводы являются свидетельством проникновения срубного субстрата в алакульскую среду, обратный же процесс наблюдается

не столь существенно. В связи с этим необходимо отметить, что ранний период эпохи поздней бронзы на Родниковом поселении, представлен раннеалакульским материалом. Сосуды с намечающимся уступчатым плечом, возможно, бытовали уже в начале развитого периода. Материал раннесрубной культуры, напротив, отсутствует. Исходя из всего вышесказанного, возможно, предположить, что срубное население в уже сложившемся виде проникло на территорию проживания алакульских племен и в значительной степени смешалось с ними.

Черкаскульская культурная группа представлена фрагментами от 91 сосуда, которые составляют 10,6% от общего числа керамики (**рис. 21**). Лишь один сосуд реконструируется полностью. В этой группе преобладают горшки со слегка отогнутой шейкой и раздутым туловом. Среди них выделяются 6 сосудов с плоским воротничком на горле, 9 – с параллельными желобками, 2 – с формованными валиками. В некоторых случаях вместо желобков прочерчены глубокие линии. Сосуды орнаментированы, узор покрывает всю верхнюю часть горшков. Способ орнаментации: прочерчивание, украшение мелкозубчатым и средnezубчатым штампом. Элементы орнаментации очень разнообразны: горизонтальные линии, зигзаги, ломаные полосы с поперечной штриховкой, треугольники с наклонной штриховкой, наклонная лесенка, елочка, меандр, уголковые вдавления. На 4-х сосудах имеются косые треугольники. Описываемая керамика имеет многочисленные аналогии в *черкаскульских* памятниках Республики Башкортостан и Зауралья (Обыденнов, Шорин, 1995, с. 23-25).

Особый интерес представляет один сосуд этой группы – горшок с коротким незначительно прогнутым горлом, раздутым в верхней части туловом, узким дном на высоком поддоне, то есть сосуд имеет кубковидную форму. Подобные кубки являются довольно редкой находкой на памятниках позднебронзового века Поволжья и Приуралья. Часть исследователей склонны рассматривать эту группу керамики как предмет импорта или культурного обмена (Колев, 2000, с. 246).

Керамика культур финала бронзового века характеризует последний этап существования Родникового поселения, она представлена 51 горшковидным сосудом с валиками (**рис. 22**) и воротничками (**рис. 23**), которые составляют 6% от общего числа керамики. Шейка горшков короткая, незначительно отогнута, бока раздуты.

Воротнички различные: плоские, узкие и широкие, массивные, иногда едва заметны. Половина сосудов с воротничками орнаментирована. Узор нанесен в верхней части в виде ромбической сетки и наклонных насечек по воротничку, елочки по тулову. Орнамент выполнялся прочерчиванием, и лишь в двух случаях гребенчатым штампом.

Валиковые сосуды имеют наклепной или формованный валик различной формы: овальный или треугольный в сечении. Орнамент покрывает верхнюю часть сосудов или только валик. Как правило, орнамент прочерчивался, иногда использовался среднезубчатый штамп. Элементы орнаментации: ромбическая сетка (по валику), наклонные оттиски гребенчатого штампа, уголкового вдавления, елочка, косые треугольники с горизонтальной штриховкой, оконтуренные округлыми вдавлениями.

По своим основным признакам керамика финальной группы находит близкие аналогии в памятниках *ивановского* типа лесостепного Поволжья (Колев, 1988, с. 103-104; Колев и др, 1995, с. 88-91).

Некоторые параметры (бедность орнаментации, украшение сосудов ромбической сеткой, наклонными оттисками штампа) характерны и для *алексеевско-саргаринской* керамики лесостепного Притобольшья, Северного и Центрального Казахстана (Зданович С, 1984, с. 88-91).

Говоря о черкаскульской и ивановской керамике Родникового поселения, необходимо подчеркнуть, что данная посуда по значительному числу параметров (таких как форма горшков, способы и элементы орнаментации) отличается от керамического материала предыдущих эпох. Традиции изготовления этой керамики так же во многом иные. Тем не менее, существуют и некоторые признаки, позволяющие говорить о существовании

связей между этим пришлым населением с ранее проживающим здесь местным (Мухаметдинов, 2012а, с. 110).

Для более точной датировки построек с поселения была проанализирована керамика найденная в постройках (**таблица 3**).

Синташтинско-абашевская керамика на территории построек представлена в довольно малом количестве. Данный факт косвенно позволяет судить о том, что строения были возведены в более поздний период. Раннеалакульская керамика в первом сооружении представлена также незначительно, во втором сооружении ее количество возрастает почти в 2 раза. Керамический комплекс срубно-алакульского времени в 1 сооружении представлен в количестве 21 %, во втором – 11,4 % (совпадает с показателем для раннеалакульской керамики). Для черкаскульской керамики показательным является тот факт, что наибольшее ее число выявлено на территории 1-го строения (42,6 %), для второго строения отмечена цифра 12,2 %. Похожая ситуация отмечена для керамики финальной бронзы: в 1-ом и 2-ом строениях ее распределение составляет 32,1 % и 19,6 % соответственно.

Подобное распределение керамического материала может указывать на то, что территория, занимаемая сооружениями, начала осваиваться в раннеалакульское время. Сами же постройки, скорее всего, возникают уже в более поздний период. Сооружение 1 активно осваивалась населением срубно-алакульского хронологического горизонта, об этом свидетельствует и довольно значительное число керамики со срубными и смешанными срубно-алакульскими чертами, обнаруженное в самом пространстве жилища, а также тот факт, что сосуды данного типа встречены в погребке указанного строения. Наличие развалов сосудов и целых срубно-алакульских горшков во II сооружении также свидетельствуют о том, что оно существовало в указанный хронологический период.

Керамика Малоюлдашевского поселения

Всего был обработан 371 сосуд эпохи позднего бронзового века, как в целом, так и во фрагментированном состоянии. Керамика на поселении была разделена на 4 культурные группы: синташтинско-абашевскую; раннесрубную; срубную; срубно-алакульскую (таблица 4).

Синташтинско-абашевская культурная группа.

Всего было обнаружено 29 сосудов, которые составляют 7,8% от общего числа керамики (рис. 24). Все обнаруженные сосуды фрагментированы, не было обнаружено ни одного целого сосуда.

Практически на каждом сосуде выполнены каннелюры, они дополняются геометрическими фигурами: равнобедренными заштрихованными треугольниками, горизонтальными линиями, зигзагами из коротких оттисков гладкого штампа. Техника орнаментации, как правило, резная или вдавления мелкозубчатого штампа. Орнаментированы все сосуды.

Необходимо отметить, что сосуды данной группы типологически и хронологически относятся к той же группе сосудов, которые были обнаружены в погребении на территории данного поселения.

Планиграфическое распределение керамики показало факт полного заселения всей площади раскопанного поселения.

Стратиграфическое распределение керамики не показало сосредоточения керамики на каком-либо горизонте компактно, материал более менее равномерно расположен по всем штыкам.

Технологические приемы изготовления посуды данной культурной группы были изучены по двум сосудам, каждый из которых был изготовлен различными способами. Технология изготовления первого в целом идентична технологии большей части сосудов на памятнике, то гончарные традиции, выделенные при анализе второго сосуда, довольно специфичны для данного поселения. В его формовочную массу была добавлена некалиброванная дробленая раковина в значительной концентрации (1:3), а термическая обработка проходила в окислительной среде при длительном воздействии температур каления, что привело к полному прокаливанию

черепка. Подобные традиции не были зафиксированы при анализе сосудов других культурных групп памятника (Евгеньев и др., 2016, с. 151-153).

Раннесрубная культурная группа насчитывает 53 сосуда или 14,3 % от общего числа сосудов эпохи бронзы (**рис. 25-27**). Керамика делится на три типа.

Открытые банки (7 сосудов). Все банки имеют расчесы по тулову, в одном случае среднезубчатым штампом орнаментирована верхняя часть сосуда.

Биконический сосуд (**рис. 25, 1**). Единственный сосуд в группе сохранился полностью. H сосуда – 34,5 см, D горла – 34 см; D дна – 15 см; D максимального расширения тулова – 37 см. Толщина стенок 10-17 мм. Поверхность сосуда светло – коричневая, черепок в изломе черный. На поверхности всего сосуда нанесены расчесы.

Плавнопрофилированные горшки (4 сосуда). Один из сосудов сохранился полностью. H сосуда – 28 см, D горла – 22 см; D дна – 12,5 см; D максимального расширения тулова – 26,5 см. Толщина стенок 9-15 мм. Поверхность сосуда светло-коричневая по тулову, верхняя часть сосуда значительно темнее. Черепок в изломе имеет два цвета, наружная часть светлая, внутренняя черного цвета. Верхняя часть сосуда орнаментирована вдавленными насечками крупнозубчатого штампа по венчику и заштрихованными треугольниками вершинами вверх по горлу сосуда, выполненными аналогичным штампом. По всему тулову были сделаны расчесы.

Остальная коллекция в группе была фрагментирована, в результате чего точную форму данной посуды определить не удалось. В основном это венчики с частью стенки (42 сосуда). Сосуды имеют сильные расчесы либо горизонтальные или вертикальные широкие прочерченные линии. Иногда с помощью данного орнамента наносились зигзаги и треугольники (**рис. 27**). На данном памятнике характерные следы расчесов и формы сосудов близки

сосудам с поселения Нижняя Красавка с территории Нижнего Поволжья (Лопатин, 2010, с. 126-156).

Стратиграфическое распределение керамики показало наличие керамики данной культурной группы на всех штыках. Однако наибольшая концентрация материала отмечена на двух последних штыках и составила 18,7 и 22,6 % соответственно. Исходя из этого говорить о какой-либо группировке материала на каком-то горизонте не приходится.

Срубная культурная группа является наиболее многочисленной на поселении и составляет 226 сосудов или 61 % от общего числа керамики. Сосуды данной группы удалось разделить на четыре типа.

Плавнопрофилированные горшки (38 сосудов) **(рис. 28)**.

Горшки с перегибом профиля (5 сосудов) **(рис. 29)**. Четыре сосуда с перегибом в верхней трети сосуда и один с перегибом в середине сосуда.

Открытые банки (60 сосудов) **(рис. 30)**.

Закрытые банки (10 сосудов) **(рис. 31)**.

Остальные сосуды (части стенок и фрагменты венчиков) неопределимы до формы, однако имеют аналогичный набор признаков данной группы керамики.

Поверхность сосудов грубо обработана, сосуды в основном не орнаментированы. Характерной особенностью орнамента является преобладание геометрических фигур: равнобедренные треугольники вершинами вниз, зигзаги, горизонтальные линии, выполненные средне и крупнозубчатым штампом, а также ногтевые вдавления в разных вариациях. Сосуды изготовлены грубо, орнамент ассиметричен и покрывает верхнюю часть сосудов. Орнаментация горшков более разнообразна и несмотря на то, что элементы орнамента схожи с банками, они имеют большие варианты в исполнении.

Планиграфическое распределение керамики показывает равномерное распределение керамики практически на всей площади поселения.

Срубно-алакульская культурная группа – насчитывает 63 сосуда или 16,9% от общего числа керамики эпохи поздней бронзы. Посуда представлена тремя типами.

Горшки с уступчатым плечом (15 сосудов) (**рис. 32**). Основным признаком данного типа керамики является наличие уступчатого плеча при переходе от шейки к тулову. Посуда данной группы в ряде случаев подвергались лощению, также ее характеризует зональное нанесение орнамента. Однако в отличие от сосудов классического варианта алакульской культуры данные горшки несут на себе отчетливые следы срубной керамической традиции. Они выражены в небрежности при изготовлении некоторых сосудов, в отсутствии орнаментальной композиции на 3 сосудах, а также в применении, в некоторых случаях, крупнозубчатого штампа.

Плавнопрофилированные горшки (18 сосудов) (**рис. 33**). Орнамент горшков имел алакульские традиции: зональность при декорировании сосудов, использование мелкозубчатого штампа, лощение. В тоже время форма и манера изготовления, выраженная в небрежности и асимметрии форм, показывает в них срубные черты.

3 тип – плавнопрофилированные горшки с высокой шейей и округлыми боками (5 сосудов) (**рис. 34**). Все горшки орнаментированы. Три горшка имеют геометрический орнамент: заштрихованные ромбы, зигзаги. На одном из них при переходе от шее к тулову нанесены две полосы мелкозубчатым штампом. На двух сосудах орнамент нанесен вдавлениями подтреугольного предмета: в одном случае в два ряда под венчиком, во втором случае несистемно в верхней части сосуда.

Высокие пропорции шеи в купе с округлыми боками позволяют отнести 3 тип керамики с сосудах западноалакульской культурной группы (Алаева, 2015а, с. 10-14) или сольилецкого варианта по Е.Е. Кузьминой (Кузьмина, 2008, с. 269-270). Аналогии данной группе керамики известны в Боголюбовском курганном могильнике (курган 10 погребение 5 сосуд 1) (Моргунова и др., 2014, с. 59).

Среди срубно-алакульской керамики было выделено два достаточно архаичных сосуда. Оба сосуда представляют собой открытые банки, орнаментированные вертикальной елочкой, которая нанесена мелкозубчатым штампом. Данный вид орнамента характерен для раннеалакульской (петровской) керамики, однако небрежность при лепке и нанесении орнамента выдает в данных сосудах срубные гончарные черты. Данная посуда близка к срубно-алакульской культурной группе раннего этапа, выделенной на Покровском поселении (Мухаметдинов, 2014, с. 199).

Остальные сосуды (части стенок и фрагменты венчиков) не дают полного представления об их форме, однако имеют явные признаки влияния андроновское керамической традиции - наличие талька в тесте, лощение и мелкозубчатый штамп.

В целом, срубно-алакульская керамика, представленная на поселении показывает небольшое влияние алакульской традиции на срубную. Столь низкий процент смешанной посуды характерен для памятников, тяготеющих к бассейну реки Самары, в отличие от памятников расположенных в Уральском бассейне, где процесс смешения был значительно интенсивнее (Купцова, Файзуллин И., 2012б, с. 246-252).

Планиграфическое распределение керамики показывает ее плотную концентрацию в центральной части поселения, наибольшее количество обнаружено на участках №№ II, III, IV. Стратиграфическое распределение керамики показало наличие керамики данной культурной группы на всех штыках.

Помимо керамики представленных четырех групп, на поселении были обнаружены фрагменты от пяти сосудов **финала бронзового века (рис. 35)**. Сосуды сильно фрагментированы, по сохранившимся фрагментам сложно определить их форму. Основным видом орнамента на данных сосудах является вертикальная ёлочка и узор в виде ромбической сетки, нанесенный прочерчиванием. Небольшое количество керамики финальной бронзы

отмечено на двух поселениях Оренбургского Предуралья: Родниковое и Ивановское.

Технологические приемы раннесрубной, срубной и срубно-алакульской культурных групп анализировались в совокупности. Сравнивая технологические традиции раннесрубной керамики и классической срубной, можно заметить, что традиции первой более разнообразны. Это проявляется уже на стадии отбора исходного пластичного сырья. Обращает на себя внимание, что в раннесрубной культурной группе широко представлены илистые глины и ил, в то время как в классической срубной группе ил встречается только единожды. В целом, все выделенные гончарные традиции характерны для срубных племен, что подтверждается анализом керамических коллекций с памятников Среднего Поволжья и степного Приуралья (Мухаметдинов, 2016). В то же время широкий спектр выделенных традиций указывает на неоднородность срубных групп населения и на процессы их активного смешения.

Говоря о срубно-алакульской посуде, можно отметить, что традиции изготовления срубно-алакульской посуды менее разнообразны, чем традиции изготовления керамики срубной и раннесрубной культурных групп.

Сосуд, сочетающий признаки срубного и кожумбердынского гончарства, также значительно выбивается по набору приспособительных традиций от сосудов других культурных групп. В его формовочную массу был введен очень мелкий шамот (от пылевидных фракций до 0,5 мм) в большой концентрации.

Рассмотренные на поселении гончарные традиции позволяют сделать вывод о полном доминировании гончарной традиции срубной культуры. Алакульское влияние в технологии практически не проявляется, исключением является распространения традиций лощения и обваривания (Евгеньев и др, 2016, с. 153-159).

Распределение материала в постройках принципиально не отличается от соотношения керамики различных культурных групп по всей площади

поселения (таблица 5). Доминирует керамика срубной культуры, встречаемость которой составляет 62,8 и 62,5 соответственно для первого и второго сооружений.

Достаточно интересной и уникальной в своем роде для территории Оренбургского Предуралья является находка керамического изделия с поселения Малоюлдашево (рис. 83, 1). В развале сосуда было обнаружено керамическое изделие в виде усеченного конуса, верхняя часть изделия обломана. Диаметр изделия 3 см, высота сохранившейся части 2 см. По всей поверхности изделия, особенно в нижней части, нанесены вдавления в виде небольших кружков. Близкое типологически изделие было обнаружено при раскопках поселения Лесопитомник-4 (Гак, 2011, рис. 35,7) ; Е.И. Гаком оно было интерпретировано как «глиняный штамп с обломанным держателем (или ручка от крышки сосуда?)» (Там же., с. 43). Учитывая обстоятельства нахождения малоюлдашевского керамического предмета – в развале сосуда №6 – исключать возможность того, что этот предмет мог являться ручкой сосуда, явно не следует. Еще одна аналогия, более близкая и по форме изделия, и по месту нахождения, происходит с укрепленного поселения Устье в Южном Зауралье (Виноградов и др, 2013, с. 215, рис. 5.9,12). Н.Б. Виноградов отмечает значительную редкость нахождения на памятниках бронзового века ручек сосудов, что придает несомненную значимость малоюлдашевскому артефакту.

Еще один, правда, менее вероятный, вариант интерпретации изделия связан с возможностью его изготовления не взрослым мастером, а ребенком, что обуславливает миниатюрные размеры изделия и его непрактичность. Исследователями «детской» проблематики отмечено, что приобщение детей к керамическому производству начиналось с самого раннего возраста: так, ногтевые и пальцевые отпечатки детей 6-8-летнего возраста встречаются на целой серии керамических сосудиков и поделок из памятников бронзового века Южного Зауралья (Берсенева и др., 2014, с. 91-96). Поэтому вариант интерпретации нанесения ребенком круговых вдавлений на небольшой

поделке конической формы с последующим оставлением таковой во «взрослом» сосуде также, на наш взгляд, не исключен.

Керамика II Сухореченского поселения

Выборка с поселения составила 110 сосудов, лишь два из них сохранились полностью, остальные сосуды отбирались по верхним частям, по которым определялась форма. Вся керамическая коллекция однородна и отнесена к **раннесрубной культурной группе**. По форме выделено 4 типа сосудов.

Плавнопрофилированные горшки (**рис. 36**). Всего в группе 28 сосудов, 17 из которых орнаментированы.

Горшки с перегибом в верхней трети сосуда (острореберные) (**рис.37**), всего представлено 11 сосудов данного типа, 7 из которых орнаментированы.

Открытые банки представлены 61 сосудами (**рис.38**). Большая часть посуды неорнаментирована.

Закрытые банки (**рис.39**). Всего выделено 9 сосудов, 2 из которых орнаментирована.

Элементы орнамента: ромбы, зигзаги, заштрихованные треугольники. В острореберных сосудах орнамент наносился чаще всего по ребру, так или иначе подавляющее большинство горшков орнаментировано в верхней части сосуда. Банки орнаментировались овальными вдавлениями, средне и крупнозубчатым штампом наносились линии и зигзаги. Использование расчесов для оформления внешней стороны посуды отмечено как в баночных сосудах - 8 случаев, так и на одном плавнопрофилированном горшке.

Основным хронологическим и культурным индикатором в представленной выше группе сосудов являются расчесы по всей площади посуды, они отмечены на 12 % посуды в выборке. Аналогичная посуда широко известна на покровских и раннесрубных поселениях Нижнего и Среднего Поволжья, а также в могильниках и поселениях с территории Западного Оренбуржья. Помимо этого, отмечен значительный процент острореберных сосудов, а также использование крупнозубчатого штампа.

Данные признаки являются распространенными для керамики раннего этапа срубной культуры (Халиков, 1989, с. 66-82; Малов, 2007; Файзуллин И., 2014, с. 123-125; Купцова, Файзуллин И., 2012б, с. 246-252).

Технологические приемы, подтверждают хронологическую позицию рассмотренной керамики. В технологии изготовления посуды выявлен ряд традиций, которые характерны для раннего этапа срубной культуры: большое количество сосудов, в рецептах формовочных масс которых содержится ил и илистые глины; "расчесывание" поверхности сосудов (Файзуллин И., Мухаметдинов, 2019, с. 147-149).

Аналогии представленной посуды отмечаются в керамике Ивановского (Моргунова, Порохова, 1989, с. 163-168) и Малоюлдашевского поселений (Евгеньев и др., 2016, с. 67-83), а так же в курганных могильниках Лабазы (Моргунова и др., 2009) и Скворцовка (Моргунова и др., 2010). В представленных памятниках практически отсутствовало влияние андроновских культур, как и на Сухореченском поселении. Кроме того, раннесрубные погребения из Лабазовского и Скворцовского могильников имеют достаточно хорошую шкалу дат которая позволяет нам отнести данное поселение к раннему этапу срубной культуры и поместить его в интервал 18-17 вв. до. н. э (Купцова и др., 2018, с. 104-105).

Керамика Покровского поселения

При изучении керамической коллекции Покровского поселения было проанализировано 530 сосудов, как целых, так и фрагментированных. В основе принципа классификации сосудов лежал типологический метод, а также метод технико-технологического анализа керамики (**таблица 6**).

Первоначальный типологический анализ рассматриваемой керамической коллекции был проведен О.И. Пороховой при частичной публикации материалов с поселения (Порохова, 1989, с. 60-71). Автор разделил всю керамику на две культурные группы: срубную и срубно-алакульскую по морфологическим признакам, определив их в один хронологический ряд.

Повторная работа с коллекцией на основе новых позиций в хронологии позднего бронзового века позволила выделить серию сосудов с ранними чертами: как морфологическими, так и технологическими (Мухаметдинов, 2014, с. 196-200).

Раннесрубная культурная группа представлена 26 сосудами которые составляют 4,9% от общего числа керамики и делятся на 4 типа:

Плавнопрофилированные горшки 3 сосуда (**рис.40, 1-2**);

Острореберные горшки 1 сосуд (**рис.40, 3**);

Открытые банки 12 сосудов (**рис.40, 4-5**);

Закрытые банки 10 сосудов (**рис.40, 6-7**).

Базовым культурным индикатором в представленной группе керамики являются расчесы по всей площади посуды, помимо этого отмечено нанесение орнамента полый трубочкой. Среди представленной посуды выделяется плавнопрофилированный горшок с богатой орнаментацией всей верхней поверхности. Орнамент его состоит из равнобедренных треугольников, горизонтальных линий и наклонных оттисков срездnezубчатого штампа.

Раннеалакульская культурная группа насчитывает 7 сосудов.

Включает 2 венчика от сосудов с воротничком на шейке, которые составляют 1,3% от общего числа керамики(**рис.41, 1**). Лишь в одном случае возможно определить форму сосуда: плавнопрофилированный горшок (**рис.41, 2**).

Горшки с намечающимся уступом - 3 сосуда (**рис.41, 3-5**). В одном случае орнаментированы по плечикам, в другом орнаментирована вся верхняя часть сосуда.

Господствующими элементами орнамента данной группы являются равнобедренные заштрихованные треугольники и горизонтальные линии. Техника орнаментации – прочерчивание или вдавления гребенчатого штампа.

Сосуды этой группы по форме, воротничковому оформлению горла, элементам орнамента находят аналогии в *раннеалакульских* (петровских) памятниках. Похожая керамика происходит также из керамической коллекции Родникового поселения в аналогичной культурной группе.

Технологический анализ керамики подтвердил правомерность выделения раннесрубной и раннеалакульской культурных групп. Было отмечено, что треть сосудов, обладающих ранними чертами, изготовлены из илов. Данный вид сырья более характерен как раз для керамики указанных групп в регионе.

В ходе анализа раннеалакульских и раннесрубных сосудов была выделена **срубно-алакульская группа керамики раннего этапа (2 сосуда, которые составляют 7,8% от общего числа керамики) (рис.41, 6-7)**. Здесь также как и в предыдущих группах использовался ил, однако смешение отмечено в орнаментации: один из сосудов украшен полой трубочкой (**рис.41, 6**) (раннесрубный признак) и очень качественно залощен (раннеалакульский признак) (Мухаметдинов, 2014, с. 198).

Срубная культурная группа.

Данная культурная группа является самой многочисленной на поселении и включает в себя 466 сосудов, которые составляют 87,5% от общего числа керамики. Выделено 4 типа керамики:

Плавнопрофилированные горшки - 20 сосудов (**рис.42, 1-6**);

Острореберные горшки - 11 сосудов (**рис.42, 7-9**);

Открытые банки - 400 сосудов (**рис.43, 1-6**);

Закрытые банки - 35 сосудов (**рис.43, 7-9**).

Декорировано 62 % всех баночных сосудов. Характерной особенностью орнамента является преобладание геометрических фигур: равнобедренные треугольники вершинами вниз, зигзаги, горизонтальные линии выполненные средне и крупнозубчатым штампом, а также ногтевые вдавления в разных вариациях. Сами по себе сосуды изготовлены достаточно грубо, орнамент ассиметричен и покрывает как правило верхнюю часть

сосудов. Орнаментация горшков более разнообразна, среди остросереберных практически все орнаментированы по ребру. Плавнопрофилированные при более бедном декоре все равно сохраняют те же принципы, что и остросереберные. Элементы орнамента схожи с банками, однако имеют большие варианты в исполнении. Как правило в них присутствует больше элементов.

Данная группа керамики по морфологии и технологии изготовления имеет множество аналогий в бытовых и погребальных памятниках развитого этапа срубной культуры.

Срубно-алакульская культурная группа.

Смешанный керамический комплекс срубной и алакульской культур насчитывает 29 сосудов, которые составляют 5,5% от общего числа керамики. Выделено 4 типа керамики:

Открытые банки 9 сосудов (**рис.44, 1-2**);

Плавнопрофилированные горшки 2 сосуда (**рис.44, 3**);

Горшки с уступчатым плечом представлены 16 сосудов (**рис.44, 4-7**);

Плавнопрофилированные горшки с округлыми боками и высокой шейкой 2 сосуда (**рис.44, 8-9**).

На баночных сосудах встречаются нехарактерные для срубной культуры элементы орнамента: треугольники обращенные вершинами друг к другу, меандры. Все вышеуказанные признаки более характерны для алакульских древностей, однако выполнены они в срубной манере: небрежно и зачастую крупным штампом. Плавнопрофилированные горшки также по форме и технике изготовления несут в себе срубный культурный компонент, однако орнамент на обоих сосудах типично алакульский, как на баночных сосудах.

Сосуды с уступом при переходе от шейки к тулову являются достаточно распространенным типом алакульской посуды, однако выполнены они достаточно небрежно, часто орнаментированы крупнозубчатым штампом. Уступ изготавливался не совсем четко, и только

на пяти сосудах изготовлен достаточно качественно. В данной группе керамики орнаментированы практически все сосуды, лишь на трех декор отсутствует. Практически всегда уступ подчеркнут 2-3 горизонтальными линиями, на 9 сосудах отмечена свободная полоса при переходе от шейки к тулову. На остальных сосудах алакульская зональность отсутствует. Орнамент ниже уступа не всегда определялся из-за фрагментарности посуды, в случаях фиксации отмечается следующий набор декора: меандр, зигзаг, треугольники вершинами друг к другу и прочерченные горизонтальные линии в 1-3 ряда. Поверхность 9 сосудов подвергнута лощению.

Сосуды 4 типа отличает достаточно редкая для Западного Оренбуржья орнаментация и форма. Подтреугольные вдавления в два ряда под венчиком, а также высокая шея в купе с округлыми боками относит данную посуду к сольилецкому варианту алакульской культуры (Кузьмина Е., 2008а, с. 269-270) или к западно-алакульской культурной группе (Ткачев, 2007, с. 243, рис. 78).

Технологический анализ керамики показал, что сосуды более поздних культурных групп срубной и срубно-алакульской изготавливались из глины. В 70 % случаев использовался распространенный в срубной гончарной традиции рецепт формовочной массы сырье+шамот+органика. Исходя из этого отмечено, что процессы межкультурного взаимодействия привели к относительной однородности приспособительной гончарной традиции. В то же время прослеживается неоднородность представлений населения о приемах обработки поверхности и обжига сосудов, что говорит о незавершенности указанных процессов (Мухаметдинов, 2014, с. 199).

Распределение посуды внутри построек не проводилось детально, однако керамика встреченная в хозяйственных ямах и колодцах полностью повторяет материал со слоя поселения.

Керамика Токского поселения

Всего на поселении было обнаружено около двух тысяч фрагментов керамики, среди них определимых до формы сосудов выделено 274.

Керамическая коллекция на памятнике представлена четырьмя группами керамики: синташтинско-абашевской, раннесрубной, срубной и алакульской (таблица 7).

Синташтинско-абашевская культурная группа представлена фрагментами пяти сосудов с ребристым профилем, которые составляют 1,8% от общего числа керамики (рис.45). Схожие сосуды отмечены в аналогичных группах Ивановского и Малоюлдашевского поселений.

Раннесрубная культурная группа представлена 37 сосудами, которые составляют 13,5% от общего числа керамики. Выделено 4 типа керамики:

Открытые банки 19 сосудов (рис.46, 1-3);

Закрытые банки 9 сосуда (рис.46, 4-6);

Плавнопрофилированные горшки 7 сосудов (рис.47, 1-4);

Острореберные горшки 2 сосуда (рис.47, 5-6).

Основным культурным и хронологическим индикатором данной группы керамики являются системные расчесы на стенках сосудов. Сосуды в данной группе отличает аккуратная лепка, орнамент в верхней части сосудов.

Срубная культурная группа самая массовая на поселении, она насчитывает 229 сосудов, которые составляют 83,6% от общего числа керамики. Выделено 4 типа керамики:

Открытые банки 121 сосуд (рис.48, 1-3);

Закрытые банки 53 сосуда (рис.48, 4-10);

Плавнопрофилированные горшки 49 горшков (рис.49, 1-6);

Острореберные горшки 6 сосудов (рис.49, 7-8).

Поверхность сосудов обработана небрежно, сосуды в основном не орнаментировались. В орнаментальных композициях преобладают геометрические фигуры: равнобедренные треугольники вершинами вниз, горизонтальные линии, зигзаги, а также ногтевые вдавления. Орнаментация горшков более разнообразна.

Алакульская культурная группа.

Все три сосуда с уступом, один из которых реконструируется практически полностью, отличает достаточно высокое качество изготовления (**рис.49, 9-11**). Морфологически все эти сосуды выделяются из керамической коллекции на поселении, можно предположить, что данная посуда изготавливалась вне поселения являясь импортом с сопредельных территорий. Аналогичные сосуды отмечены на поселениях и могильниках Южного Зауралья (Алаева 2015 б, с.14-15).

Керамика расположенная под полом построек в подавляющем большинстве представлена сосудами срубной культуры.

Керамика Ивановского поселения.

Из верхних частей сосудов была сделана выборка из 308 сосудов в которую были включены и целые формы. С помощью типологического метода было выделено 3 группы керамики: синташтинско-абашевская, раннесрубная и срубная (**таблица 8**).

Синташтинско-абашевская культурная группа включает около 30 фрагментов от 16 сосудов, которые составляют 5,2% от общего числа керамики (**рис. 50**). На ряде сосудов отмечен утолщенный венчик и ребристый профиль, у двух из них имеется рельефный выдавленный валик под венчиком. Несколько горшков отличались наличием внутреннего ребра и желобка по шейке. Техника орнаментации, как правило, резная или выполнена вдавлениями мелкозубчатого штампа.

Раннесрубная культурная группа представлена 30 сосудами определяемыми до форм, которые составляют 9,7% от общего числа керамики. Выделено 4 типа керамики:

Банки 21 сосудов(**рис.51, 1-2**);

Плавнопрофилированные горшки 8 сосудов (**рис.51, 3-5**);

Острореберные горшки 1 сосуд (**рис.51, 6**).

На 25 сосудах данной группы были нанесены достаточно четкие расчесы по тулову, в оставшихся пяти случаях орнамент наносился полый трубочкой. Расчесы на внешней стороне посуды и орнаментация полый

трубочкой достаточно распространенный прием декорирования посуды на раннем этапе срубной культуры.

Срубная культурная группа самый массовый материал на поселении, представлен 262 сосудами, которые составляют 85,1 % от общего числа керамики. Выделено 4 типа керамики:

Открытые банки 151 сосуд (рис.52, 1-3);

Закрытые банки 50 сосудов (рис.52, 4-5);

Плавнопрофилированные горшки 39 сосудов (рис.53, 1-4);

Острореберные горшки 22 сосуда (рис.53, 5-7).

Более половины сосудов не имеют орнамента. Наиболее распространенными элементами орнамента являются: заштрихованные треугольники, зигзаги, ромбы, горизонтальные линии выполненные в один, два и иногда в три ряда. Весь орнамент наносился средnezубчатым и крупнозубчатым штампом. В целом, наполнение орнаментальными композициями в декоре данной группы значительно уступает сосудам раннего этапа срубной культуры.

Керамика расположенная под полом построек в подавляющем большинстве представлена сосудами срубной культуры.

Керамика Нижнепавловского поселения

Керамическая коллекция составляет 37 сосудов, все сосуды фрагментированы. Выборка была сделана из верхних частей сосудов, определяемых до формы. Керамика была разделена на три группы: раннеалакульскую, срубно-алакульскую и алакульскую (таблица 9).

Раннеалакульская культурная группа представлена тремя плавнопрофилированными горшками с вертикальной елочкой нанесенной средnezубчатым штампом, которые составляют 8,2% от общего числа керамики (рис.54, 1-3). Близкая по орнаментальной композиции и форме посуда встречена в петровских и раннеалакульских древностях Южного Зауралья (Виноградов, 2003, с. 343, рис. 78).

Алакульская культурная группа представлена двумя горшками с уступчатым плечом, которые составляют 5,4% от общего числа керамики (рис. 54, 4-5). Один из них резко выделяется из всей коллекции аккуратностью изготовления, зональностью нанесения орнамента, выделенной свободной полосой при переходе к уступу. Орнамент представлен геометрическими фигурами (заштрихованные треугольники, и два пояса ограничивающих свободную полосу). Отметим, что и второй сосуд имеет свободную неорнаментированную полосу. По всем морфологическим признакам данный сосуд имеет множество аналогий среди памятников алакульской культуры.

Срубная культурная группа

Керамика срубной культуры представлена на поселении 16 сосудами, которые составляют 43,2% от общего числа керамики и морфологически делится на 2 типа.

Открытые банки (рис.54, 6-8). Выборка насчитывает 13 сосудов. Все сосуды выполнены небрежно, в глаза бросается асимметрия форм, ни на одном из сосудов нет орнамента. Отметим только, что на одной из банок нанесены ярко выраженные расчесы. Однако, столь явный раннесрубный признак, в данном случае является лишь данью традиций более раннему времени. Говорить о разных этапах заселения объекта по одному сосуду достаточно сложно.

Плавнопрофилированные горшки (рис.54, 9-10). В коллекции 3 таких сосуда, все они орнаментированы. На двух сосудах отмечены ногтевые вдавления, еще на одном нанесены заштрихованные треугольники крупногребенчатым штампом.

Срубно-алакульская культурная группа Группа керамики со смешанными срубно-алакульскими признаками представлена на поселении 16 сосудами, которые составляют 43,2% от общего числа керамики, которые делятся на два типа:

Горшки с уступчатым плечом представлены 10 сосудами, все горшки неорнаментированы (**рис.55, 1-3**).

Плавнопрофилированные горшки с высокой шейей, все выделено 4 таких сосуда, 2 из которых орнаментированы (**рис.55, 4-6**).

Ко второму типу был отнесен еще один сосуд, у него под венчиком были нанесены подтреугольные вдавления. Несмотря на то, что форму данного сосуда определить не удалось, нами он был отнесен в эту группу, которая характерна для сосудов с кожумбердынским влиянием.

Все сосуды в группе выглядят достаточно целостно в культурном плане, они сочетают в себе черты как срубной культуры (неаккуратность лепки, орнаментация в основном верхней части сосудов), так и алакульской (лощение поверхности, наличие горшков с уступчатым плечом). Интересной деталью является тот факт, что классическая для алакульской посуды форма - горшок с уступом не орнаментирован вовсе, что напрямую указывает на смешение традиции (Моргунова и др, 2017, с. 140-144). Сосуды 2 типа, аналогии которым известны в Восточном Оренбуржье, Е.Е. Кузьмина относил к сольилецкому варианту алакульской культуры (Кузьмина, 2008а, с. 269-270). Однако, небрежность с которой изготовлены горшки, позволяет их также отнести к срубно-алакульской посуде.

Керамика со II Кузьминковского поселения.

При рассмотрении керамики с поселения за основу была взята публикация материалов поселения (Моргунова и др., 2001, с. 99-125). авторами вся керамика была разделена на две хронологические группы. Первая группа была отнесена к синташтинской и петровской культурам, вторая к черкаскульской и федеоровской культуре и финалу позднего бронзового века.

В настоящей работе нами была предпринята попытка вычленения культурных групп из представленных типов керамики. Статистические подсчеты в данном случае не проводились.

Синташтинско-абашевская культурная группа

Группа представлена сосудами баночных форм с утолщенным венчиком, а также горшками с ребром изнутри и плавно отогнутым венчиком (рис. 56). Посуда имеет ребристый профиль. Как правило, на шейке сформированы парные желобки. Элементы орнаментальной композиции представлены горизонтальными желобками, зигзагами, волнами, ямками, низкими равнобедренными заштрихованными треугольниками, иногда с бахромой, рядами насечек или вдавлений. Подобная керамика широко распространена в памятниках развитой уральской *абашевской* культуры.

Раннеалакульская культурная группа

Керамика представлена плавнопрофилированными и остроробеными горшками изредка встречаются банки (рис. 57). В сосудах отмечается аккуратность лепки и зональность при нанесении орнамента. В ряде случаев горшки имеют характерный для раннеалакульской керамики уступ при переходе от шейки к тулову. На нескольких сосудах в верхней части венчика изготовлен воротничок. Орнамент покрывает либо верхнюю часть горшков, либо всю поверхность. Наряду с треугольниками и горизонтальными линиями сосуды украшались горизонтальными и вертикальными зигзагами, вертикальными полосами ромбов, ромбической сеткой.

Черкаскульская культурная группа представлена горшками со слегка отогнутой шейкой и раздутым туловом (рис. 58). Орнаментирована верхняя часть горшков. Способ орнаментации: прочерчивание, украшение мелкозубчатым и среднезубчатым штампом. Элементы орнаментации разнообразны: горизонтальные линии, зигзаги, ломаные полосы с поперечной штриховкой, треугольники с наклонной штриховкой, наклонная лесенка. Описываемая керамика имеет многочисленные аналогии в *черкаскульских* памятниках Республики Башкортостан и Зауралья (Обыденов, Шорин, 1995, с. 23-25).

Федоровская культурная группа представлена горшковидными сосудами (рис. 59). Сосуды орнаментированы, декор нанесен зубчатым штампом. Орнамент расположен зонально: на венчике, шейке и плечике.

Мотивы декора разнообразны: вертикальная и горизонтальная елка, разнообразные по форме треугольники заштрихованные косыми линиями.

Керамика культур финала бронзового века характеризует последний этап существования поселения, она представлена горшковидными сосудами с валиками и воротничками (рис. 60).

Воротнички различные: плоские, узкие и широкие, массивные, иногда едва заметны. Половина сосудов с воротничками орнаментирована. Узор нанесен в верхней части в виде ромбической сетки и наклонных насечек по воротничку, елочки по тулову. Орнамент выполнялся прочерчиванием, и лишь в двух случаях гребенчатым штампом.

Валиковые сосуды имеют наклепной или формованный овальный в сечении. Орнамент покрывает верхнюю часть сосудов. По своим основным признакам керамика финальной группы находит близкие аналогии в памятниках *ивановского* типа лесостепного Поволжья (Колев, 1988, с. 103-104; Колев и др, 1995, с. 88-91).

Керамика с поселения у хутора Горный.

При рассмотрении керамики с поселения за основу была взята работа Лунькова, который разделил сосуды по морфологическому признаку используя метод графического сравнения симметричных изображений. Автор объяснял данный подход тем, на том этапе исследования перед ним стояла задача по возможности максимально описать керамику с памятника без выделения всех составляющих его культурных компонентов. Данный подход был обусловлен тем, что часть сосудов сочетают в себе черты различных культур (срубной, алакульской и федоровской) (Луньков, 2004, с. 22-51).

В настоящей работе нами была предпринята попытка вычленения культурных групп из представленных типов керамики. Статистические подсчеты в данном случае не проводились, в силу того, что анализ столь масштабной коллекции по материалам опубликованным в монографии видится достаточно сложным.

Керамика срубной культуры

Керамическая коллекция срубной культуры представлена традиционными для нее формами посуды: плавнопрофилированными и острореберными горшками, а также открытыми и закрытыми банками (**рис. 61-62**).

Автор отмечает данная керамика является доминирующей на поселении в количественном выражении на всех участках.

Керамика характеризует собой традиционный для срубной культуры набор приемов для декорирования посуды, а именно, использование геометрических фигур для украшения посуды. Орнамент наносился как правило средне и крупнозубчатым штампом, в некоторых случаях использовались ногтевые вдавления. На поселении также обнаружено большое количество неорнаментированной посуды, которая, также характерна для керамики срубной культуры. Сосуды как правило толстостенные, ярко читается небрежность при ее изготовлении. В археологической литературе данные признаки как правило относят представленный набор керамики к развитому этапу срубной культуры.

При этом на поселении, судя по представленным иллюстрациям, присутствует в достаточном количестве посуда срубной культуры с покровскими (ранними) чертами. Они характеризуются расчесами по всей площади сосудов, несистемным орнаментом, а также в ряде случаев использованием полой трубочки при декорировании сосудов. По форме данная группа сосудов полностью повторяет те формы которые были отмечены для керамики развитого этапа. Единственным исключением являются сосуды с внутренним ребром, которые вероятнее всего являются реминисценцией синташтинско-абашевского времени. Как уже отмечалось ранее, формы сосудов срубной культуры полностью формируются уже на раннем этапе развития культуры, в более позднее время новые формы исследователями не отмечаются.

Срубно-андроновская керамика.

Керамика которая характеризует контакты срубной культуры с носителями целый вереницы андроновских культур отмечена на поселении в разных вариантах. Для территории Оренбургского Предуралья данная картина достаточно распространена как на бытовых так и на погребальных памятниках.

Срубно-алакульская керамика. Керамика со смешанными срубными и алакульскими традициями считается для рассматриваемой территории наиболее распространенным вариантом срубно-андоновских связей (**рис. 63**). Она отмечена практически на всех известных памятниках позднего бронзового века в регионе (как на бытовых, так и на погребальных).

Основной формой посуды которая маркирует посуду данной группы являются горшки с уступчатым плечом. Они представлены на поселении достаточно широко. На многих сосудах орнамент нанесен очень небрежно, либо имеется орнаментация только в верхней части сосуда, что является одним из признаков срубной культуры. При этом необходимо отметить, что ряд сосудов представленных в монографии можно отнести и к чисто алакульским.

Срубно-федоровская керамика.

Керамика данной группы представлена на поселении горшковидными сосудами (**рис. 64**). Сосуды данной группы богато орнаментированы, орнамент нанесен зубчатым штампом. Орнамент расположен зонально: на венчике, шейке и плечике. Мотивы декора разнообразны: вертикальная и горизонтальная елка, разнообразные по форме треугольники заштрихованные косыми линиями.

Черкаскульская керамика

Керамика представлена фрагментами отдельных сосудов, а также целыми сосудами (**рис. 65**). В этой группе преобладают горшки со слегка отогнутой шейкой и раздутым туловом. Интерес вызывают кубковидные сосуды с коротким незначительно прогнутым горлом, раздутым в верхней

части туловом, узким дном на высоком поддоне. Прямой аналогией данным сосудам является сосуд с Родникового поселения.

Сосуды богато орнаментированы, узор покрывает всю верхнюю часть горшков. Способ орнаментации: прочерчивание, украшение мелкозубчатым и среднезубчатым штампом. Элементы орнаментации очень разнообразны: горизонтальные линии, зигзаги, ломаные полосы с поперечной штриховкой, треугольники с наклонной штриховкой, елочка, меандр. Описываемая керамика имеет многочисленные аналогии в *черкаскульских* памятниках Республики Башкортостан и Зауралья (Обыденов, Шорин, 1995, с. 23-25).

Подводя итог, можно отметить, что изучение керамики с применением морфологического и технико-технологического анализа керамики позволила разделить ее на культурные группы. Культурные группы не только определяют позицию рассмотренных поселений на временной шкале позднего бронзового века, но и показывают процессы взаимодействия срубной культуры с другими культурами.

2.2. Хронологическое соотношение и проблема межкультурных связей.

На основании анализа керамики, выделяется четыре хронологических этапа позднего бронзового века на поселениях Оренбургского Предуралья.

Первый хронологический этап представлен синташтинско-абашевской группой керамики, которая отмечена на шести поселениях: Ивановское, II Сухореченское, Токское, Родниковоe, II Кузьминковское и Малоюлдашевское. В процентном соотношении они составляют от 4 до 10 % от общего количества керамики на поселениях.

В работе Н.Л. Моргуновой и О.И. Пороховой впервые были выделены памятники с керамикой данного типа (Моргунова, Порохова, 1989, с. 160-172). Однако наиболее полный анализ всех известных к настоящему времени материалов был проведен В.В. Ткачевым (Ткачев, 2007, с. 215-228).

Комплексы с представленных поселений демонстрируют элементы как синташтинской, так и абашевской культур. Очень часто, фрагменты верхних

частей сосудов сложно разделить на ту или иную культуру. В данном случае название культурной группы во многом носит не культурологический, а характер хронологического маркера, который относит данную группу к самому началу позднего бронзового века, к которому в настоящее время относится синташтинская культура (Молодин и др, 2014, с. 139). Кроме того, многие исследователи в настоящее время синхронизируют абашеские и синташтинские древности (Епимахов, 2002, с. 24; Григорьев, 2006, с. 192; Бахшиев, 2012, с. 44-46).

Керамика абашевской культуры представлена целыми сосудами Родникового поселения которые имеет прямые аналогии с памятников из соседних регионов: поселений Баланбаш (Кузьмина, О, 2011) и Тюбяк (Обыденов и др., 2001).

Ярким комплексом данного хронологического этапа является погребальный комплекс с территории Малоюлдашевского поселения. Погребальный обряд и инвентарь захоронения демонстрирует безусловные признаки синташтинского времени. Керамический комплекс и бронзовые изделия имеют множество аналогий в синташтинской культуре (Моргунова и др, 2015, с. 69). Кроме того, данный комплекс близок синташтинской культуре и по антропологическим характеристикам (Хохлов, Китов, 2014, с. 132-133). При этом отмечается некоторое своеобразие по сравнению с классическими синташтинскими комплексами. Причиной тому, по мнению авторов, служит некоторая оторванность данного погребения от коренных территорий распространения синташтинской культуры и близостью к синхронной с ней потаповской культуре (Моргунова и др, 2015, с. 68-69). Помимо самого погребения в слое поселения была обнаружена серия фрагментов керамики, аналогичной сосудам из могилы, которые содержат признаки синташтинской культуры: ребристый профиль и внутреннее ребро (Евгеньев и др., 2016, с. 65-67).

Второй хронологический этап представлен двумя группами керамики: раннесрубной (Малоюлдашевское, Ивановское, II Сухореченское

поселения) и раннеалакульской (Родниковское, II Кузьминковское поселения). Кроме того, на Покровском поселении при помощи технико-технологического анализа выделена смешанная керамика двух этих культурных групп (Мухаметдинов, 2014, с. 197-198).

Наличие смешения двух представленных культурных групп напрямую указывает на их единую хронологическую позицию. Синхронность раннесрубного и раннеалакульского материала отмечена в целом ряде научных работ (Потемкина, 1995, с. 23; Рутто, 2003, с. 98-108; Обыденнов, Обыденнова, 1992, с. 144-146, Молодин и др, 2014, с. 142-144; Файзуллин И., 2014, с. 123-130). Так, по мнению В.В. Ткачева, на территории Приуралья раннеалакульское население претерпело влияние раннесрубного еще на самом раннем этапе культурогенеза. По материалам Зауралья отмечено, что петровские (раннеалакульские) и раннесрубные материалы имеют ряд черт сходства, и в некоторых случаях они представлены синкретическими комплексами. Было проведено суммирование радиоуглеродных дат, которые расположились в интервале 1880-1740 лет ВС (19-17 вв. до н. э.), т.е. хронологическим интервалом следующим после синташтинской культуры.

Подтверждением данным выводам являются погребальные памятники с территории Оренбургского Предуралья. Например Боголюбовский курганный могильник, в котором сочетается керамика как раннесрубного (вдавление полой кости, расчески, ногтевые вдавления и т.д.) так и раннеалакульского (утолщенный венчик, аккуратность лепки и т.д.) облика (Моргунова и др, 2014, с. 80-102).

Технологический анализ показал достаточно стабильное применение у представленной группы керамики илистых глин. Сосуды с данной примесью со значительной долей уверенности относятся к раннему периоду срубной культуры. Об этом свидетельствуют материалы курганных могильников Лабазы (Моргунова и др., 2009) и Скворцовка (Моргунова и др., 2010), керамика данных памятников также была изготовлена из илистых глин. По материалам из погребений этих могильников были получены

радиоуглеродные даты, которые указывают на сооружение комплексов в 18-17 вв до н.э. Сосуд с примесью ила был также обнаружен в курганном могильнике у с. Плешаново (Крюкова и др, 2012; Мухаметдинов, 2012в, с. 135), который находится в непосредственной близости от Малоюлдашевского поселения. По дереву одного из перекрытий данного некрополя была получена радиоуглеродная дата (3390 ± 30 BP; 1760-1610 BC (95,4 %))⁴. В.И. Мухаметдинов отмечает, что факт встречаемости сосудов из ила и илистых глин в раннесрубных могильниках, подтверждает раннюю датировку Малоюлдашевской керамической коллекции. Помимо представленных погребений еще ряд комплексов с раннесрубной керамикой имеют радиоуглеродные даты (таблица 10, 3-8), которые ложатся в те же интервалы, что и Плешановское захоронение (Купцова, 2020, с. 296-298).

Материалы представленных поселений позволяют обратиться к вопросу о расселении представителей срубной и алакульских культур на раннем этапе их развития. Было отмечено, что материалы Родникового поселения на начальном этапе эпохи поздней бронзы были заселены раннеалакульскими племенами. Этот факт подтверждается керамической коллекцией, которая как визуально, так и технологически тяготеет именно к алакульской традиции изготовления керамики (Мухаметдинов, 2012а, с. 101-104). Ближайшие памятники археологии, расположенные в бассейне среднего течения реки Урал, также содержали керамику данного типа (Купцова, Файзуллин И., 2012б, с. 246-247). Так к памятникам содержащим раннеалакульскую керамику, относятся: Покровское, II Кузьминковское и Краснохолмское поселения. Керамическая коллекция курганных могильников Новая Белогорка и Герасимовка III наряду с раннесрубной, также в достаточно большом количестве содержит раннеалакульскую керамику.

⁴ Радиоуглеродная дата получена в изотопном центре кафедры геологии и геоэкологии факультета географии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Иная картина наблюдается в северо-западной части Оренбургской области. Памятники бассейна реки Самары содержат в основном керамический материал раннего этапа срубной культуры. Так Малоюлдашевское поселение на начальном этапе поздней бронзы было заселено раннесрубными племенами. Подобная картина характерна еще для ряда памятников: Токского, Ивановского и Сорочинского поселений, а также курганных могильников Скворцовка, Лабазы, Пролетарка и Александровка. Все вышперечисленные памятники содержат керамические материалы, характерные для данного времени в большей или меньшей степени.

В последующий период коллективы представителей срубной культуры более активно, чем в ранний период проникают в зону алакульского влияния, в том числе в бассейн Уральского правобережья и взаимодействуют с местным населением. Данная ситуация хорошо прослежена в строительных и гончарных традициях Родникового поселения срубно-алакульского периода. При сохранении, в основном, алакульских приемов домостроительства, в гончарном ремесле начинают преобладать навыки изготовления посуды, характерные для срубной культуры.

В то же время наблюдается и обратный процесс, когда в керамических коллекциях памятников бассейна реки Самары начинает появляться алакульская керамика развитого этапа. При этом в рассматриваемых случаях влияние алакульской традиции на срубную не столь ощутима, как в случае с влиянием срубной традиции на алакульскую. Так на Малоюлдашевском поселении процент срубно-алакульской посуды составляет лишь 15,5 %, а процент срубной более 50 % от общего числа керамики.

Таким образом, взаимодействие срубного и алакульского населения на раннем этапе имело место на территории Западного Оренбуржья, но не происходило повсеместно. Об этом свидетельствует наличие несмешанных комплексов раннесрубной керамики в бассейне реки Самары и чистых раннеалакульских комплексов в бассейне реки Урал.

По соотношению с материалами сопредельных территорий, а также по технологическим приемам и радиоуглеродному датированию хронологическая позиция данной группы следует за синташтинско-абашевской. Их значения распределены от 20 до 18 вв. до н.э (Купцова, 2020, с. 296-298).

Третий хронологический этап - представлен тремя группами керамики: срубной, алакульской и срубно-алакульской.

Керамика данной группы представлена практически на всех поселениях изученных на рассматриваемой территории. Она доминирует как территориально, так и количественно, составляя большинство от всех сосудов в выборках на поселениях.

Данная хронологическая группа характеризуется дальнейшей активизацией срубно-алакульских контактов, а в некоторых случаях контактами срубников с другими группами андроновского населения: федоровской и кожумбердынской. Кроме того на Родниковом поселении отмечена черкаскульская керамика. Выделенный комплекс черкаскульской керамики, также как и все остальные, не стратифицирован. Н.Г. Рутто предположила, что на территории от степных районов Поволжья до Северного Казахстана черкаскульские племена недолгое время сосуществовали со срубными (Рутто, 2003, 108-109). Находки с Родникового поселения подтверждают эту гипотезу. Сам же факт появления зауральского андронидного населения в степях Приуралья в конце позднего бронзового века маркирует начало заключительного (финального) этапа эпохи поздней бронзы в регионе.

Срубный компонент на рассматриваемой территории является доминирующим на всех рассмотренных памятниках этого времени, что отражается как в морфологическом, так и технологическом аспекте изучения. Появление федоровской посуды достаточно четко маркирует переход к развитому этапу срубной культуры, что показал анализ погребальных памятников в регионе (Купцова и др, 2018).

Срубно-алакульские контакты в этом хронологическом интервале давно стали объектом изучения для целого ряда исследователей (Федорова-Давыдова, 1973; Мерперт и др., 1985, с. 3-10; Рутто, 2003), и до настоящего времени остаются актуальной проблемой (Алаева, 2015а, 9-15; Бахшиев, 2014, с. 11-24; Купцова, 2014а, с. 177-196, Петров и др., 2017. с. 113-140). Несмотря на присутствие срубно-алакульских контактов еще на раннем этапе, в процентном отношении они доминируют именно на этом этапе развития культур.

Керамический материал данного этапа в срубной культурной группе достаточно консервативен и имеет несколько меньше вариантов в технологии изготовления. В это время диагностируется отмирание некоторых элементов раннесрубной керамики: такие признаки, как упорядоченные расчесы крупнозубчатым штампом и проташенный штамп. Так или иначе, в этот период времени в срубной культуре не появляется каких-либо новых форм керамики. Данные показатели в традиционных хронологических схемах, как правило, называют развитым этапом срубной культуры (Семенова, 2000, с. 222-223; Горбунов, 1992а, 171-174).

Погребальные комплексы с материалами развитого этапа срубной культуры на сегодняшний день представлены двумя радиоуглеродными датами (**таблица 10, 9-10**). Их значения распределены от 17 до 15 вв. до н.э (Купцова, 2020, с. 296-298).

Четвертый хронологический этап. Небольшое количество керамики данного времени было объединено в группу - керамика культур финала бронзового века, представленную на 4 поселениях Оренбургского Предуралья.

В общей совокупности, она, как правило занимала небольшой процент выборки, исключением является II Кузьминковское поселение, где керамика финала бронзового века составляет большой процент от общего числа сосудов.

С данной хронологической группой соотносится стержневидный псалий с Малоюлдашевского поселения. Подобные изделия по разработанной типологии датируются финалом бронзового века (Подобед и др., 2014б, с. 89).

Большинство исследователей культур валиковой керамики финальной бронзы считают, что они возникли в результате длительного взаимодействия срубной и андроновской культурно-исторических общностей (Зданович Г., 1988, с. 148; Зданович С., 1984, с. 96; Колев, 2000, с. 251-252). На исследуемой территории, наиболее активно, это взаимодействие прослеживается, начиная с третьего хронологического горизонта. О связи населения заключительного этапа бронзового века с предшествующим периодом может говорить сохранение некоторых гончарных традиций, например, таких, как использование характерного для срубной культуры пластичного и непластичного исходного сырья, которое было отмечено в ходе технико-технологического анализа керамики Родникового поселения. При этом население финальной бронзы привнесло ряд нововведений при изготовлении сосудов. В формовочных массах сосудов появляются искусственные примеси не столь популярные в срубно-алакульское время: кварцевая дресва и измельчённая слюда, а так же тальковая дресва – примесь характерная для Зауральской гончарной традиции бронзового века (Краева, 2010, с. 58).

Погребальные комплексы финала бронзового века на сегодняшний день представлены двумя радиоуглеродными датами которые были получены с курганных могильников у села Каменка (курган 2, погребение 3) и Лабазы (курган 4, погребение 5) (**таблица 10, 11-12**).

Полученные даты укладываются в XIV-X вв. до н.э. (Купцова и др., 2018, с. 306-307; Купцова и др., 2019, с. 134). Датировка погребений соответствует хронологическим рамкам которые установлены для культур финала бронзового века Саргаринской (Зданович С., 1983) и Ивановской (Колев, 2000).

Вывод

На поселениях позднего бронзового века наиболее ранними являются синташтинско-абашевские древности, которые представлены на 7 поселениях региона. В процентном соотношении они составляют от 4 до 10 % от общего количества керамики на поселениях.

Следующий этап представлен раннесрубной и раннеалакульской керамикой. В процентном соотношении они варьируются от 2 до 25 % от общей массы керамики на всех поселениях. Керамика данных групп представлена на всех поселениях. Раннесрубная керамика преобладает на поселениях бассейна реки Самара, а раннеалакульские в бассейне реки Урал. При этом на некоторых памятниках фиксируются первые контакты данных культурных групп.

Третий период характеризует наиболее массовый материал на поселениях. Он представлен керамикой срубной культуры без покровских черт, а также смешанной срубно-андроновской керамикой в разных вариантах: срубно-алакульская, срубно-федоровская, срубно-кожумбердынская. В редких случаях наблюдаются примеры несмешанных андроновских традиций.

К заключительному хронологическому этапу относятся материалы финала бронзового века. Керамика с валиками и воротничками имеет прямые аналогии в ивановской культуре Поволжья и саргаринской культуре Зауралья и Северного Казахстана. Данные культуры датируются финалом бронзового века. Технологические приемы при изготовлении посуды имеют свои корни в предшествующих срубной и алакульской культурах. Материалы данной группы представлены на поселениях в небольшом количестве. Единственным памятником, который имеет представительную коллекцию керамики финала бронзового века в Оренбургском Предуралье, является II Кузьминковское поселение.

Глава 3. Хозяйство населения эпохи поздней бронзы на территории Оренбургского Предуралья.

Способность человека определять свойства хозяйственных ресурсов, добывать их и использовать, совершенствовалось непрерывно по мере развития общества (Рахилин, 1988, с. 4). Уровень хозяйства в бронзовом веке зависел не только от занятой экологической ниши, но и от производительных сил общества. Реконструкция основ хозяйства древнего общества, может базироваться на широком спектре артефактов и свидетельств производства. В этой связи наиболее полную информацию по рассматриваемому вопросу представляют бытовые памятники археологии.

3.1. Животноводство у населения эпохи поздней бронзы с территории Оренбургского Предуралья.

Археозоологические данные, полученные с поселений эпохи бронзы Западного Оренбуржья, являются ключевым показателем для определения местного животноводства того времени. Уже давно не вызывает никаких сомнений, что население эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи занималось производящим хозяйством (Мерперт, Пряхин, 1979, с. 10-13; Обыденнов, Обыденнова, 1992, с. 57-66; Синюк, 1996, с. 266-283).

В эпоху энеолита-ранней бронзы население обладало достаточно развитым производящим хозяйством (Моргунова, 2014, с. 256-293; Моргунова, 2017, с. 50-69), ядром которого являлось скотоводство. В энеолите на территории Волжско-Уральского междуречья произошел отбор определенных видов животных, наиболее приспособленных к степным условиям, позднее адаптированным для кочевничества (Моргунова, 2017, с. 54). К категории таких животных относятся крупный и мелкий рогатый скот, лошадь и верблюд. Кости всех перечисленных животных были обнаружены в как на бытовых, так и на погребальных памятниках позднего бронзового века в рассматриваемом регионе.

К настоящему времени мы располагаем археозоологическим материалом семи поселений эпохи бронзы на территории Западного

Оренбуржья: Ивановское, Токское, Горный, Покровское, Малоюлдашевское, Сорочинское и II Кузьминковское (**таблица 11**).

Костные останки с Ивановского, Покровского и Сорочинского поселений были исследованы и интерпретированы А.Г. Петренко (Петренко, 2007, с. 33-66). Покровское и Сорочинское поселения - однослойные памятники которые датируются эпохой позднего бронзового века; Ивановское поселение - многослойный памятник, содержащий материалы неолита, энеолита, среднего и позднего бронзового веков.

Покровское поселение диагностировано в количестве 2330 костей, принадлежавших минимум 123 особям животных. Домашним животным принадлежало 96,9% из всех костей собранных с площади поселения. Среди которых по количеству особей: 48,9% - крупный рогатый скот, 38,8% - мелкий рогатый скот, по 6,15% - лошади и свиньи. Немного другая картина наблюдается по количеству всех костей: 49% - крупный рогатый скот, 26% - мелкий рогатый скот, лошадь - 22%, свинья - 3% (Петренко, 2007, с. 33-66).

Также были обнаружены части скелета верблюда. Нахождение верблюда на поселении является еще одним свидетельством срубно-алакульских контактов на территории Западного Оренбуржья. Е.Е.Кузьмина отмечала, что помимо андроновцев разведением верблюдов занимались только племена Средней Азии. Находки верблюдов отмечены в целом ряде бытовых памятников андроновской общности (Кузьмина Е., 1994, с.203), помимо этого известны многочисленные петроглифы и фигурки с изображением верблюда (Кузьмина Е., 1963, с. 38-44).

Костные остатки от диких охотничье-промысловых животных, как по числу особей, так и по числу костей значительно уступают домашним и составляют 14,6% и 3,1 % соответственно. Среди диких животных обнаружены: лось, олень, кабан, сайга, бобр, лиса и волк, которых, по всей видимости, добывали для получения мяса и шкур.

Ивановское поселение - диагностировано в количестве 1681 костей, принадлежавших минимум 77 особям животных. Домашним животным

принадлежало 84,1% из всех костей собранных с площади поселения. Из них по количеству особей: 51,3% - крупный рогатый скот, 19,5% - мелкий рогатый скот, лошадь - 21,9, свинья-7,3%. По количеству всех костей с поселения: 42,5% - крупный рогатый скот, 20,2% - мелкий рогатый скот, лошадь - 36,2, свинья-1,1%.

Костные остатки от диких животных составляют 15,9%.

Сорочинское поселение - диагностировано в количестве 87 костей, принадлежавших минимум 7 особям животных. Домашним животным принадлежало 100% из всех костей собранных с площади поселения: 57,1% - крупный рогатый скот, 14,3% - мелкий рогатый скот, лошадь - 28,6%. По количеству всех костей с поселения: 89,6% - крупный рогатый скот, 2,3% - мелкий рогатый скот, лошадь - 8,1%.

Малоюлдашевское поселение.

Костные остатки с Малоюлдашевского поселения были исследованы Н.В. Росляковой (Евгеньев и др, 2016, с. 93-113). Напомним, что памятник является многослойным поселением, которое содержит материалы неолита и позднего бронзового веков. Стратиграфически материалы не делятся и поэтому костные остатки отбирались полностью со всего слоя. При этом подавляющее большинство материала датируется эпохой бронзы (93%) и в этой связи можно полагать, что результаты проведенных работ достаточно точно отражают ситуацию в бронзовом веке.

Остеологическая коллекция с поселения включает около 5 тыс. костей. Для исследования была сделана выборка из 3143 фрагментов. Индекс искусственной раздробленности оказался в рамках обычного кухонного расчленения целых костей – от 10 до 50 фрагментов на 1 куб. дм. До видового уровня определено 50,3% всех костей. На 40% всех фрагментов обнаружены следы искусственного воздействия. Среди них преобладают следы воздействия открытого огня и разделки туши. Распределение таких следов по костям никак не соотносится с их видовой принадлежностью. Такие характеристики остеологической коллекции означают, что основная ее

часть является кухонными остатками. Кроме кухонных остатков в коллекции выделены кости со следами обработки, костяные изделия, костяные орудия и их заготовки (Файзуллин, Рослякова, 2016, с. 61-67).

Домашним животным принадлежало 99% из всех костей, собранных с площади поселения.

Из них по количеству всех костей выделены: 48,5% - крупный рогатый скот, 32,1% - мелкий рогатый скот, лошадь - 15,9, свинья-3%, собака-0,4%.

Костей диких животных на поселении крайне мало, они составляют лишь 1 %. Однако их видовой состав достаточно разнообразен: кабан, лось, волк, лиса и бобр, кости которого наиболее многочисленны.

Была проделана работа по оценке интенсивности мясного скотоводства на поселении. Отмечено, что возрастная структура съеденных на поселении особей показывает, что 67% животных забивалось на мясо в возрасте от полутора до шести лет. Пик такого изъятия приходился на группу от 4-х до 6-ти лет (около 43%), когда животные уже не могли больше наращивать мясную продуктивность. Такая возрастная структура отражает значительную интенсивность мясного использования крупного рогатого скота на поселении. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что возрастные группы от 3-х до 6-ти лет являются одновременно и наиболее продуктивным маточным поголовьем, так что их максимальное изъятие на мясо ведет к подрыву стабильного ежегодного воспроизводства стада в хозяйстве. Вероятность такой ситуации на поселении Малоюлдашево I подтверждает незначительность доли коров, оставленных после четырех лет в стаде и достигнувших к моменту забоя возраста уже старше шести-девяти лет (около 17%). Это возможно в том случае, если воспроизводство мясного поголовья осуществляется маточным стадом, которое существует вне рамок рассматриваемого поселения.

Возрастная структура останков овец и коз свидетельствует о сбалансированном использовании МРС - как мясного животного, так и для воспроизводства съедаемого поголовья. Большую часть животных (60%)

забивали до достижения ими максимального веса. Доля особей, участвующих в процессе размножения, в кухонных остатках представлена в 10%, животные старше 4-х лет составляют 27% (Файзуллин, Рослякова, 2016, с. 61-67).

Остеологические материалы с Токского и II Кузьминковского поселения были рассмотрены П.А. Косинцевым. Токское поселение - однослойный памятник эпохи поздней бронзы, II Кузьминковское поселение содержало материалы конца среднего начала позднего бронзового века, а также финала бронзового века⁵.

Токское поселение. Диагностировано в количестве 1589 костей.

Домашним животным принадлежало 97,8% от всех костей, собранных с площади поселения: 52,1% - крупный рогатый скот, 23,7% - мелкий рогатый скот, лошадь - 23,5, свинья-0,3%.

Костей диких животных на поселении крайне мало, они составляют 2,2%. При этом их видовой состав разнообразен: кабан, косуля, кулан, волк, лиса и лось, кости которого наиболее многочисленны.

II Кузьминковское поселение. Диагностировано в количестве 1784 костей.

Домашним животным принадлежало 99,6% от всех костей собранных с площади поселения: 68,1% - крупный рогатый скот, 11% - мелкий рогатый скот, лошадь - 12, свинья - 9%.

Поселение Горный

Костные остатки с поселения Горный, расположенного на территории всемирно известных Каргалинских рудников, были исследованы Е.Е. Антипиной (Антипина, 2004, с.182-207). Автором была проделана огромная работа по обработке 2,5 млн. костей. Столь насыщенный костями культурный слой, а также тщательный разбор материала позволил автору рассмотреть хозяйство населения на разных этапах его истории.

⁵ Выражаю благодарность П.А. Косинцеву за предоставленные материалы.

Доля костей домашних животных, на поселении, была максимально приближена к 100 %. Однако, несмотря на крайнюю малочисленность диких животных, следует отметить, что видовой состав их разнообразен: лось, косуля, кабан, волк, лиса, медведь, хорек, барсук, выдра, бор и заяц. Кости лисы в коллекции диких видов самые многочисленные и занимают около половины коллекции, далее идут кости бобра-19%. Остальные виды не столь представительны.

Автор исследования отмечает, что кости на площади поселения, а в особенности в жилой части постройки подвергались значительному дроблению. По данному показателю костные остатки с Горного значительно превосходят все известные остеологические коллекции этого времени (Антипина, 2004, с. 195).

Общее распределение костей домашних животных по видам показало следующий результат (Антипина, Моралес, 2005, с. 29-34). Крупному рогатому скоту принадлежало - 80,7%, мелкому рогатому скоту - 16,9%, лошади - 2,1 и свинье - 0,3%. Наличие собаки диагностируется сотыми долями процентов. Видовая структура и соотношение отдельных видов поразительно близки для всех слоев позднего бронзового века.

Возрастной состав забитых на поселении животных показал достаточно странные для скотоводческого общества результаты. До 70 % костей принадлежат молодым особям, кроме того отмечено значительное количество костей эмбрионов крупного рогатого скота, что свидетельствует о забое беременных коров. Данные факты, по мнению исследователя, говорят о том, что жители поселка, не занимаясь скотоводством, получали скот извне. Еще одним фактом, указывающим на это, является отсутствие костей с погрызами собаки, в то время когда сами кости собаки изредка встречаются. Отмечено, что на поселении обнаружено погребение кобеля и щенков. Возможно, собака являлась лишь культовым животным, которое использовалась исключительно для ритуалов, но не использовалась в хозяйственной деятельности (Антипина, 2004, с. 212).

Автор обращает внимание на разнообразие действий, выполняемых с помощью животных. Помимо употребления в пищу, животные, по всей видимости, активно использовались в религиозных практиках: жертвоприношения, заклятия. Об этом свидетельствуют сохранившиеся целые кости и хорошо сохранившиеся крупные фрагменты костей, которые имеют следы ритуального использования. Отмечено, что количество использованных в ритуалах животных было огромным. Забои, по мнению исследователя, проходили в летнее время, судя по возрасту животных.

Остеологические коллекции с рассмотренных поселений показывают доминирование костей домашних животных. Мясная и молочная направленность хозяйства для срубной культуры в этой связи видится самой основной. Останки диких животных присутствуют в небольшом количестве, при этом имеют широкий видовой набор. Они использовались для добычи мяса, шкур и рога.

Скотоводство.

Животноводство - один из важнейших факторов экономики древнего населения, без изучения которого невозможно научное восстановление истории ранних этапов того или иного общества. Особенно остро это касается тех народов, которые проживали на территории степного пояса Евразии. Территория современного Западного Оренбуржья практически целиком находится в степной зоне (Чибилев, 2008, с. 195-197), где скотоводство первое и фундаментально основное занятие производящего общества.

В настоящее время достаточно обосновано отсутствие земледелия на территории Западного Оренбуржья в эпоху бронзы. Исследователями, проводившими палинологические исследования, дано заключение, что на указанной территории, несмотря на большое количество проб пыльцы, культурные растения не обнаружены. Были исследованы шесть поселений: Токское, Ивановское, Родниковое, Покровское, Кузьминковское и Горный. В общей сложности было взято 24 пробы. Кроме того ни на одном из

фрагментов керамики не зафиксировано достоверных отпечатков зерен культурных злаков (Лебедева, 2004, с. 247).

По количественному и видовому соотношению домашних животных бытовые памятники Западного Оренбуржья в целом соотносятся с ближайшими регионами. Так на огромном пространстве Евразии в позднем бронзовом веке доминирование крупного рогатого скота было отмечено еще В.И. Цалкиным. Отмечено, что в этот период состав стада мало чем отличался от более раннего времени, однако при этом увеличивается роль лошади (Цалкин, 1970, с 253-254).

На поселениях выявлены кости свиньи. Они встречены практически на всех поселениях, однако их количество составляет небольшой процент (таб.1). Исключением является II Кузьминковское поселение на котором выявлено 9% останков свиньи от общего количества костей. В ряде работ по поселениям бронзового века отмечаются сложности при определении костей свиньи. Сложность вызывает размежевание домашних и диких видов (Косинцев, Варов, 1996, с. 29; Гак и др, 2019, с. 24). Е.Е. Кузьмина отмечала полное отсутствие свиньи в стаде андроновцев (Кузьмина Е., 2008б, с. 22). Можно предположить, что кости свиньи найденные на поселениях могут принадлежать диким видам и является свидетельством охоты.

Дискуссионным является вопрос о соотношении кухонных остатков и состава стада на поселениях. Еще В.И. Цалкин отмечал прямую зависимость кухонных остатков от состава стада. В настоящее время его анализ, построенный на небольших выборках, пересмотрен, поскольку его выводы сводится к тому, что все домашние животные, разводимые в поселке, были употреблены в пищу. Однако, помимо употребления в пищу животные могли использоваться в ритуальных и хозяйственных целях. Так, на Горном забое животных были столь массовыми в летнее время, что вряд ли все мясо забитых животных было съедено. В этой связи следует согласиться с Е.Е. Антипиной, которая отмечает, что кости из кухонных остатков на поселении отражают, лишь мясной рацион населения, а не деятельность по его

обеспечению (Антипина 1997, с.23). В то же время, других диагностирующих данных по древнему животноводства в настоящее время нет.

Дискуссии вызывает вопрос о количестве костного материала, необходимого для корректного определения состава стада на исследуемом памятнике. Основатель археозоологического метода В.И. Цалкин зачастую использовал небольшие выборки костей для своих построений. По схожей методике проводила свои исследования А.Г. Петренко, в частности ею были рассмотрены несколько памятников эпохи бронзы с территории Западного Оренбуржья. В настоящее время анализ, построенный на небольших выборках, подвергается пересмотру. Е.Е. Антипиной разработана методика, при которой порогом объема материала является 400 определимых до вида единиц (Антипина, Моралес, 2005, с. 30). Она отмечает, что в малых по объему костей выборках минимальное число особей любого вида окажется несомненно завышенным, при сравнении по всей совокупностью материалов (Антипина, 1997, с. 23). Из анализа также исключаются многослойные памятники с большой вероятностью смешивания материала в культурном слое поселений. Таким образом, ряд памятников с Западного Оренбуржья не попали в этот список: Ивановское в силу многослойности; Сорочинское из-за малой выборки. Однако, хочется отметить, что анализ проведенный А.Г. Петренко на этих памятниках, в целом показал схожую картину в составе стада, которая не выбивается из общей массы памятников степной полосы с доминантой КРС.

В настоящее время достаточно сложным представляется вопрос о степени подвижности населения в позднем бронзовом веке. Ранее модель придомного скотоводства в рассматриваемую эпоху в научной литературе являлась доминирующей. Эта модель ведения хозяйства объяснялась пастушеством на прилегающей к поселкам территории, где скот так или иначе, регулярно возвращался на поселение, а в зимнее время для него был заготовлен корм (Мерперт, Пряхин, 1979, с. 10-13; Обыденов, Обыденкова, 1992, с. 57-66; Васильев, 2010, с 82). В настоящее время авторы также не

исключают подобную модель животноводства (Русланов, 2014, с. 20-21). В этой связи особый интерес вызывают работы А.Ю. Рассадникова. Археозоологические исследования проведенные на поселении Каменный Амбар в Южном Зауралье позволили автору сделать вывод о придомном содержании скота в радиусе 15 км вокруг древнего поселения (Рассадников, 2020, с. 46).

Данные строились на изучении костей домашних животных, а так же на наблюдениях за современным выпасом скота. Последние наблюдения для нас выглядят несколько некорректными по причине того, что современные животноводы в качестве подкормки для скота используют продукты земледелия (корма из культурных злаков), которые значительно упрощают уход за животными. Еще одним свидетельством стойлового содержания скота автор называет группу дефектов суставной поверхности, при этом называя ее лишь косвенным признаком для придомного животноводства.

Однако, стоит отметить, что такая форма ведения хозяйства достаточно сложна, так как скот при выпасе вытаптывает кормовую базу вокруг поселения. При перевыпасе происходит уплотнение почвы и ее иссушение, в травостое выпадают ценные кормовые растения, затем разрушается почвозащитная дернина и активизируются процессы водной и ветровой эрозии. Такие процессы называют пасквальной, или пастбищной, дигрессией (Смирных, 2014, 96-99). В то же время, даже на современном этапе в сельской местности фураж, которым кормят скот в зимнее время, во многом является результатом земледелия (солома, и сами злаки). Заготовка сена для всего стада, которое должно быть значительным в силу доминанты скотоводства, в позднем бронзовом веке была затруднительна. Заготовка кормов в больших количествах даже в настоящее время вызывает сложности у сельского населения в засушливые годы.

Достаточно серьезным доказательством подвижности степного населения в эпоху поздней бронзы на территории Оренбургского Предуралья является традиция возведения наземных построек. Всего на рассматриваемой

территории известно 11 построек, 9 из которых наземные. В трех случаях зафиксированы столбовые конструкции, а в остальных случаях отсутствовали даже столбы. Котлованы построек практически не заглублялись в материк, достаточно часто имели аморфные очертания, близкие прямоугольным. Отсутствие остатков строительного материала для крыши и стен, гипотетически, может говорить о легкой конструкции построек. Видимо, производственной необходимости для сооружения сложных построек на поселении, где жители занимались преимущественно подвижным животноводством, не было.

Лишь два комплекса с территории Оренбургского Предуралья имеют более сложную конструкцию: постройки с Хутора Горного на Каргалах и на Токском поселении. Обе постройки оставлены металлургами и имеют целый набор узкоспециальных находок и конструктивных ходов при строительстве (Файзуллин И., 2015, с. 81-82). В литературе отмечался особый способ ведения хозяйства металлургов, которые, видимо, получали сельскохозяйственные продукты уже в готовом виде (Антипина, 2004, с. 222-223).

Для достаточно успешной заготовки кормов на зиму населению были необходимы специальные навыки и соответственно специальные орудия. В ходе раскопок бытовых памятников Западного Оренбуржья на площади поселений с наземными постройками обнаружено всего два бронзовых серповидных орудия на Ивановском поселении. Остальные серпы связаны с находками 4 кладов, которые насчитывают 10 орудий: Овсянка, Ново-Красноярский, Майоровский и Васильевский (Обыденнов, 1989, с. 90-91), а также 13 орудий с поселения у хутора Горный на Каргалах. Долгое время исследователи связывали с этими орудиями возможность заготовки сена, однако в настоящее время их чаще определяют как секачи, орудия для рубки веток и тростника (Кузьминых, 2004, с. 84). В тоже время, существует предположение об использовании орудий этого типа в качестве оружия (Лебедева, 2004, с. 247).

К орудиям для заготовки кормов также относили тупики из нижних челюстей крс и лошади. Так С.С. Березанская считала, что они являлись обоймами для вставки серпов (Березанская, 1990, с. 41).

Однако во множестве работ, посвященных косторезному производству у населения ПБВ, возможность использования орудий из нижних челюстей крупного рогатого скота и лошади для сенокосения не установлена. В большинстве случаев их интерпретируют как кожевенные орудия (Усачук, 2012, с. 140-146; Усачук, Файзуллин И., 2016, с. 128-150; Панковський, Філатов, 2011, с. 77-81).

В вопросе о возможности заготовки фуража для зимнего содержания скота и подвижности основного стада наиболее обоснованной выглядит позиция Е.Е. Антипиной. В целом ряде своих работ она обосновывает подвижный способ ведения хозяйства у населения рассматриваемой эпохи. Автором отмечено, что при доминировании скотоводства оно может существовать лишь в подвижных формах (Антипина, Моралес, 2005, с. 29-44; Антипина, 1997, с. 20-32). Отметим, что достаточно близкой выглядит идея П.А. Косинцева который предполагает, что большая часть скота в теплое время года отгонялась на дальние пастбища, а к зиме возвращалась обратно и выпасалась возле поселения (Косинцев, 2003, с. 135).

Учитывая тот факт, что климатические условия территории Западного Оренбуржья в рассматриваемый период были более благоприятными, чем сейчас, что проявлялось в оптимальном соотношении влаги и тепла, обеспечивавшего максимальную продуктивность степных экосистем (Моргунова и др., 2010, с. 94; Моргунова и др., 2014, с. 114-115), с большой долей уверенности можно предположить возможность подвижности большей части стада, которое имелось у населения в это время.

Некоторые сведения о системе разведения скота (придомной или отгонной), применяемой на том или ином поселении, дает оценка доли разных возрастных групп в возрастных схемах забоя (Файзуллин, Рослякова, 2016, с. 249-260). При этом мы исходим из зоотехнических законов

разведения скота при современной придомной системе скотоводства. При такой системе на мясо забивают в первую очередь молодых особей от 8 мес. до 2,5 лет. В этом возрасте животные уже достигают размеров взрослых особей, но еще продолжают наращивать массу тела. Доля изъятых животных этой возрастной группы не превышает 25%. Забой взрослых животных в возрасте от 2,5 до 6 лет, как правило, не превышает 50%, причем большая часть животных забивается в возрасте 2,5-3-х лет. К трем годам животные наращивают максимальную массу тела и содержать их дальше не имеет смысла. Маточное поголовье составляют особи 2,5-6 лет. После 6-ти лет начинается выбраковка маточного поголовья. Эта группа обычно составляет не менее 20%. Подробно все эти группы описаны в работах Е.Е. Антипиной. Существенные отклонения от приведенной схемы возрастного забоя позволяет предполагать применение жителями поселения отгонной системы скотоводства.

В качестве примера можно привести археозоологическую коллекцию из поселения I у села Малоюлдашево. Она дает информацию о подвижности основного стада. Возрастная структура КРС получена в результате изучения 63 зубов и 16 нижних челюстей, что является хотя и небольшой, но уже представительной выборкой. Телята от 1 до 8 месяцев жизни забивались редко, их доля среди забитых животных составляет всего 5%. Около 16% животных были забиты в возрасте от 8 мес. до 2,5 лет. Изъятие основной массы скота происходила в возрасте от 2,5 до 6 лет, когда они достигали и максимальных весовых показателей, и продуктивной эффективности. В этом возрасте было забито 66,5% всех животных с максимальной долей в интервале 3-4 года (**таблица 12**). Остатки животных старше 6 лет составляют всего 13 %. Подчеркнем, что в ситуации придомного содержания при этой схеме забоя должна была «съедаться» основная часть поголовья, способного приносить потомство, что, несомненно, губительно для устойчивого воспроизводства всего стада. По археозоологическим коллекциям придомная система содержания КРС на конкретном поселении может обсуждаться,

когда вклад особей старше 6 лет в схеме забоя составляет не менее 20%. Наши данные о соотношении возрастных групп малоюлдашевского скота, забитого на мясо полностью соответствуют схемам забоя на других поселениях срубной культуры в регионе Южного Предуралья, что позволяет предполагать аналогичную отгонную систему разведения КРС (Антипина, Моралес, 2005, с. 29-34).

Несколько иную картину дает изучение 13 зубов и 50 челюстей МРС. Размеры выборки позволяют использовать ее для оценки возрастной структуры забитых особей. Большую часть МРС (58,7%) съедали еще до достижения животными их максимального веса. Забой такого большого количества молодых животных привел бы к уничтожению маточного стада при его придомном содержании. Особи продуктивного возраста (от 2-х до 6 лет) представлены в кухонных остатках долей в 36,7%, а старые животные составляли всего лишь 5% (**таблица 13**). По всей видимости, для МРС также практиковалась отгонная система разведения.

Зубы лошади, обнаруженные на поселении, принадлежат одной особи моложе 9 месяцев, пяти особям в возрасте около 5 лет, трем особям – около 5-8 лет, одной особи – около 8 лет и одной старой особи старше 25 лет. По состоянию эпифизов трубчатых костей установлено, что 70% животных были забиты после 5 лет. Такая возрастная структура указывает на то, что на мясо забивались, по-видимому, выбракованные рабочие лошади (Файзуллин И., Рослякова, 2016, с. 253-254).

Таким образом, для мясного потребления содержалась только часть стада, что может свидетельствовать о сезонности поселения.

Основной формой хозяйства в эпоху позднего бронзового века у населения Евразийских степей являлось скотоводство. Вероятно, скотоводство носило подвижный характер и заключалось в достаточно частом перемещении населения. Согласно археологическим данным население степной зоны в эпоху позднего бронзового века не могло заготавливать достаточное количество кормов, позволяющих содержать скот

на территории поселения в зимнее время, поскольку отсутствие земледелия делало это практически невозможным. Косвенным признаком подвижности населения является сооружение легких наземных построек. Этот факт свидетельствует о достаточной мобильности древних скотоводов, которые могли быстро построить или отремонтировать эти здания, в условиях кочевого быта. Предполагается, что в рассматриваемый период люди чаще всего использовали кочевой способ ведения хозяйства, интенсивности которого во многом способствовала климатическая ситуация сложившаяся в Волго-Уралье в позднем бронзовом веке.

Стабильная экономика на базе животноводства, которое практически полностью покрывало их потребности в пропитании, позволило населению вывести на более высокий уровень металлургическое производство и другие отрасли хозяйства.

3.2. Металлургическое производство и металлообработка.

Древняя металлургия является одной из самых высокотехнологичных производств древнего общества. Она включает в себя добычу руды, ее переработку, выплавку и производство готовых изделий.

Первыми данными по металлургическому производству в Оренбургском Предуралье являются материалы ямной культуры раннего бронзового века. Сырьевой базой для населения служило Каргалинское месторождение медной руды. Мастера того времени выработали ряд уникальных приемов в получении и обработке меди. В ямной культуре Приуралья отмечен широкий ассортимент металлических изделий, включающий предметы вооружения, не имеющих аналогов в других центрах металлургического производства раннего бронзового века. Производство изделий из меди в ямной культуре Волго-Уралья играло важную роль в хозяйстве (Моргунова, 2021, с. 1248). Особый интерес вызывают материалы с Турганикского поселения. Памятник датируется ранним этапом (репинским) ямной культуры и является единственным бытовым памятником этого времени в регионе. В культурном слое поселения обнаружена

представительная коллекция предметов связанных с металлообработкой (шлаки, орудия из камня, нож и шилья). По мнению авторов, руда добывалась на Каргалинском месторождении и доставлялась в виде обогащенного концентрата. Поселение было сезонным, металлургическая деятельность проходила в летнее время, а основным видом хозяйства было подвижное скотоводство (Моргунова, Файзуллин А., 2021, с. 5-19).

Металлургическое производство в эпоху поздней бронзы на территории Южного Приуралья носило уже повсеместный характер. Рассматриваемый регион входил в Евразийскую металлургическую провинцию (по Е.Н. Черных). Каргалинский горно металлургический центр является одной из ключевых точек провинции. Необходимо подчеркнуть, что именно памятники с территории Западного Оренбуржья были расположены в непосредственной близости от рудников, наличие в них следов металлообработки закономерно.

Поселение у хутора Горный является единственным памятником в регионе, где отмечены все процессы древней металлургии от добычи руды до изготовления готовых изделий. Археологические материалы с поселения ярко свидетельствует о достаточно развитом металлургическом производстве населения.

Памятник расположен непосредственно на территории Каргалинского рудного поля, которое представляет собой гигантскую площадь медного оруднения, суммарно покрывающую площадь до 500 кв.км.

Глубина шахт горизонтальных выработок в бронзовом веке, по мнению исследователей, достигала 40-42 м, а общая длина подземных проходов составляла сотни километров (Черных, 2002, с. 8).

На поселении исследовано два комплекса. Первый представлял из себя печь из поставленных на ребро плит, размером 140-160см. К ней примыкала яма, куда сгребали дробленые кости, дробленный шлак и золу. Здесь, по всей видимости, разбивали шлак и извлекали небольшие слитки металла, а затем переплавляли в печи (Черных, Лебедева, 2002, с 71-76).

В непосредственной близости располагался плавильный двор со значительным количеством шлака и руды. На его площади, которая равнялась примерно 100 кв.м, была изучена глиняная платформа размером 1,8-2х0,3-0,35 м. Поблизости найдено много шлака, меди и костей, рядом располагался рудный двор площадью 13-15 кв. м, на нем осуществлялась подготовка руды к плавке и ее хранение.

Второй комплекс содержал очаг №6 очень сложной конструкции, который функционировал достаточно долго. Вблизи от него были обнаружены более мелкие очаги, один из них имел выкладку из плиток на дне. Остальные представляли из себя обычные прокалы. Во всех случаях конструкции не обнаружены. Из-за присутствия шлака и ошлаковки определено, что некоторые очаги использовались для плавки руды. Помимо представленных комплексов было обнаружено две печи для переплавки металла. Первая представляла собой прокаленное плоское округлое углубление на 70-80 см с древесным углем и фрагментами ошлакованных тиглей. Вторая представляет собой скопление пережженных кусков песчаника с подмазками обожженной глины, она напоминает карытообразное углубление. По всей видимости, в ней разогревали литейные формы (Черных, Лебедева, 2002, с. 98-101).

Интересны по своей конструкции длинные канавки фаллической формы, их сооружение предшествует раннему полу плавильного двора. Авторы раскопок атрибутируют данную канаву как мужское начало, которое направлено на женское-печь. Приводя этнографические параллели они отмечают, что печь едва ли не везде и всегда ассоциировалась у металлургов с женским началом. Именно из печи "зарождался" металл, либо выходило готовое изделие (Черных, Лебедева, 2002, с. 85-86).

Однако С.А. Григорьев видит в этих конструкциях не магические сооружения, а вполне утилитарные. Он отмечает, что данные объекты идентичны синташтинским печам с дымоходом. По его мнению, они могли являться теплотехническими сооружениями (Григорьев, 2013, с. 321).

Металлические изделия. Большинство металлических изделий на поселении в виду их тщательного отбора представляют следы металлургического производства: фрагменты крупных слитков, сплески, капли, обрезки и т.д. Данная категория инвентаря составляет на поселении 81 % от всего металла, найденного на поселении.

Металлические орудия и оружие представлены 153 предметами, что составляет 5 %, украшений всего 15 экземпляров. Около 14 % находок - 434 образца представляют собой лом неопределенных изделий.

Долгое время исследователи не располагали достоверными данными об источниках рудной базы на территории Волго-Уралья для срубной культуры, широкой известностью обладали такие центры как Михайло-Овсянка (Матвеева, 1979), открытый Г.И. Матвеевой, а также ряд выработок руды с территории современной Украины (Татаринов, 1988, с. 98-99). Однако с открытием Каргалинского горно-металлургического центра картина кардинально изменилась.

Сложнейший комплекс, население которого занималось всеми циклами металлургии от добычи руды до изготовления готовых изделий, ярко свидетельствует об узкой специализации на поселении Горный. Данные полученные по остеологическому материалу, показывают, что население не занималось скотоводством, получая животных путем обмена. В то же время, жители Горного в значительном количестве экспортировали руду.

Руда прибывшая из Каргалов обрабатывалась на других поселениях для собственных нужд. Представленные выше факты на поселениях с Западного Оренбуржья достоверно свидетельствуют об этом. Практически на всех поселениях были обнаружены медные шлаки.

Металлургическое производство в эпоху поздней бронзы было трудоемким и связано именно с поселениями. Технологический процесс данного производства многоэтапен. Первым этапом является добыча руды и ее первичная обработка. Вся добытая руда измельчалась на каменных плитах с помощью пестов и терочников. Следующим этапом была плавка руды,

свидетельством этому служат печи и шлаки. Завершающим этапом было непосредственно производство готовых изделий.

Вероятно в степи руду плавилась значительно реже, лишь для покрытия собственных нужд. Большая часть руды, как отмечалось выше, переправлялась на другие территории. При этом необходимо отметить, что в настоящее время в вопросе об импорте медной руды в больших количествах появилась новая точка зрения.

С.А. Григорьев, исходя из анализа медных шлаков позднего бронзового века с территории Евразийской степи, достаточно скептически высказался о возможности столь далекого перемещения сырья в рассматриваемое время.

Прежде всего, автор отмечает, что столь тщательная работа на Каргалах, которая включала в себя промывку грунта и подсчет даже мельчайших находок: металла и шлаков. Это привело к тому, что статистические показатели других памятников стали несопоставимы с Горным. При этом он отмечает, что к примеру общий вес всех шлаков собранных на поселении составил лишь 20 кг (4539 образцов), в то время как существуют примеры, когда при схожих площадях общий вес шлаков превышал каргалинские показатели (Григорьев, 2013, с. 361). Помимо этого автор утверждает, что исследователи Горного не приводят прямых доказательств в пользу огромных объемов добычи руды, ссылаясь лишь на косвенные признаки (Григорьев, 2013, с. 360).

Помимо всего прочего еще одним аргументом против массового транзита руды автор называет низкую технологичность каргалинских плавок, отмечается низкий процент извлечения меди из руды, что серьезно влияло на трудозатраты, что для массового производства было не совсем рентабельным. Населению Поволжья и Приуралья удаленных от каргалинского рудного поля удобнее было пользоваться другими источниками сырья. Так к примеру шлаки с Башкирского Приуралья и Поволжья имеют иной минералогический и химический состав и выплавлены из других руд. Кроме того минералогическая разница

наблюдается между каргалами и шлаками других поселений Западного Оренбуржья, что, по мнению автора, говорит об использовании ими других источников сырья, вероятно, расположенных более близко от поселений (Григорьев, 2013, с. 361).

Несмотря на столь полярные взгляды на значение Каргалов и возможности их эксплуатации, они остаются наиболее полно исследованным комплексом древних рудных выработок на территории степной Евразии. Столь широкое обсуждение этого комплекса ярко свидетельствует о важности металлургии в вопросе о хозяйстве древнего населения.

Небольшие по размерам поселения со слабым спектром металлургического производства долгое время оставались в тени Горного. Однако изучение поселений эпохи поздней бронзы с территории Западного Оренбуржья, которые находятся в непосредственной близости от Каргалов, позволяют дополнить картину металлургического производства в регионе.

Следует отметить, что на всех остальных исследованных поселениях была отмечена лишь металлообработка. Металлообработка или металлообрабатывающее производство включает в себя проведение работ с уже готовым сырьем для выплавки, плавки готовых слитков, отливку разного рода заготовок будущих изделий, а также последующую их обработку с помощью целого набора кузнечных операций.

Так следы металлообработки были обнаружены на 10 поселениях с территории Западного Оренбуржья (здесь учитывались поселения, которые подверглись стационарным раскопкам и представительным выборкам при разведке).

Основными признаками присутствия на поселениях металлообрабатывающего производства являются: наличие специализированных построек для металлообработки; специализированные орудия труда для переработки руды, а также изделия для конечного производства изделий; отходы, которые образуются в ходе металлопроизводства (шлаки, сплески, капли меди); металлические изделия.

Родниковое поселение.

На поселении обнаружены куски медного шлака и медной руды, которые встречались как в слое поселения, так и в постройках.

Металлические изделия на поселении представлены достаточно широко. Интерес представляют два ножа. Двухлезвийный нож-кинжал (**рис. 66, 1**) имел длину 32 см и максимальную ширину 3 см. По всей видимости, в древности у кинжала была рукоять, которая в ходе использования была отломлена, ввиду этого для дальнейшего использования была затуплена часть лезвия длиной 7 см. Предположительно кинжал использовался для хозяйственных нужд. Аналогия изделию была обнаружена на поселении Осиновые ямы на территории Самарского Поволжья (Агапов, Васильев, 1976, 113-135).

Второй нож – однолезвийный, с горбатой спинкой (**рис. 66, 2**) имел длину 16,5 см, ширина в районе рукояти 2 см, в районе горбинки 2,7 см. Подобное изделие было найдено на поселениях Кулевчи III (Виноградов, 1981, с. 94-99) и Петровка (Зданович Г, 1983, с. 58).

Также были обнаружены: 3 стержня (длиною 15 см, 14 см и 13,5 см) (**рис. 66, 10-12**), 4 шила, два из которых были заострены с двух сторон (длина изделий - 5,5 см) и два, заостренных с одной стороны (**рис. 66, 3-6**), и 2 скобки (**рис. 66, 9**). Стержни и скобы с поселения имеют широкие аналогии в срубной культуре на всех этапах ее развития.

Помимо готовых изделий и шлаков на поселении было найдено 2 керамических сопла - глиняные трубки (**рис. 66, 7-8**), через которые закачивался воздух в медеплавильную печь или горн (Купцова, Файзуллин, 2012а, с. 98, рис. 24. 5-6).

Покровское поселение.

В результате раскопок выявлены многочисленные свидетельства металлургической деятельности поселения от выплавки медной руды до литья изделий.

В постройке №1 ямы №№ 2 и 6 были заполнены медным шлаком. Они имели отвесные стенки, глубиной 40-60 см.

Сооружений, связанных с самим металлургическим процессом, не выявлено.

Однако на поселении обнаружены 4 обломка каменных литейных форм (**рис. 67**). Две из них являются формами для отливки ножей с листовидным лезвием. Две других, видимо, представляли части одной литейной формы для отливки предмета, напоминающее тесло крупных размеров с широким лезвием и узкой, округлой в сечении пяткой.

Металлический инвентарь представлен 9 мелкими невыразительными орудиями труда (**рис. 68**). Сюда входят 2 ножа с прямым черенком и листовидным лезвием; 2 иглы с ушком; 3 четырехгранных шила; 1 круглое в сечении шило с втулкой; 1 долото; кусок тонкой проволоки круглой в сечении. Все изделия достаточно стандартны для срубной культуры и имеют широкие аналогии на ее бытовых памятниках.

Токское поселение.

На территории поселения обнаружена постройка, по всем признакам специализирующаяся на металлообработке.

Следы металлургической деятельности концентрировались в основном вокруг колодца. В большом количестве здесь были обнаружены куски медного шлака, несколько кусков медной руды, кости животных в окиси меди, оплавленные камни песчаника. Рядом с колодцем обнаружены четыре фрагмента керамики с ошлакованной внутренней поверхностью.

Рядом с каменной кладкой колодца были находились две ванны. Одна из них представляла собой монолит с выдолбленным корытообразным углублением. Размеры ванны 0,6x1 м, глубина до 17 см, толщина стенок 8-10 см (**рис. 69**). Рядом была найдена более мелкая ванна (**рис. 70**), также из каменного монолита. Размеры ванны 0,х0,56 м, толщина стенок до 8 см (Ankushev и др., 2022, с. 41-44).

Аналогичные находки были обнаружены на поселении металлургов эпохи бронзы на Донбассе (Татаринов, 1988, с. 98-99). Как правило они интерпретируются исследователями как ванны для промывки и обогащения медной руды, однако принцип этих конструкций близок пристроенным к колодцам печам синташтинской культуры (Григорьев, 2013, с. 319).

Бронзовые орудия представлены двумя предметами: четырехгранное шило, заостренное с двух сторон, и игла с обломанным ушком, полая, круглая в сечении.

Ивановское поселение.

На поселении прослежены следы активной металлургической деятельности. На площади поселения обнаружено четыре шлаковые ямы диаметром 0,9 м и глубиной 0,95 м, в них находилась посуда срубной культуры. В одной из ям выявлена медная руда и сосуды срубной культуры с ошлакованными стенками. Использование посуды для металлообработки была отмечена на целом ряде бытовых памятников срубной культуры, связанных с металлургией. Чаще всего посуда с ошлакованными стенками интерпретируется как плавильные чаши (Пряхин, Саврасов, 1993, с. 52-71; Луньков, 2004, с. 70).

Происходящая с Ивановского поселения коллекция бронзовых вещей состоит из семи предметов: два слабоизогнутых серповидных орудия, рыболовный крючок с бородком и петлей для привязывания лесы, тесло с расширенным лезвием и заостренной пяткой, два шила и втульчатый крюк (рис. 71).

Интерес вызывают серповидные орудия. Описание и интерпретация серпов представлена в обобщающей монографии посвященной металлическим серпам поздней бронзы Восточной Европы (Дергачев, Бочкарев, 2002, с. 36-37).

Серп 1. Слабоизогнутый, со слегка расширенной рукояточной частью. Оба конца закруглены. Сечение клинка клиновидное. Откован, заточен. Длина 22,3 см, ширина 2,3 см.

Серп 2. Среднеизогнутый, с расширением в средней части. Оба конца закруглены. Сечение клиновидное. Откован, заточен. Длина 22,8 см, ширина 3,2 см.

Отметим, что авторы отнесли оба серпа к Уральской группе серпов Петровского типа. Хронологически данная группа серпов, по мнению авторов, синхронна таким культурам как синташтинская, петровская и покровская, что маркирует эти вещи по современной периодизации как самое начало позднего бронзового века.

Достаточно редкой находкой является втульчатый крюк. Аналогии данному изделию имеются в материалах памятников поздней бронзы Среднего Поволжья (Моечное озеро) (Алихов, 1958, сю 161-162) и Среднего Дона (Мосоловское) (Пряхин, Сагайдак, 1975, с. 179).

II Кузьминковское поселение.

На площади поселения собрано большое количество следов металлообработки: медные шлаки, капельки меди, всплески и бронзовые изделия (рис. 72).

Бронзовые изделия на поселении достаточно разнообразны. Было обнаружено 5 четырехгранных стержней, 4 из которых заострены с обоих концов; скоба; две пластины (обломки одностороннего ножа); рыболовный крючок без борodka, с петлей для привязывания лесы; височная подвеска. Помимо выше перечисленных свидетельств металлообработки были обнаружены каменные изделия, которые возможно использовались для обработки руды: 2 песта, терочник и шлифованный камень.

Малоюлдашевское поселение.

В ходе работ на поселении не было выявлено сооружений связанных с металлообработкой, по всей видимости это связано с сильным разрушением поселка в более позднее время дорогой и оврагом. При этом на площади поселения собрано большое количество следов металлургической деятельности: медные шлаки, капельки меди и бронзовые изделия.

На памятнике было найдено небольшое количество металлических изделий. Они представлены четырехгранным шилом, ножом листовидной формы с отломанным концом, бронзовой пластинкой, согнутой вдвое, иглой изогнутой в средней части на 90 градусов и несколькими предметами небольших размеров, которые являлись отходами металлообработки (рис. 73).

Среди представленных изделий интерес вызывают нож и шило.

Бронзовый нож листовидной формы с обломанным острием, намечающейся подромбической пяткой черешка, слабо отделенным черешком, без перекрестия. Изделие имеет длину 8,8 см, ширину в наиболее широкой части – 2,8 см. Близкие по форме изделия представлены в памятниках начального этапа позднего бронзового века – синташтинской и потаповской культур (Зданович Д., 2002, с. 73. Рис. 44,2; Васильев и др., 1994, с. 150. рис. 46,6) .

Шило – бронзовое изделие из прутка квадратного сечения (3,5 x 3,5 мм) длиной 8,2 см. Окончания шила заострены, оно относится к типу обоюдоострых шильев без упора. Подобные изделия имеют широкие аналогии в материалах культур позднего бронзового века Волго-Уралья и Южного Зауралья (Рындина, Дегтярева, 1989, с. 15; Обыденов и др., 2001, рис. 12, 1; 23, 5) .

Ввиду того, что памятник был многослойным и содержал материалы неолита, средней и поздней бронзы каменный инвентарь достаточно трудно соотнести с конкретным периодом существования поселения, однако мы предполагаем, что терочник и три отбойника вполне могли служить для металлообработки. Подобные изделия достаточно широко представлены на бытовых памятниках эпохи поздней бронзы степного Волго-Уралья.

В связи с рассматриваемой проблематикой необходимо обратить внимание на ряд памятников, исследованных совсем небольшими площадями. На них были обнаружены куски медного шлака, а также изредка встречались всплески, капли и металлические изделия.

Сорочинское поселение.

На участке 1 изучено сооружение №1 (возможно, очаг), которое представляло собой скопление известняковых и песчаниковых камней неправильной формы. В западной части оно образовывало практически правильный круг диаметром 80 см. В его заполнении встречались кости животных и керамика срубной культуры, однако в примыкающих к сооружению квадратах были обнаружены крупные куски медного шлака. Сооружение №2 П-образной формы, было также выложено из каменных плит и покоилось на прокаленном песке ярко красного цвета, возле которого также обнаружен шлак в большом количестве (Габелко, 1977, с. 91-94).

Нижнепавловское поселение.

На поселении не были выявлены хозяйственные сооружения, памятник подвергался сильному антропогенному воздействию. На площади обнаружены куски медного шлака (Моргунова и др., 2017, с.140-144).

Краснохолмское поселение.

На площади поселения обнаружен двухлопастной наконечник стрелы (Габелко, 1977).

Чкаловское поселение

Памятник не был исследован стационарно, однако собранный подъемный материал ярко свидетельствует о металлургическом производстве на поселении.

Материал представлен следующим инвентарем: большое количество шлаков; каменный молот с перехватом, аналогии которому обнаружены на Горном; костяные скобели. Особое внимание следует обратить на костяные орудия из трубчатых костей животных со сбитым под острым углом с одной или двух сторон эпифизами, пропитанные медными окислами. Округлые пустоты в трех костяных орудиях были забиты рудной пылью и мелкими кусочками медной руды, состоящей из малахита и лазурита. Вероятно, эти орудия использовались в качестве скобелей в процессе обогащения руды (Богданов, Мусихин, 2001, с. 67).

Помимо бытовых памятников в данном аспекте исследования следует обратить внимание на клады бронзовых изделий, известных с территории рассматриваемого региона.

Клад Овсянка. Объект был обнаружен в дореволюционное время у деревни Овсянка Любимовской волости Бузулукского уезда (ныне село Овсянка Бузулукского района). При вскрытии кургана у Крыловского хутора крестьянином Тарасовым был обнаружен клад из 4-5 серпов и их обломков (Обыденнов, 1996, с 101).

Ново-Красноярский клад. Памятник обнаружен в поселке Ново-Красноярский Бугурусланского района Оренбургской области. В состав клада входят 3 серпа и каменная литейная форма для их отливки (Там же., с. 108).

Васильевский клад. Памятник обнаружен близ села Васильевка Сакмарского района при постройке плотины на р. Янгиз в 1960 г. В состав клада входят бронзовый вислообушный топор, серп и кусок сплавившейся меди (Там же., с. 108).

Майоровский клад. Обнаружен в поселке Майоровский Сакмарского района. В состав клада входят проушный топор с вислым обухом и серп с крючком.

По составу вещей все эти клады являются типичными комплексами срубно-алакульского времени. Ближайшие аналогии известным с территории Западного Оренбуржьякладам расположены на территории республики Башкортостан: Бахчинский и Ибракаевский клады (Обыденнов, 1989. с. 89), а также Богатыревскому кладу в Саратовской области (Лопатин и др, 2015, с. 179-192).

В археологической литературе имеются обоснования возникновения кладов бронзовых вещей. В.А. Шнирельман рассматривает их как престижно ритуальные, связанные с особой формой отчуждения имущества в ходе борьбы за лидерство, характерное для ранних этапов классовообразования (Горбунов, 1992б, с. 24). Однако наиболее логичной нам видится модель

сохранения вещей в нестабильных ситуациях, когда люди старались сберечь свое ценное имущество от недоброжелателей.

Следы металлообработки на поселениях позднего бронзового века Оренбургского Предуралья распределяются неравномерно. Причиной этому служат недостаточные площади раскопок или иная специализация не связанная с металлообработкой на ряде поселений. В то же время, обращает на себя внимание повсеместное присутствие шлаков и изделий из металла. Данные находки могут говорить о том, что какая то часть изделий, найденных при раскопках, были изготовлены на этих поселениях.

Подводя итог, можно заключить, что уровень металлургического производства в указанном регионе был на высоком уровне. На всех поселениях фиксируются следы металлообработки, которые свидетельствуют о сильной вовлеченности населения в эту отрасль хозяйства. Очевидно что, внутренние потребности в металлических орудиях были обеспечены собственным производством. Можно предположить, что на некоторых поселениях уровень специализации населения в металлургии был выше и они могли производить обмен готовыми орудиями и сырьем в виде слитков с соседями (Горный и Токское поселение). Сложно судить о перемещении исходного сырья в виде медной руды на дальние расстояния. Скорее всего, если она и перемещалась, то в ближайшие районы. Помимо каргалинского рудного поля в настоящее время известно множество более мелких месторождений меди, которыми могло пользоваться население в то время. Высокий уровень металлургического производства позволил населению повысить уровень и других производств. К примеру, появление широкого спектра металлических орудий позволил мастерам косторезного дела в позднем бронзовом веком расширить ассортимент изготавливаемых орудий.

3.3. Косторезное производство и другие отрасли хозяйства.

Одним из важных элементов хозяйства населения в эпоху бронзы было косторезное производство. Основной сырьевой базой данного вида деятельности было домашнее скотоводство, в меньшей степени охота.

Особой категорией сырья были рога диких животных (Бородовский, 1997, с. 112-114; Бородовский, 2007, с. 64; Усачук, 2013а, с. 105; Усачук, 2013б, с. 362).

Для изготовления орудий мастера в то время использовали в качестве сырья практически все удобные кости скелета крупных и мелких домашних животных (Антипина, 2004, с. 229; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 143).

На территории Западного Оренбуржья на всех бытовых памятниках эпохи бронзы имеются свидетельства косторезного дела. В количественном соотношении они различны, причиной этому служат: различная степень археологического исследования, степень сохранности костного материала, специализации поселений.

В этой связи, как и в других аспектах хозяйства, следует отметить обособленное положение поселения Горный, которое достаточно сложно сравнивать со среднестатистическими поселениями региона. Именно поэтому описание данного памятника приводится отдельно.

К настоящему времени среди бытовых памятников, помимо Горного, материалы только четырех поселений (Токское, Родниковое, Покровское и Малоюлдашевское) были подвергнуты трасологическому анализу, которые провел А.Н. Усачук. Кроме того, на этих памятниках была проведена работа по видовому разбору костей животных, из которых изготавливались орудия. Все предметы были разделены по функциональному назначению, а также рассмотрены приемы их изготовления и использования в хозяйственной деятельности.

Наибольшее количество орудий из кости на памятниках изготовлено для **кожевенного производства**. Под кожевенным производством в бронзовом веке специалисты понимают превращение сырых шкур в обработанную кожу, а также последующее изготовление из этой кожи каких-либо изделий (Подобед и др., 2011, с. 87).

Самым распространенным изделием для кожевенного производства являлись тупики (**рис. 74**). Чаще всего они изготавливались из половин

нижней челюсти крупного рогатого скота, реже использовались челюсти лошади.

Всего в рассматриваемом регионе было обнаружено 36 тупиков, трасологический анализ проведен для 28 изделий. Данная категория орудий изготавливалась, в основном, из левых половин нижних челюстей КРС, однако встречаются тупики и из правых половин.

Особый интерес вызывают тупики с Малоюлдашевского поселения. Было обнаружено 7 тупиков, 4 из которых изготовлены из правых половин нижних челюстей КРС (Евгеньев и др., 2016, с. 133). Данный пример не только выбивается из статистики в рассматриваемом регионе, но и является большой редкостью для поселений Евразийской степи, где был проведен трасологический анализ костяных орудий (Килейников, 1989, с.122; Панковский, 1999, с. 196; Усачук, 1996, с. 68-69; 1997, с. 129-130; 2000, с.93; 2011, с. 207-208; Рафикова и др., 2019, с 92; и др.). Разве что на поселении Оло Хаз (Башкирское Зауралье) среди очень небольшого (4 экз.) количества тупиков –два (то есть половина) изготовлены из правых половин нижних челюстей КРС (Усачук, Бахшиев, 2020, с. 58). Еще одной особенностью Малоюлдашевского I поселения стал тот факт, что из 7 тупиков 4 являлись заготовками (**рис. 75**). Орудия были практически завершены, но ни разу не использовались. А.Н. Усачук отмечает, что среди множества исследованных поселений заготовки тупиков встречались редко (Евгеньев и др, 2016, с. 133). Помимо этого, все заготовки были обнаружены на одном участке, в соседних квадратах. Здесь мы, возможно, наблюдаем место производства орудий из кости, которые находились в непосредственной близости от постройки 1.

Больше всего тупиков (16 экз.) было обнаружено на Токском поселении. Полностью отсутствовали тупики на Родниковом поселении, несмотря на большую площадь раскопок. На всех остальных исследованных памятниках площадью более 200 кв. м тупики присутствовали. В данном случае мы отмечаем специализацию мастеров кожевенного дела на разных поселениях.

В основном тупики использовались для мездрения и разминания шкур. Зачастую в ходе анализа можно выделить участки для разминания узких кожаных ремней, а также для протягивания сухожилий.

Изготовление самого орудия не представляло трудностей, в ходе экспериментов был определен 30 минутный хронологический интервал, необходимый для его изготовления (Килейников, 1989, с. 122; Килейников, 2009, с. 103). Отметим, что тупики иногда использовались и в погребальной практике. На территории Оренбургского Предуралья известен такой случай, в курганном могильнике Лабазы, в насыпи кургана 6 обнаружен тупик, изготовленный из правой половины нижней челюсти КРС (Моргунова и др., 2009, с. 27, рис. 15,4). В целом, орудия кожевенного производства широко встречаются в погребальной практике позднего бронзового века Евразии, что говорит о высоком семиотическом статусе данных предметов и сакральности кожевенного производства (Подобед и др., 2011, с. 110).

В обработке шкур также использовались струги (**рис. 76**). Струг – фрагмент тела ребра взрослой особи КРС или лошади. Струг, чаще всего, является двуручным орудием. Узкий край ребра (краниальный) является рабочими, как правило, немного заострен. В качестве рабочего иногда выступает и округлый (каудальный) край ребра. Судя по следам работы на стругах, они использовались для мездрения шкур. На одном из орудий Малоюлдашевского поселения была отмечена залощенность, характерная для волососгонки.

На поселениях позднего бронзового века струги встречаются повсеместно, в силу того, что в отличие от тупиков, они почти не требуют подготовительных действий для начала работы. Однако на территории Оренбургского Предуралья среди всех рассмотренных поселений путем трасологического анализа выявлено всего 23 струга. Как и в случае с тупиками, наблюдаются некоторые особенности в обработке кожи и выборе орудий для этого производства.

К орудиям кожевенного производства можно отнести проколки. Изготовление данных орудий не требовало от мастеров особых навыков. В качестве сырья выступали любые удобные мелкие кости или расколотые трубчатые кости животных. Заострив подобную заготовку, мастер получал готовое орудие, которое мог менять очень часто.

Кожевенные орудия являются одними из самых распространенных изделий из кости на территории рассматриваемого региона. Близкая картина наблюдается и в сопредельных регионах. Культ кожевенных орудий среди культур бронзового века Евразии очень неоднороден. Исследователи отметили, что наибольшее распространение он получил среди носителей срубной культуры (Подобед и др., 2011, с. 111).

Своеобразной категорией орудий из кости являются **орудия на лопатках (рис. 77)**. Они были найдены на Токском (3 экз.) и Малоюлдашевском (2 экз.) поселениях. Для их изготовления использовалась лопаточная кость КРС, иногда лошади. Узкие шейки лопаток служили рукоятками, вследствие чего часто заполированы от рук работающих людей. Подобные орудия часто использовались для перемещения сыпучих материалов (грунт, руда и т.п) (Усачук, Файзуллин, 2016, с. 132; Пряхин, 1996, с. 118) Помимо этого их использовали в кожевенном производстве (Усачук, 1993, с.135-137; Усачук, Файзуллин, 2016, с. 132; Антипина и др, 2015, с. 404). Так, на одном из орудий Малоюлдашевского поселения очень качественно была обработана узкая часть лопатки, что нетипично для данных орудий. Орудия на лопатках, как правило, в узкой части практически не подрабатывались, а в этом случае очень аккуратно сбита ось и хорошо обработана суставная впадина. В силу того, что сохранилась как раз узкая часть изделия, понять назначение этого орудия сложно, но то, что это обломок хорошо сделанного и активно используемого орудия, не вызывает сомнения (Евгеньев и др., 2016, с. 138). Обратим внимание, что лопатки животных и орудия из лопаток активно, как и некоторые иные костяные орудия, использовали в различных обрядах (Подобед и др., 2015).

На рассматриваемых поселениях в ходе трасологического анализа были выявлены орудия из кости, которые применяли для **гончарного производства (рис. 80)**. На Покровском и Родниковском поселениях обнаружены шпатели, изготовленные из разных частей скелета животных. Два шпателя из Покровского поселения были изготовлены из ребер крупного животного (лошадь или КРС). На Родниковом поселении мастер для изготовления двух шпателей использовал различное сырье: диафиз правой лучевой кости мелкого рогатого скота и фрагмент пястной кости взрослой особи мелкого рогатого скота.

Изделия с Родникового поселения имели грубые следы от работы по подсушенной глине. Орудия хорошо залощены от рук мастера, причиной этому служило отсутствие рукояти, которая не была оформлена при изготовлении орудия (Файзуллин, Усачук, 2018, с. 175-176).

В последующем, в ходе экспериментальных работ изделия из ребер с Покровского поселения были отнесены к новой категории костяных орудий. В работе, посвященной анализу изделий из ребер крупных животных с насечками В.Б. Панковский и Е.Е. Антипина провели анализ подобных изделий. За основу были взяты изделия с поселения у хутора Горного. Авторы отметили, что ранее идея интерпретации этих изделий как шпателей была очень распространена. Иногда их рассматривали как лоцила и стамески которые использовались вторично после использования в виде шпателей. В то же время авторы считают, что назначение и способы обращения с изделиями недостаточно доказаны (Панковский, Антипина, 2017, с. 208-209).

Новая категория орудий была названа **стригальная полочка** или **стригальный ламель (рис. 80, 3)**. Данное орудие было связано с деятельностью, которая была крайне важной для любого скотовода, а именно для стрижки овечьей шерсти. Если в настоящее время для данной процедуры используют электрические машинки или металлические ножницы, то в позднем бронзовом веке доподлинно неизвестно какими орудиями проводилась данная операция. В ходе экспериментов выяснилось, что с такой

задачей хорошо справляется кремневая пластина или отщеп в рукояти, однако в срубное время этот материал так широко уже не применялся. Кроме того рукоять не допускает лезвие к коже животного и поэтому не получается брить овцу наголо (Панковский, Антипина, 2017, с. 224). Видимо, стричь овец приходилось как-то иначе. Единственным вариантом остается металлическое режущее орудие, однако, стричь овечью шерсть ножом на весу крайне неудобно, а сами пряди хоть и отделяются, но их длина получается неодинаковой. Таким образом, появилась необходимость в каком то упоре, положив на который шерстяную прядь можно спокойно срезать ножом. Именно для этого, вероятнее всего, и использовались изделия из ребер с насечками. В ходе экспериментов выяснилось, что при стрижке овчины ножом при подкладке рассматриваемого изделия остаются ровно такие следы какие мы видим на стригальных палочках найденных на поселениях. При этом, при помощи набора из ножа и стригальной палочки можно стричь как шерсть после убоя, так и с живых овец (Панковский, Антипина, 2017, с. 225-227).

Еще одной группой изделий, которая связана с манипуляциями с шерстью, являются *детали гребней-кард* (рис. 81). Это— приспособления для чесания шерсти. Частью этих орудий являются костяные «спицы». А.Н. Усачук отмечает, что термин «спица» неудачен, поскольку ассоциируется с вязанием, что для этих орудий неверно (Файзуллин, Усачук, 2018, с. 176; Рафикова и др, 2019, с. 96).

Три спицы были обнаружены на Родниковом поселении, четыре на Токском и еще одна на Покровском. Все изделия изготовлены из фрагментов компакты трубчатой кости взрослой особи КРС или лошади. Рукоятки всех спиц обломаны. В.Б. Панковский отмечает, что торцы рукояток практически не обрабатывали. Находки спиц имеют широкие аналогии на поселениях Евразийской степи (Грязнов, 1953, с. 142-143; Усачук, Литвиненко, 1999; Панковский, 2012, с. 71).

Еще одной распространенной категорией костяных орудий на поселениях являются *пряслица*. Они изготавливались из головок бедренных костей крупных копытных. Среди костяных коллекций, подвергнутых трасологическому анализу, было рассмотрено 4 пряслица: по одному на Родниковском и Малоюлдашевском (рис. 82, б) и два на Токском поселениях.

Существовало 2 варианта изготовления пряслиц: 1. головка бедренной кости отпиливалась в районе шейки; 2. головка подрезалась по периметру и аккуратно отбивалась.

Орудия с рассматриваемых поселений изготавливались по второму варианту, что может говорить о некоторых традициях при изготовлении данных изделий. Способы применения для данных изделий сходна с дисковидными пряслицами из глины.

На поселениях рассматриваемой территории найдено большое количество **пряслиц из глины**: Покровское поселение - 3 экземпляра (2 дисковидных, 1 цилиндрическое); Родниковое - 4 экземпляра (3 дисковидных, 1 цилиндрическое); Малоюлдашевское - 4 экземпляра (3 дисковидных, 1 цилиндрическое) (рис. 83, 2-5).

Керамические пряслица, по мнению многих исследователей, связаны с процессом прядения и традиционно считаются деталями веретена (Полидович Ю, Полидович Е, 1999, с. 217). Наличие разных типов пряслиц свидетельствует о существовании имевших разную величину и вес веретен, при помощи которых можно было получать нити из сырья. Большинство исследователей полагает, что это были шерстяные нити. Ряд авторов предполагает, что срубникам были известны станки вертикального типа (Синицын, Фисенко, 1972, с.23-25; Морозов, 1981, с. 61). Это факт они обосновывают наличием глиняных грузил, необходимых для натяжения нити. Подобные грузила были обнаружены на Ивановском поселении: всего два изделия овальной и биконической форм. Обломок подобного изделия также обнаружен на Сорочинском поселении.

Обоснованность данной гипотезы подтверждается находками остатков шерстяного полотна из могильников срубной культуры Оренбургского Предуралья. Остатки изделий были обнаружены на 5 курганных могильниках: Герасимовский I и III, Каменка, Боголюбовка, II Плешановский (Шишлина и др, 2021, с. 73-74). Основное сырье, из которого сделаны все изделия, — шерсть. Нить формировалась при помощи прядения. В целом отмечен высокий уровень текстильного производства, использовались разные технологические приемы, включающих, предположительно, и крашение. В результате получались изделия с фактурной объемной поверхностью, возможно, с включением окрашенных нитей и других материалов: кожи, меха, древесины, металлических украшений, что позволяло создавать выразительные детали одежды (Shishlina и др, 2021, с. 137-145).

Необходимо отметить еще несколько вариантов применения дисковидных пряслиц. Интерпретаций данной категории находок огромное количество: украшения, диски для волчка, детские игрушки, пуговицы, маховички для разжигания огня.

Наиболее интересной из альтернативных вариантов использования видится последняя. Еще К.В. Сальников высказал предположение, что дисковидные изделия с отверстием по середине могли служить маховиками лучкового сверла для добывания огня (Сальников, 1952, с. 110). В последующем Ю.Б. Сериковым была проведена серия экспериментов по добыче огня при помощи палочки с надетым на нее пряслицем. В результате выяснилось, что при умелых действиях зажигание происходит в течении 1 минуты (Сериков, 2005).

Достаточно интересной категорией инвентаря на поселениях позднего бронзового века являются изделия из таранных костей мелкого и крупного рогатого скота. В археологической литературе их чаще всего называют *астралами*, а иногда альчиками, бабками, лодыжками, кознами и пр (**рис. 82, 1-5**). (Подобед и др., 2014а, с. 31). Среди изделий, которые были

подвергнуты трасологическому анализу, выявлено 4 изделия. Три – на Малоюлдашевском поселении и один – на Токском. Достаточно редкой находкой является астрагал из таранной кости КРС на Малоюлдашевском поселении. Подобные изделия чаще всего изготавливались из таранных костей мрс (Подобед и др., 2014а, с. 31-32). Судя по многочисленным этнографическим и археологическим материалам, данные изделия могли использоваться в качестве биты (Юдин, 2009, с. 157; Флерова, 2001, с. 110).

Астрагалы имеют широкий набор интерпретаций. Авторы часто отмечают, что они использовались как игральные кости (Мерперт, 1954, с. 113; Кривцова-Гракова, 1948; Рафикова и др., 2019, с. 106-108; Васильева и др., 2012, с. 204). Многие авторы характеризуют астрагалы как предметы для гадания (Епимахов, Берсенева, 2015, с. 25; Антипина, Ольховский, 2000, с. 84; Евгеньев и др., 2016, с. 139). Кроме того, астрагалы связывали с магическими ритуалами для приумножения стада (Кузьмина, 2000а, с. 63; Подобед и др., 2014, с. 47-48); астрагалы – это эквивалент животных, предназначенных для умершего (Молодин, 2012, с. 173) и другие.

Небольшое количество астрагалов на поселениях Оренбургского Предуралья компенсируются находками из могильников срубной культуры: Лабазы, Скворцовка, Уранбаш и Боголюбовка.

Особый интерес среди костяных изделий с рассматриваемых поселений представляют **предметы конской упряжи**. На Токском и Малоюлдашевском поселениях обнаружены псалии.

Желобчатый псалий с Токского поселения.

В качестве сырья для токского псалия использована левая плюсневая кость лошади⁶ (рис. 84). Следы изготовления псалия перекрыты сильной залощенностью (Усачук, 2013а, с. 49-50). На изделии отмечены следы активной эксплуатации. Длинные торцы щитка и планка заполированы (Усачук, Файзуллин И., 2016, с. 135-137).

⁶ Определение Е.Е. Антипиной.

На большинстве подобных изделий боковые отверстия располагаются ниже центрального отверстия щитка (Бочкарев, Кузнецов, 2010, с. 301, табл. б), в то время, как на токском псалии боковое отверстие на уровне центрального – признак, характерный для желобчатых псалиев с шипами, которые хронологически более ранние. Вместе с тем, отмечено, что основная масса подобных изделий принадлежит к срубной и алакульской культурам. (Бочкарев, Кузнецов, 2010, с. 306). К.Ф. Смирнов установил, что к концу бронзового века желобчатые псалии были заменены стержневидными (Смирнов, 1961, с. 46-60).

Стержневидный псалий с Малоюлдашевского поселения.

В коллекции костяных изделий Малоюлдашевского поселения выделяется фрагмент стержневидного псалия (**рис. 85**). Сохранилась небольшая часть изделия с двумя отверстиями в одной плоскости: крайним овальным целым и центральным фрагментированным. По наличию очень плавной, но грани можно сказать, что центральное отверстие было тоже овальным, но размерами больше крайнего. В качестве сырья использовался рог Cervidae. Для подобных изделий обычно брали отростки рогов Cervidae: олень, марал, лось, (Бородовский, 1997, с. 87), изредка – косуля или закраину лосиного рога (Бородовский, 1997, с. 87-88; 2007, с. 75). Сработанность псалия не ограничивается завальцованностью отверстий, а распространяется на сломы: поверхность их завальцована и залощенность немного больше на выступающих участках. Одна из граней заполирована. Вероятнее всего псалий после поломки использовался в качестве подвески.

По типологии стержневидных псалиев, несмотря на фрагментарность, малоюлдашевский псалий попадает в наиболее распространенную группу: **Тип II-A-2**. Для типа характерно расположение отверстий в одной плоскости, овальная форма данных отверстий и более или менее близкие их размеры» и датируется финалом бронзового века (Подобед и др., 2014б, с. 89). Находка двух псалиев с площади поселений на территории Оренбургского Предуралья является достаточно интересным явлением.

Отметим, что среди более чем 600 погребений позднего бронзового века не было найдено ни одного псаля, что может говорить о некоторых особенностях в ритуально-религиозных практиках региона.

Редкой находкой для поселений позднего бронзового века является *поясная пряжка* с Токского поселения (рис. 78, 2). Сохранность пряжки очень хорошая.

При изготовлении изделия применялось станковое сверло: вокруг отверстия остались концентрические следы основы-муфты, в которую был вставлен кремневый (скорее всего) резец. Подобные следы вращения вокруг отверстий встречаются на пряжках нескольких культур различных регионов (Усачук, Литвиненко, 1997, с. 48, 49, рис., 7; Усачук, 2002, рис. 1, 1Б; 2015, с. 31). Все грани пряжки скруглены.

Пряжка своим профилем и несколько сдвинутым от центральной продольной оси центральным отверстием похожа на подобные изделия из раковины. Р.А. Литвиненко связывает изготовление пряжек из раковины с алакульскими памятниками (Литвиненко, 2001, с. 93).

Еще одним уникальным изделием со слоя Малоюлдашевского поселения является *костяной гарпун* (рис. 86). Из довольно значительной по размеру заготовки, которая представляет собой расколотую вдоль трубчатую кость крупного копытного (ср. Бородовский, 1997, с. 52-53), вырезан гарпун⁷, сохранившийся почти целым. Утрачен небольшой участок острия и полностью откололся один шип. На заизвесткованной поверхности гарпуна со всех сторон сохранились локальные участки аккуратной подрезки довольно острым металлическим лезвием. Следы кремневого лезвия на доступных для изучения участках изделия не обнаружены. Судя по отсутствию заломов и неровных фасеток, подрезка шла по размягченному сырью (ср. Бородовский, 1989, с. 24). Чуть более интенсивная подрезка сохранилась при изготовлении паза. Здесь неторопливо шло удаление

⁷ Гарпуном является изделие с зубцами, которое не имеет жесткого крепления с древком, а соединяется с ним лишь с помощью линя (Сорокин, 2013, с. 274), малоюлдашевское изделие нужно называть зубчатым острием.

небольших по площади фрагментов компакты – мастер явно стремился оформить паз как можно более аккуратно. Следы многократной аккуратной резки сохранились на участках оформления паза и при оформлении обоих клювовидных шипов. Следы эксплуатации гарпуна немногочисленны и выражаются в нитевидной залощенности по граням и слабой залощенности насада. По сравнению с этими участками, залощенность верхней части орудия немного интенсивнее. Реконструируется плотное (жесткое) крепление гарпуна с рукояткой при помощи тонких ремней обмотки, когда, скорее всего, помогала сама форма сырья – расколота трубочатая кость с выемкой на внутренней стороне. Эта выемка давала возможность более крепко привязать круглое утончающееся древко: гарпун не двигался, а потому нижняя его часть не получила заметного лощения. Это не исключало наличие паза в нижней части гарпуна: крепление держалось лучше.

Хронологическая позиция гарпуна, на наш взгляд, не совсем ясна. С одной стороны – подобные формы зазубренных острий были разработаны еще в мезолите и успешно применялись в разных регионах на протяжении всего неолита и энеолита. С другой стороны – такие орудия дожили и до синташтинского времени, судя по обломку костяного гарпуна в п. 12 памятника СМ – большого грунтового могильника Синташты (Генинг и др., 1992, рис. 79, 15). Кроме того гарпун обрабатывался, скорее всего, металлическим лезвием, позволяет предложить возможную дату находки – не ранее синташтинского времени.

Еще одна интересная находка малоюлдашевской коллекции костяных и роговых изделий – **своеобразное массивное г-образное изделие из рога оленя (рис. 87)**. Сохранность находки очень плохая, много трещин, рог расслоился, в некоторых местах осыпался, отсутствуют некоторые части. Состояние поверхности рога не позволяет увидеть следы изготовления. Они сохранились только в прямоугольном отверстии: стенки его неровные, но тщательно подрезаны. На одной из сторон выделено своеобразное широкое ложе, ограниченное с боков небольшими выступами, хорошо видимыми в

разрезе. Поверхность ложа залощена – больше, чем остальные участки орудия или выступы. Несмотря на немногочисленные следы забитости, изделие назвать топором нельзя. Следы изготовления и использования обращают внимание на ложе, которое может быть основой для крепления в нем плоского металлического орудия типа тесла. Роговое изделие с крупным отверстием можно назвать муфтой. Небольшая завальцованность выступов связана с материалом крепления тесла в муфте – очевидно, тонкими кожаными ремнями. Как и с гарпуном, хронологическая привязка рогового изделия проблематична. Орудия типа молотков или муфт из фрагментов рога оленей широко применялись, начиная с палеолита (Галич, 1947, с. 150-151; Гавриленко, 2003, с. 244) вплоть до средневековья (Ромашко, 1987; Бородовский, 2007, с. 71, 85; Молодин, Ефремова, 2010, с. 108-109). Помощь в датировке изделия оказал способ изготовления и форма отверстия. А.П. Бородовский реконструирует изготовление отверстий не сверлением, а прорезанием в эпоху позднего бронзового века (Бородовский, 2007, с. 78), а В.А. Ромашко роговые и костяные изделия с прямоугольными отверстиями для крепления рукояти датирует рубежом II-I тыс. до н.э. (Ромашко, 1987, с. 52-53).

Интересной категорией изделий на поселениях Оренбургского Предуралья являются **коньки** (рис. 88). Всего среди рассмотренных поселений известно три конька: 2 экз. с Родниковского поселения и 1 экз. со II Кузьминковского.

Особый интерес вызывает пара коньков с Родниковского поселения. Оба конька изготовлены из III плюсневых костей взрослых особей лошади с небольшими отверстиями и обработкой дистального и проксимального концов. Изготовление обоих коньков чрезвычайно близко, отличаясь лишь небольшими деталями. По типологии В.Б. Панковского коньки из Родниковского поселения относятся к I типу, варианту 2В оформления дистального конца (Панковский, Усачук, 1996, рис. 1).

Чаще всего коньки ранее интерпретировали как орудия кожевенного производства (Усачук, 1996, с. 71). Проблемы, связанные с орудиями, называемыми «коньками», освещены в исследовании, посвященном изделиям из кости и рога нижнего слоя энеолитического поселения Михайловка (Панковский, 2013, с. 462-469). А.В. Косинцева в своей работе по костяным конькам отметила широкий спектр их применения: полировка изделий из кости, древесины, керамических сосудов, разрыхления мездры на шкуре, кожевенном производстве. Проведенные эксперименты и этнографические данные показали возможность их применения как коньков для передвижения по снегу и льду (Косинцева, 2016, с. 195-199). Автор отметила, трудности с выбором сырья для изготовления одинаковой пары коньков (Косинцева, 2016, с. 197-198). Пара коньков с Родникового поселения не только идентичны, но и найдены рядом. Таким образом, они являются парой коньков-полозьев – приспособлений для передвижения по льду и снегу. находка же коньков в паре рядом с сосудом позволяет считать этот комплекс культовым (Файзуллин И., Усачук, 2018, с. 177-179). Известны редкие случаи культовых комплексов на поселениях, в которых задействованы коньки, в том числе – в парах (Горбов, Мимоход, 1999, с. 33-34, 37; Подобед и др., 2011, с. 107-108).

Интересной категорией изделий с поселений являются трубочки (**рис. 79**). На Покровском поселении их было обнаружено 10 экз. и 1 – на Родниковом. Пять изделий с Покровского поселения являлись рукоятками. Одна рукоятка сохранилась с вставленным в нее бронзовым шилом. В качестве сырья для рукояток использовались трубчатые кости МРС. Все рукоятки залощены, внутренняя поверхность слегка обрабатывалась – частично убирался губчатый слой. В одном случае внутренняя поверхность рукоятки залощена вглубь от торца на 0,2-0,25 см. Возможно, в этой рукоятке закреплялось не шило, а орудие типа сверла. Остальные трубочки также были обработаны, особенно концы. Способы их применения непонятны, они могли быть заготовками или служили муфтой. Подобные изделия часто

встречаются на поселениях позднего бронзового века (Усачук, 2012, с. 150; Рафикова и др., 2019, с. 103).

Отметим, что в рассматриваемом регионе подобные изделия были обнаружены и в погребальных комплексах. Костяные полированные трубочки обнаружены в погребениях кургана 14/2, I Герасимовского КМ (детское захоронение, изделие располагалась под головой) (рис. 37: 1), 1/5 Ново-Елшанского КМ (подростковое погребение, 5 костяных трубочек находились под нижней челюстью костяка).

Единственным орудием для охоты на рассмотренных поселениях является **черешковый наконечник стрелы** с Токского поселения (рис. 78, 1). Изделие изготовлено из фрагмента трубчатой кости взрослого крупного млекопитающего. Сырье предварительно размягчалось, на это указывает уверенная резка, глубокие следы резки и строгания. Подобная стрела была найдена в погребении 19 кургана 3 Скворцовского курганного могильника (Моргунова и др., 2010, с. 26, рис. 17.5).

Помимо самих изделий, на поселениях обнаружено большое количество отходов косторезного производства. Фрагменты костей со следами пиления, сверления, подработки поверхности и других операций, могут говорить о большой интенсивности косторезного производства.

Помимо находок со слоя поселений, костяные изделия встречены в захоронении с Малоюлдашевского поселения. Наиболее интересной находкой в погребении был костяной диск с отверстием (рис. 89). В качестве сырья для диска использовался фрагмент толстой компакты кости КРС. Обе стороны диска орнаментированы, на одной стороне орнамент более сложный, видимо, это лицевая сторона диска (аверс), а вторая менее орнаментированная (реверс) (Евгеньев и др., 2016, рис. 77, 1, 2).

Следы сработанности диска выражены в сильной залощенности поверхности изделия. Сильный износ поверхности происходил постепенно, образно говоря компакта «стаивала». При этом диск не подвешивался (в данном случае мы бы видели другую сработанность отверстия), а крепился к

эластичной основе. Указанная сработанность указывает на то, что диск мог использоваться в качестве нашивного украшения (Евгеньев и др., 2016, с. 148).

Подобные изделия известны в синташтинских и потаповских комплексах (Мимоход, 2013, рис. 65, 2-7). Встречаются такие диски и в погребениях доно-волжской абашевской культуры (Синюк, Козмирчук, 1995, рис. 10, 4).

В погребении также обнаружено 4 острия (**рис. 90, 1-4**). Отметим следы изготовления. Как правило, проколки практически не готовили, подбирая морфологически удобные фрагменты расколотых костей. В этом отношении острия из погребения изготовлены очень аккуратно. Кроме того, 2 орудия имеют одинаковую форму и размер, что может говорить о том, что они составляли такое то приспособление, в котором использовались все 4 острия. Против данного вывода свидетельствует картина следов износа – она близка, но различается в интенсивности. Вероятнее всего, орудия использовали в качестве проколок (Евгеньев и др., 2016, с. 150).

Кроме диска и проколок найдена подвеска из клыка животного с просверленным в верхней части отверстием, весь клык залощен (**рис. 90, 5**). Подобные находки являются распространенным видом украшений в среднем и позднем бронзовом веке.

Особого внимания, как уже говорилось ранее, заслуживают материалы селища Горный. Там было выявлено феноменальное количество костяных изделий, при этом авторы отмечают, что их доля среди всего остеологического материала составляет чуть более 1% (Антипина, 2004, с. 223).

Исследователи выделили на памятнике 15 категорий изделий из кости. Кроме самих изделий, были выделены заготовки, а также отходы.

Самая представительная группа это лоцила и шпатели (24%) которые изготавливались, как правило, из ребер КРС.

Достаточно много на памятнике тупиков. На поселении были обнаружены как целые изделия, так и их фрагменты, которые использовались вторично уже в качестве лоцил. Подавляющее большинство изделий изготавливалось из левых половин нижних челюстей КРС.

На поселении в большом количестве обнаружены проколки. Для их изготовления брали любые удлиненные фрагменты кости с заостренным концом. Столь «неразборчивая» выборка изделий характерна и для рукояток: их делали из всех видов трубчатых костей МРС. Эти факты свидетельствуют о частом использовании кости в хозяйственной жизни, в силу достаточно хорошей сырьевой базы на памятнике.

Для изготовления же наконечников стрел, пуговиц и гадальных костей требовался определенный профессионализм, ввиду некоторой тонкости работы.

Особое внимание на данном поселении следует обратить на горнопроходческие инструменты из кости, которыми являлись клинья и зубила. На территории только плавильного двора было обнаружено порядка 4000 фрагментов, главным образом, плюсневых и пястных костей, длиной от 11 до 15 см. В ходе экспериментов подтвердилась не только реальность применения костяных стержней в качестве зубил-клиньев, но и стало возможным объяснить обнаруженное на Горном соотношение между обилием так называемых заготовок (фактически готовых целых зубил, которыми еще не работали) и всего пятью обломками орудий со следами сработанности. Несомненно, что после неизбежной поломки, все остатки зубил со следами износа выбрасывались на месте работы в шахтах, штольнях и забоях. На поселении же только изготавливали эти орудия (Антипина, 2004, с. 230-232).

Таким образом, несомненно, что трубчатые кости крупного рогатого скота и лошадей, отличающиеся прочностью, служили сырьем для орудий горнопроходческих работ. Громадные масштабы добычи руды и подземных проходок требовали непрерывного изготовления бесчисленного ряда этих

орудий. Потребность в них также являлась еще одним весьма значимым фактором, обусловившим исключительную раздробленность костей животных на поселении Горный (Антипина, 2004, с. 233).

Несомненно, что костяной инвентарь с Горного имеет достаточно специфические особенности, это выражено в большом количестве горнопроходческих изделий.

Таким образом, косторезное производство в рассматриваемый период играло значительную роль в хозяйстве населения. Кость, как мы видим, использовалась повсеместно: кожевенном деле, гончарстве, текстильном производстве, металлургии и охоте. Исследователями было отмечено, что именно в эпоху бронзы с появлением металлических орудий изделия из кости стали столь разнообразны.

Памятники с территории Западного Оренбуржья свидетельствуют о достаточно широком спектре использования изделий из кости. Несомненно, что на Горном преобладают изделия, так или иначе связанные с металлургией и добычей руды. Однако на остальных памятниках основная масса изделий связана с кожевенным производством и обработкой животноводческого сырья, и подобная картина характерна для большинства степных поселений Евразийской степи в рассматриваемую эпоху.

Широкий ассортимент изделий из кости для кожевенного производства говорит о достаточно высоком разнообразии операций для работы со шкурами. Интересным является факт некой специализации на поселениях. К примеру, на Родниковом поселении полностью отсутствуют тупики, однако это компенсируется наличием коньков и вполне возможно, костяные изделия на данном поселении имели некую альтернативу. В то же время, на всех остальных поселениях, раскопанных значительными площадями, тупики присутствуют, и на каждом из них отмечены нюансы их изготовления. Мастера на каждом поселении имели свои приемы при работе с костью. Вполне вероятно, что среди косторезов существовали определенные табу в вопросе передачи знаний, которые доказаны для гончаров.

Помимо чисто утилитарных изделий, которые достаточно широко применялись в быту древних кочевников, из кости изготавливали и достаточно редкие и ценные изделия. К ним несомненно относятся псалии, найденные на двух поселениях, а также пряжка с Токского поселения.

В целом, косторезное производство в Оренбургском Предуралье в позднем бронзовом веке было достаточно развитым и обеспечивало множество других производств (кожевенное, керамическое, текстильное и др.) которые требовались для ведения сбалансированного хозяйства того времени.

Вывод

Подводя итог, можно констатировать сложную структуру хозяйственной деятельности населения позднего бронзового века на территории Оренбургского Предуралья. Наличие специализированных производств и специализация жизнедеятельности является одним из признаков ранних комплексных обществ.

Хозяйство населения позднего бронзового века имело скотоводческую направленность. Наличие следов земледелия на поселениях Западного Оренбуржья не отмечено. Скотоводство носило подвижный характер и заключалось в достаточно частом перемещении населения. Согласно археологическим данным население степной зоны в эпоху позднего бронзового века не могло заготавливать достаточное количество кормов, позволяющих содержать скот на территории поселения в зимнее время, поскольку отсутствие земледелия делало это невозможным. Одним из признаков подвижности населения является сооружение легких наземных построек. Предполагается, что в рассматриваемый период люди чаще всего использовали кочевой способ ведения хозяйства, интенсивности которого способствовала климатическая ситуация, сложившаяся в Волго-Уралье в позднем бронзовом веке.

Важным фактором жизнедеятельности населения в позднем бронзовом веке является ее приуроченность к центру добычи медной руды на

Каргалинском месторождении. Работы на поселении Горный показали высокий уровень древней металлургии в регионе. На всех поселениях, расположенных вблизи от Каргалинского центра, обнаружены следы металлургического производства. Медные шлаки, изделия из кости и глины, литейные формы и сами металлические изделия, обнаруженные в культурных слоях, говорят о том, что металлургия имела широкое распространение. Жизнедеятельность населения во многом зависела от готовых металлических изделий, которые применялись во многих сферах. Орудия труда (ножи, шилья, иглы и рыболовные крюки) и вооружение (ножи кинжалы и стрелы) были широко распространены.

Помимо животноводства и металлургии большое развитие получили такие отрасли хозяйства, как косторезное дело, гончарство, кожевенное дело, текстильное производство и другие.

Керамическое производство в позднем бронзовом веке носило массовый характер и имело определенные технологические традиции. В связи с ростом производства металлических изделий усовершенствовалась технология производства и ассортимент костяных орудий труда и бытовых предметов. Изделия из кости применялись повсеместно: в кожевенном деле, гончарстве, текстильном производстве, металлургии и охоте.

Таким образом, жизнедеятельность населения позднего бронзового века характеризуется многочисленными отраслями хозяйства и богатой духовной культурой. Устойчивая экономика, базирующаяся на животноводстве, позволила населению позднего бронзового века на протяжении длительного времени эффективно осваивать территорию Оренбургского Предуралья.

Заключение

Памятники позднего бронзового века в Оренбургском Предуралье представлены поселениями и некрополями. В настоящей работе была реконструирована жизнедеятельность населения в данный период истории региона на основании изучения поселений, проведен анализ строительных традиций и инвентаря, а также данных, полученных методами радиоуглеродного датирования, технико-технологического анализа керамики, палеозоологии и палеоантропологии.

Постройки позднего бронзового века были выявлены на 7 поселениях, проанализировано 11 строений. Большинство исследованных построек было оставлено населением срубной археологической культуры. По своим основным характеристикам все постройки являлись хорошо приспособленными для проживания в степной зоне строениями. По размерным показателям постройки с рассматриваемой территории имеют полный набор вариантов, от небольших до крупных. Такая картина наблюдается и в сопредельных регионах. В Оренбургском Предуралье строительные традиции отличаются тем, что большинство построек носило наземный характер.

В отличие от соседних регионов на поселениях Оренбургского Предуралья стены иногда возводились из камня. Две такие постройки были исследованы на Малоюлдашевском поселении. Единственной аналогией этим строениям являются постройки с поселения Михайло-Овсянка в Самарском Поволжье. На других поселениях можно предполагать, что для возведения стен использовались дерновые блоки, плетень или дерево.

В регионе выделены хозяйственные и жилищно-хозяйственные сооружения. Многочисленные шлаки, всплески меди, литейные формы и узкоспециализированные сооружения в виде сложных очагов говорят о том, что население активно занималось металлообработкой. Основным назначением всех построек было занятие металлообработкой и другими ремеслами (косторезное, гончарство и т.д.).

На площади поселений выявлены захоронения. Погребения были обнаружены на памятниках раскопанных большими площадями. Практика захоронения людей на площади поселений в регионе являлась распространенным видом обрядовых действий. Вероятнее всего, представленные комплексы являлись жертвоприношениями и связаны с верой в культ предков.

Инвентарь с изученных поселений включает в себя керамическую посуду, орудия труда, украшения и иные многофункциональные предметы.

Керамическая посуда составляет основную массу изученных артефактов. Она представлена тремя различными категориями: горшковидными сосудами, банками и биконическими сосудами. В зависимости от формы сосудов для каждой выделенной категории определялись типы. В типологическом и технологическом плане керамическая посуда находит аналогии в срубных памятниках соседних регионов (Самарское Поволжье, Башкирское Зауралье и Приуралье).

На основании анализа керамики выделяется четыре хронологических этапа позднего бронзового века на поселениях Оренбургского Предуралья. *к первому хронологическому этапу* относятся синташтинско-абашевские материалы, которые представлены на 7 поселениях региона. В процентном соотношении они составляют от 4 до 10 % от общего количества керамики. *Второй хронологический этап* представлен материалами раннесрубной и раннеалакульской культурной группы. В процентном соотношении они варьируются от 2 до 25 % от общего количества сосудов на поселениях. Керамика данных групп представлена на всех поселениях. *Третий хронологический этап* характеризует наиболее массовый материал на поселениях. Он представлен посудой типичной срубной культуры, а также смешанной срубно-андроновской керамикой представленной в разных вариантах: срубно-алакульском, срубно-федоровском, срубно-кожумбердынском. В редких случаях наблюдаются примеры несмешанных андроновских традиций. *Четвертый хронологический этап* представлен

материалами финала бронзового века. Сосуды с валиками и воротничками имеют прямые аналогии в Ивановской культуре Повожья и Саргаринской культуре Зауралья и Северного Казахстана. Данные культуры датируются финалом бронзового века.

На протяжении всей истории позднего бронзового века неоспоримым является факт скотоводческой направленности хозяйства населения. Вероятно, скотоводство носило подвижный характер и заключалось в достаточно частом перемещении коллективов. Археологические данные показывают, что в эпоху позднего бронзового века население не могло заготавливать достаточное количество кормов, позволяющих содержать скот на территории поселения в зимнее время. Кроме того в регионе доминируют легкие наземные постройки. Этот факт свидетельствует о мобильности древних скотоводов, которые могли быстро построить или отремонтировать эти сооружения, в условиях кочевого быта. В рассматриваемый период люди чаще всего использовали кочевой способ ведения хозяйства, интенсивности которого во многом способствовала климатическая ситуация, сложившаяся в Волго-Уралье в позднем бронзовом веке.

Важным фактором экономики региона в позднем бронзовом веке является его близость к центру добычи медной руды на Каргалах. Поселение у хутора Горный является единственным памятником в регионе, где отмечены все процессы древней металлургии от добычи руды до изготовления готовых изделий. Широкомасштабные исследования на памятнике позволили всесторонне рассмотреть все аспекты древней металлургии. Археологические материалы с поселения ярко свидетельствуют о высоком уровне металлургического производства.

На всех поселениях, расположенных вблизи от Каргалинского центра, обнаружены следы металлургического производства. Медные шлаки, изделия из кости и глины, литейные формы и сами металлические изделия, извлеченные из культурных слоев, говорят о том, что металлургия была широко распространена среди населения позднего бронзового века.

Жизнедеятельность населения во многом зависела от готовых металлических изделий, которые применялись во многих сферах жизнедеятельности. Орудия труда (ножи, шилья, иглы и рыболовные крюки) и вооружение (ножи кинжалы и стрелы) были широко распространены.

Помимо животноводства и металлургии широкое распространение получили такие отрасли хозяйства, как косторезное дело, гончарство, кожевенное дело, текстильное производство и другие.

Керамическое производство в позднем бронзовом веке носило массовый характер и имело определенные технологические традиции. Взаимодействие срубной культуры с андроновским миром разнообразило гончарные традиции срубного населения.

Косторезное производство в эпоху позднего бронзового века получает широкое распространение в связи с увеличением количества металлических изделий. Являясь более качественными орудиями, чем кремневые ножи в предшествующую эпоху, они позволили расширить ассортимент изделий из кости, что отмечено на исследуемых памятниках. Изделия из кости применялись повсеместно: в кожевенном деле, гончарстве, текстильном производстве, металлургии и охоте. Широкий ассортимент изделий из кости для кожевенного производства говорит о достаточно высоком разнообразии операций для работы со шкурами. Интересным является факт специализации на поселениях. Мастера на каждом поселении имели свои приемы при работе с костью. Вполне вероятно, что среди косторезов существовали определенные табу в вопросе передачи знаний, которые доказаны для гончаров.

Жизнедеятельность населения позднего бронзового века характеризуется многочисленными отраслями хозяйства и богатой духовной культурой. Устойчивая экономика, базирующаяся на животноводстве, позволила населению позднего бронзового века на протяжении длительного времени осваивать территорию Оренбургского Предуралья.

Список использованных источников и литературы

Архивные материалы.

1. Габелко Н. Л. Отчет о раскопках и разведках в Илекском и Красногвардейском районах Оренбургской обл. в 1977 г. (I Краснохолмская КГ, Краснопартизанская КГ, I Кардаиловская КГ, Краснохолмская КГ, Краснохолмское селище, Ивановское поселение, Ивановская дюна) // Архив археологической лаборатории ФГБОУ ВО ОГПУ. Оренбург, 1977.
2. Евгеньев А.А. Отчет о раскопках поселения Малоюлдашево I в Красногвардейском районе Оренбургской области в 2012 году. // Архив археологической лаборатории ФГБОУ ВО ОГПУ. № II–157А. Оренбург, 2014.
3. Порохова О.И. Отчет о раскопках II Сухореченского поселения в Бузулукском районе Оренбургской области в 1981 г // Архив ИА РАН. Р-1. № 8647. Оренбург, 1981.
4. Порохова О.И. Отчет о раскопках в Переволоцком и Оренбургском районах Оренбургской области в 1983 г по Открытому листу № 608 // Архив ИА РАН. Р-1. № 9266. Оренбург, 1983.
5. Порохова О.И. Отчет о раскопках в Октябрьском и Новосергиевском районах и разведки в Первомайском районе Оренбургской области по Открытому листу № 364 Т.1 (КМ Новотроицкое I, Покровское поселение) // Архив археологической лаборатории ФГБОУ ВО ОГПУ № II–33. Оренбург, 1984.
6. Порохова О.И. Отчет о раскопках в Ташлинском и Тоцком районах Оренбургской области в 1986 г. по Открытому листу 715 // Архив ИА РАН. Р-1. № 11414. Оренбург, 1986.
7. Порохова О.И. Отчет об археологических раскопках у села Юлты Красногвардейского района и кургана в с. Привольное Илекского района в 1990 г // Архив ИА РАН. Р-1. № 16350. Оренбург, 1990.
8. Моргунова Н. Л. Отчет о раскопках в Илекском, Оренбургском и Красногвардейском районах Оренбургской области по Открытому листу №

304 (I Кардаиловская КГ, Нежинская КГ, Токское селище, Старо-Токская стоянка и Ивановская стоянка) // Архив ИА РАН. Р-1. № 6246. Оренбург, 1979.

9. Моргунова Н. Л. Отчет о раскопках Ивановского поселения в Красногвардейском районе Оренбургской области по Открытому листу № 129 в 1981 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7754. Оренбург, 1981.

10. Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Отчет о раскопках, произведенных у с. Нижняя Павловка Оренбургского района Оренбургской области по Открытому листу № 200, выданному Институтом археологии АН СССР // Архив археологической лаборатории ФГБОУ ВО ОГПУ № II – 58. Оренбург, 1988.

Литература.

1. Агапов С.А., Васильев И.Б. Новые поселения срубной культуры в Куйбышевском Заволжье // Очерки истории и культуры Поволжья. Вып. 2. Труды Средневожской археологической экспедиции. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1976. – С. 113-135.

2. Алаева И.П. Колодцы бронзового века Урало-Казахстанского региона // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство, время, культура. – Барнаул: Издательство Атайского университета, 2002. – С. 7- 9.

3. Алаева И.П. Поселение бронзового века Елизаветпольское-7 // Проблемы археологического изучения Южного Урала. – Челябинск: издательство ЧГПУ, 2009. – С. 7-21.

4. Алаева И.П. Специфика керамического комплекса позднего бронзового века степной части Южного Зауралья // КСИА РАН – М., 2014. – Вып.233. – С. 33-45.

5. Алаева И.П. Территориальные группы памятников позднего бронзового века в степной части Южного Зауралья // Вестник Челябинского государственного университета. 2015а. № 14. (369). – Челябинск. 2015а. – С. 9-15.

6. Алаева И.П. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья: автореф. дис. канд. истор. наук: 07.00.06. – Москва, 2015б. – 32 с.
7. Алёкшин В.А. Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам средней Азии и Ближнего Востока). – Л.: Наука, 1986. – 191 с.
8. Алихова А.Е. Комаровское поселение у Моечного озера // МИА. 1958. – № 61. – С. 157-180.
9. Антипина Е.Е. Методы реконструкции особенностей скотоводства на юге Восточной Европы в эпоху бронзы // РА (отдельный оттиск). – М., 1997. – №3 – С. 20-32.
10. Антипина Е.Е., Ольховский В.С. Археозоологические материалы из главной культовой конструкции святилища Байте III // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М. : Геос, 2000. – С. 79–88.
11. Антипина Е.Е. Глава 7. Археозоологические материалы // Каргалы, том III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горнометаллургического производства: Археобиологические исследования. – М: Языки славянской культуры, 2004. – С. 182-239.
12. Антипина Е.Е., Моралес А." Ковбой" Восточноевропейской степи в позднем бронзовом веке // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып.4. – М.: ИА РАН, 2005. – С.29-44.
13. Антипина Е.Е., Яворская Л.В., Ситдииков А.Г. Необычные изделия из бараньих лопаток из ремесленного квартала Болгарского городища (раскопки 2013–2015 гг.) // КСИА РАН –2015 – Вып. 241. – С. 402-408.
14. Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. – М.: Наука, 1990. – 288 с.
15. Бахшиев, И. И. Хозяйственно-жилищный комплекс поселения Оло Хаз в Башкирском Зауралье // Вестник ЧелГУ. История. – 2008. – № 26. – С. 14–25.

16. Бахшиев И.И. Культурное взаимодействие населения Башкирского Зауралья в эпоху бронзы (по материалам поселенческих памятников): автореферат дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Казань, 2010. – 27 с.

17. Бахшиев И.И. Абашевско-синташтинское межкультурное взаимодействие в лесостепной зоне восточных предгорий хребта Урал-Тау (краткий очерк) // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Материалы Всероссийской научной конференции «VI Емельяновские чтения. – Курган: Курганский университет, 2012. – С. 44–46

18. Бахшиев И.И. Поселение эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии) – Самара: ПГСГА, 2014 – С. 11-24.

19. Березанская С.С. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. – Киев.: Наукова думка, 1990. – 152 с.

20. Берсенева Н.А. Социализация детей как одно из направлений социокультурной адаптации в древних обществах (по материалам синташтинской культуры) // Уральский исторический вестник. – 2010. – № 2. – С. 38–45.

21. Берсенева Н.А., Куприянова Е.В., Берсенев А.Г. Следы детства: поиск детей в археологическом источнике и изучение керамических артефактов (эпоха бронзы Южного Зауралья) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13. № 3. – С. 88-100.

22. Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения древнего гончарства. – Самара: СамГПУ, 1999. – С. 5-106.

23. Богданов С.В., Мусихин Г.Д. Костяные скобели Чкаловского поселения-оригинальный тип орудий горняков-металлургов срубной

культуры // XV уральское археологическое совещание. – Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2001. – С. 67-68.

24. Бородовский А.П. Признаки размягчения исходного сырья при изготовлении костяных и роговых предметов в эпоху металлов // Технический и социальный прогресс в эпоху первобытнообщинного строя (информационные материалы). – Свердловск: Изд-во Института истории и археологии УрО РАН 1989. – С.23-25.

25. Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск, 1997. – С. 112-114.

26. Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири (эпоха палеометалла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2007. – 176 с.

27. Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф. Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. – Екатеринбург, Самара, Донецк, 2010. – С. 297-311.

28. Бровендер С.М., Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже. – Алчевск : ДонГТУ, 2012. – 234 с.

29. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука. – 1991. – 296 с.

30. Васильев И. Б. Поселение Лбище на Самарской Луке и некоторые проблемы бронзового века Среднего Поволжья // Вопросы археологии Урала и Поволжья. К 30-летию Средневожской археологической экспедиции. – Самара : Самарский университет, 1999. – С. 66–114.

31. Васильев И. Б. Срубная культура лесостепного Поволжья и Приуралья / И. Б. Васильев // 40 лет Средневожской археологической экспедиции. – Самара : «Офорт», 2010. – С. 64–86.

32. Васильев И. Б., Кузнецов П. Ф., Семенова А. П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара: Самарский университет, 1994. – 207 с.

33. Васильева И.Н., Кулакова Л.С., Салугина Н.П. Новые памятники срубной культуры на востоке Самарской области // *Бронзовый век. Эпоха героев* (по материалам погребальных памятников Самарской области). – Самара: Самарское археологическое общество, 2012. – С. 198–247.
34. Васильева И.Н., Салугина Н.П., Кулакова Л.С. Кротовское I поселение срубной культуры в самарском Заволжье // *Вопросы археологии Поволжья*. – Самара: ООО «Книжное издательство», 2017. – Выпуск 6. – С. 391-473.
35. Виноградов Н.Б. Кулевчи III – памятник петровского типа в Южном Зауралье // *КСИА РАН – М.*, 1981. – Вып. 169. – С. 94-99.
36. Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье : Монография. – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2003. – 362 с
37. Виноградов Н.Б. Материальный мир обитателей укрепленного поселения бронзового века Устье I // *Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье.* / Коллективная монография. – Челябинск: Абрис, 2013. – С.185-215.
38. Виноградов Н.Б., Берсенева Н.А. Интрамуральные захоронения детей на поселениях первой трети II тыс. до н.э. (в Южном Зауралье) // *Археология, этнография и антропология Евразии.* – 2013. – № 3 – С. 59–67.
39. Воробьева Е.Е. Домостроительство Марийского Поволжья (эпоха бронзы). – Йошкар-Ола: МарГУ, 2007. –108 с.
40. Выборнов А.А. Радиоуглеродное датирование керамики неолита Волго-Камья: критерии надежности // *Археология озерных поселений IV-II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы.* – СПб.: Изд-во : "Периферия", 2014. – С. 45-49.
41. Габелко Н.Л. Поселение срубной культуры на р. Самаре в Оренбургской области // *Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья.* – Куйбышев: государственный педагогический институт имени В.В. Куйбышева, 1977. – С. 91-94.

42. Гавриленко І.М. Кам'яні та кістяні вироби Гінцівського пізньопалеолітичного поселення (за матеріалами Полтавського краєзнавчого музею) // Археологический альманах.– Донецк, 2003. –№ 13. – С. 232-249.
43. Гак Е.И. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. – М.: ГИМ, 2011. – 224 с.
44. Гак Е.И., Антипина Е.Е., Лебедева Е.Ю., Кайзер Э. Хозяйственная модель поселения среднедонской катакомбной культуры Рыкань-3 // Российская Археология. 2019. – №2 – С. 19 – 34.
45. Галич Д.З. Палеолітична стоянка Чулатів II (Робочий рів) (короткий звіт про розкопки 1936 р.) // Палеоліт і неоліт України. – Киев.: АН УРСР, 1947. – С. 149-154.
46. Генинг В. Ф., Зданович Г. Б., Генинг В. В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских. – Челябинск: Южно-Уральское издательство, 1992. – Ч.1. – 408 с.
47. Гетманский С.А. К вопросу о реконструкции срубных жилищ // Археологические памятники эпохи бронзы Восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1986. – С. 104-112.
48. Горащук И.В., Колев Ю.И. Каменные и костяные орудия с рудника бронзового века Михайло-Овсянка в Самарской области // Вопросы археологии Урала и Поволжья.– Самара : Изд-во СГПУ, 2004. – Вып. 2. – С. 89-104.
49. Горбов В. Н. Привалова О. Я. Поселения срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тезисы докладов обл. научно-практического семинара. – Донецк: Издательство Донецк, 1989. – С. 35-38.
50. Горбов В.Н. Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века // Археологический альманах.– Донецк. 1997. – №6. – С. 145-162.
51. Горбов В.Н., Мимоход Р.А. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-

Восточного Приазовья: сборник научных статей. – Донецк: Украинский культурологический центр, 1999. – С. 24-69.

52. Горбов В. Н. Особенности домостроительства и планиграфии поселений позднего бронзового века в условиях степной зоны // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк : «Східний видавничий дім», 2000. – С. 55-59.

53. Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. – Куйбышев: КГПИ, 1989. – 134 с.

54. Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. – Уфа : Башкирское книжное издательство, 1991. – 160 с.

55. Горбунов В.С. Бронзовый век Волго – Уральской лесостепи. – Уфа: БГПИ, 1992а. – 223 с.

56. Горбунов В.С. Проблемы реконструкции основ хозяйства населения Волго-Уралья в эпоху бронзы. – Уфа: БГПИ, 1992б. – 40 с.

57. Григорьев С.А. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы // Древняя история Южного Зауралья. – Челябинск: «Рифей», 2000, – С.444-531.

58. Григорьев С. А. Основные этапы и проблемы культурогенеза //Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). Серия «Этногенез уральских народов». – Челябинск : ООО ЦИКР «Рифей», 2006. – С. 188–222.

59. Григорьев С.А. Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы. – Челябинск: Цицеро, 2013. – 660 с.

60. Грязнов М.П. Землянки бронзового века близ хутора Ляпичева // КСИИМК. 1953. – Вып L. – С. 137-148.

61. Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. – Кишинев: Высшая антропологическая школа. 2002. – 348 с.

62. Евгенъев А.А. Археология Оренбуржья в 20-30 гг XX века // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. – 2007 – Том 9. № 2 (20). – С. 523-530.

63. Евгенъев А.А. Деятельности по изучению археологического наследия Оренбуржья Веры Владимировны Гольмстен и ее учеников // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. – 2017– Том 29. № 3 (2). – С. 413-418.

64. Евгенъев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А. Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в Западном Оренбуржье. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2016. – 196 с.

65. Епимахов А. В. О хронологическом соотношении синташтинских и абашевских памятников // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тез. докладов XII Уральского археологического совещания. – Екатеринбург: УрГУ, 1993. – С. 57-58.

66. Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. – Челябинск: изд-во ЮУрГУ, 2002. – 170 с.

67. Епимахов А.В. Глава 13. Результаты радиоуглеродного датирования материалов поселения Устья // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в южном Зауралье. – Челябинск: Абрис, 2013. – С. 388-393.

68. Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Ното ludens бронзового века Южного Урала (игры и игрушки) // Вестник Кемеровского государственного университета. – Кемерово: КГУ, 2015. – Т6. – №2 (62). – С. 24-28.

69. Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей (к вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Уфа: Башкирский госуниверситет, 1983. – С. 48-68.

70. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-казахстанских степей. – Свердловск: издательство Уральского университета, 1988. – 184 с.

71. Зданович Д. Г. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 2002. – 214 с.

72. Зданович С. Я. Происхождение саргаринской культуры (к постановке проблемы) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Уфа: Башкирский госуниверситет, 1983. – С. 69-80.

73. Зданович, С. Я. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Челябинский университет, 1984. – С. 79–96.

74. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. – Самара: издательство СНЦ РАН, 2000. – 336 с.

75. Кадырбаев М.К. Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: ЧелГУ, 1983. – С. 134-143.

76. Качалова, Н.К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья // Советская археология. 1978. – № 3. – С. 69–79.

77. Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Межвузовский сборник научных трудов. – Куйбышев: Куйбышевский государственный педагогический институт, 1985. – С. 28–59.

78. Килейников В.В. Орудия труда Лукьяновского поселения эпохи поздней бронзы // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. – Воронеж: издательство ВГПИ, 1989. – С. 119-126.

79. Килейников В.В. Обработка шкур и выделка кожи у населения эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: ВГУ, 2009. – С. 96-113.

80. Кожин П.М. Значение керамики в изучении древних этнокультурных процессов // Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 54–70.

81. Колев Ю.И. Опыт сравнительно-статистического анализа керамических комплексов позднего бронзового века // Проблемы изучения археологической керамики. – Куйбышев: Куйбышевский госуниверситет, 1988. – С. 103-119.

82. Колев, Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье / Ю.И. Колев // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. – Самара: Издательство Самарского научного центра Российской Академии наук, 2000. – С. 242–301.

83. Колев Ю.И. Комплексы позднего бронзового века поселения Григорьевка I в Самарской области // Вопросы археологии Поволжья. – Самара: СамГПУ, 2002. – Вып.2. – С 151-166.

84. Колев Ю.И., Ластовский А.А., Мамонов А.Е. Многослойное поселение эпохи неолита-позднего бронзового века у села Нижняя Орлянка на реке Сок (предварительная публикация) // Древние культуры лесостепного Поволжья (К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур). – Самара: СамГПУ, 1995. – С. 50-110.

85. Корневский С. Н. Раскопки поселений майкопской культуры (методический и культурно-археологический аспекты) // Тезисы доклада международной конференции Отдела теории и методики 25, 26 ноября 2008 г. «Поселения как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии)». – М: Издательство Института археологии, 2008. – С.17-20.

86. Корневский С.Н. Феномен детских погребений с оружием в эпоху медно-бронзового века // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2017. – Вып. 13. – С. 41–49.

87. Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В., Шарапова С.В., Пантелеева С.Е., Берсенева Н.А., Форнасье Й., Кайзер Э., Молчанов И.В., Чечушков И.В. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. –2011– 4(48) – 61-74.

88. Корякова Л.Н., Пантелеева С.Е. Колодцы укрепленного поселения Каменный Амбар // Уральский исторический вестник – 2019. №1(62). – С. 17-28.

89. Косарев М.Ф. Жилище и его место в системе традиционных миропредставлений // Тезисы доклада международной конференции Отдела теории и методики 25, 26 ноября 2008 г. «Поселения как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии)». – М: Издательство Института археологии, 2008. – С. 6–8.

90. Косинцев П.А., Варов А.И. Ранние этапы животноводства в Волго-Уральском регионе // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии. – Самара : «Поволжье», 1996. – С.29-31.

91. Косинцев П.А. Животноводство у населения Самарского Поволжья в эпоху поздней бронзы // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. – Самара : СамГПУ. 2003. – С. 43-51.

92. Косинцева А.П. Костяные коньки раннего средневековья (опыт реконструкции) // Седьмые Берсовские чтения: сборник статей Всероссийской археологической научно-практической конференции с международным участием. – Екатеринбург: Издательство Квадрат, 2016. – С. 194-200.

93. Краева Л. А. К вопросу о примеси талька в сарматской керамике Южного Приуралья // Древнее гончарство. Итоги и перспективы изучения. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 58-65.

94. Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. Труды ГИМ. – М., 1948. – Вып. XVII. – С. 56-169.

95. Кривцова – Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1955. – №46. – 166 с.

96. Крюкова Е.А., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Матюшко И.В. Комплексы позднего бронзового века Плешановского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во ОГПУ. 2012. – Вып. 10. – С. 112-134.
97. Кузьмина Е. Е. Новый тип андроновского жилища в Оренбургской области // Вопросы археологии Урала. – 1962. – Вып.2. – С. 5–12.
98. Кузьмина Е.Е. Древнейшая фигурка верблюдов из Оренбургской области и проблема домостроения бактрианов. Советская Археология. 1963 – №2 – С. 38-44.
99. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М: Восточная литература, 1994. – 464 с.
100. Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. – Актобе: Принт А, 2008а. – 358 с.
101. Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. – М.: Летний сад, 2008б. – 556 с.
102. Кузьмина О.В. Кости животных в погребальном обряде абашевской культуры // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000а. – С. 54–66
103. Кузьмина О. В. Абашевская культура в Самарском Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Бронзовый век.– Самара : СНЦ РАН., 2000б . – С. 85–121.
104. Кузьмина О.В. Эрмитажная коллекция абашевской коллекции поселения Баланбаш // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во ОГПУ. 2011. – Вып. 9. – С. 92-117.
105. Кузьминых С.В. Глава 2. Металл и металлические изделия // Каргалы, том III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология

горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. – М: Языки славянской культуры, 2004. – С. 76-100.

106. Куприянова Е.В. К вопросу о причинах детских коллективных захоронений в некрополях бронзового века Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Рифей, 2004. – С. 82–84.

107. Куприянова Е.В. Альтернативные погребальные практики: погребения людей на поселениях бронзового века // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии: сб. науч тр. к 80-летию Геннадия Борисовича Здановича. – Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2018. – С. 184-197.

108. Купцова Л.В. Погребальные памятники срубной культуры Западного Оренбуржья с применением камня: специфика, культурные связи, периодизация и радиоуглеродная хронология // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: ООО «ИПК Университет», 2014а. – Вып.11. – С. 177–195.

109. Купцова, Л. В. К вопросу о каменных конструкциях в погребальном обряде раннесрубной культуры Западного Оренбуржья на примере Боголюбовского курганного могильника // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона. – Самара : ПГСГА, 2014б. – С. 65-74.

110. Купцова Л.В. Радиоуглеродное датирование памятников срубной культуры Оренбургского Предуралья // Труды IV (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре.– Самара: СГСПУ, 2020. – Т 1. – С. 296-298.

111. Купцова Л.В., Моргунова Н.Л., Салугина Н.П., Хохлова О.С. Периодизация срубной культуры Западного Оренбуржья по археологическим и естественно-научным данным // Археология, этнография и антропология Евразии. Том 46 № 1 2018. – С.100-107.

112. Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И. Особенности срубно-андроновского взаимодействия на территории степного Приуралья (по

материалам погребальных памятников) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал (Online). 2017. № 2 (22). – С. 128-149.

113. Купцова Л. В., Файзуллин И.А. Родниковое поселение позднего бронзового века в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. – Оренбург: Издательство ОГПУ. 2012а. – С. 70–100.

114. Купцова Л.В., Файзуллин И.А. Родниковое поселение - поликультурный памятник эпохи бронзы с территории Оренбуржья // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ: Видавнично-поліграфічний центр ТОВ "Елтон-2", 2012б. – С. 246-252.

115. Купцова Л.В., Файзуллин И.А., Крюкова Е.А. Памятник эпохи поздней – финальной бронзы с территории Западного Оренбуржья (курганый могильник у с. Каменка) // Поволжская Археология. – 2018. №3(25). – С. 299-313.

116. Купцова Л.В., Зарецкая Н.Е., Моргунова Н.Л., Хохлов А.А. Древнейшие погребения в Оренбуржье (о двух захоронениях курганного могильника у села Лабазы) // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. – 2019 – №1. – С. 131-139.

117. Кызласов И.Л. Пратюрские жилища. – Москва-Самара: ИА РАН, 2005. – 96 с.

118. Ларенок В. А. Пландография и архитектура Мокро-Чалтырского поселения // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк: «Східний видавничий дім». 2000. – С. 26-28.

119. Лебедева Е.Ю. Глава 8. Археоботанические исследования // Каргалы, том III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. – М: Языки славянской культуры, 2004. – С. 240-247.

120. Литвиненко Р.А. О так называемых «поясных пряжках» в памятниках бронзового века Волго-Уралья // XV Уральское археологическое

совещание. Тез. докл. междунар. научн. конф. – Оренбург: ООО «Оренбургская губерния». 2001. – С. 90-93.

121. Лопатин, В. А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. – Саратов: Издательство СГУ, 2002. – 136 с.

122. Лопатин, В.А. Покровский комплекс поселения Нижняя Красавка-II (по материалам исследований 2007-2009 годов) // Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов: 2010. – Вып. 8. – С. 126–156.

123. Лопатин В.А., Леонтьева А.С., Четвериков С.И. Богатыревский клад // Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов: ИЦ «Наука», 2015. – Вып. 11. – С. 179-192.

124. Луньков Ю.В. Глава 1. Керамический комплекс // Каргалы, том III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. – М: Языки славянской культуры, 2004. – С. 22-75.

125. Лыганов А.В. Северная периферия срубной культурно-исторической общности (по материалам памятников Татарстана и Чувашии) // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2019. – Вып. 14. – С. 103-123.

126. Лыганов А.В. Культурно-хронологические комплексы Курманаковской IV стоянки в нижнем течении реки Черемша // Археология Евразийских степей. – 2021– №2 – С. 29-46.

127. Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической общности // Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов: Научная книга, 2007. – Вып. 5. – С. 34–92.

128. Малютина Т.С., Петрова Л.Ю. Поселение Атамановка V – многослойный памятник эпохи поздней бронзы Южного Зауралья // Уфимский археологический вестник. 2009. – Вып. 9. – С. 49-71.

129. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата : Наука, 1966. – 436 с.
130. Матвеева Г.И. Раскопки Михайло-Овсянского селища // Археологические Открытия – 1978. – М., 1979. – С. 188.
131. Матвеева, Г. И., Колев Ю. И., Королев А. И. Горно-металлургический комплекс бронзового века у с. Михайло-Овсянка на юге Самарской области (первые результаты и проблемы исследования) // Вопросы археологии Урала и Поволжья.. – Самара : Издательство СГПУ, 2004. – Вып. 2 – С. 75-77.
132. Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1954. – № 42. – С. 39–156.
133. Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории среднего Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. 1958. – №61.– С. 45-157.
134. Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология Восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: ВГУ, 1979. – С. 7-24.
135. Мерперт, Н.Я., Качалова, Н.К., Васильев, И.Б. О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Межвузовский сборник научных трудов. – Куйбышев: Куйбышевский государственный педагогический институт, 1985. – С. 10–28.
136. Мимоход Р.А. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века / Материалы охранных археологических исследований. – М.: ИА РАН, 2013. – Т. 16. – 568 с.
137. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребаль-ных памятников одиновской культуры. – Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

138. Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В. Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. – Серия: История и филология. – 2014. – Т.13. Вып. 3: Археология и этнография. – С. 136-167.

139. Молодин В.И., Ефремова Н.С., Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: Издательство ИАиЭ СО РАН, 2010. – 264 с.

140. Моргунова Н.Л. Энеолит Волжско-Уральского междуречья. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2011. – 220 с.

141. Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе Волжско-Уральского варианта ямной культурно-исторической области. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2014. – 348 с.

142. Моргунова Н.Л. Истоки и факторы возникновения кочевого скотоводства в степях Волжско-Уральского междуречья в раннем бронзовом веке // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: издательский центр ОГАУ, 2017. – Вып. 13. – С. 50-69.

143. Моргунова Н. Л. Металлопроизводство и его роль в культуругенезе Волго-Уралья на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2021. – Т. 66. – Вып. 4. – С. 1248–1269.

144. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярев А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. – 160 с.

145. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Китов Е.П., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Лабазовский курганный могильник срубной культуры. – Оренбург: ОГПУ, 2009. – 98 с.

146. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Купцова Л.В., Рослякова Н.В., Салугина Н.П., Турецкий М.А., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2014. – 172 с.

147. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Турецкий М.А., Халяпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. – Оренбург: ОГПУ, 2003. – 392 с.

148. Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А. Роль Южно-Уральской археологической экспедиции под руководством К.Ф.Смирнова в разработке проблем бронзового века степной зоны Евразии // История археологии: личности и школы. Материалы Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения В.В. Хвойки. – Киев, СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 236-243.

149. Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Купцова Л.В. Погребальный комплекс синташтинского времени на поселении Малоюлдашево I в Западном Оренбуржье // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015–Том 43. – № 2. –С. 64-71.

150. Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. – Екатеринбург: Наука, 1994. – 152 с.

151. Моргунова Н.Л., Купцова Л.В., Купцов Е.А., Краева Л.А., Файзуллин И.А., Крюкова А.А., Мухаметдинов В.И. Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железного века у села Нижняя Павловка // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2017. – Вып.13. – С. 140-173.

152. Моргунова Н.Л., Порохова О.И. Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности. – Воронеж: ВГУ, 1989. – С. 160-172.

153. Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А. Социальная структура ямной культуры Волжско-Уральского междуречья // Stratum plus. – Санкт-Петербург, Кишинев, Одесса, Бухарест: Stratum plus. – 2018. – №2 – С. 35-60.

154. Моргунова Н. Л., Файзуллин А. А., Новые данные о начале функционирования Приуральского (Каргалинского) горно-металлургического центра // Нижневолжский археологический вестник. 2021. – Т. 20. – № 1. – С. 5–19.

155. Моргунова Н.Л., Халяпин М.В., Халяпина О.А. II Кузьминковское поселение эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Издательство ОГПУ, – 2001. – Вып. 5. – С. 99-126.
156. Морозов Ю.А. Проявление специализации производства в хозяйстве срубного населения Южного Урала // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. – Уфа: БФАН СССР, 1981. – С. 61-66.
157. Морозов Ю.А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. – Уфа: БФАН СССР, 1983. – С. 19-40.
158. Морозов Ю.А. Памятники энеолита и бронзы в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях Белой. – Уфа: БФАН СССР, 1986. – С. 5-15.
159. Морозов Ю.А. Аитовское поселение эпохи бронзы в Башкирском Приуралье. – Уфа: УНЦ РАН, 2017. – 231 с.
160. Мочалов О.Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. – Самара: СГПУ, 2008. – 252 с.
161. Мухаметдинов В. И. Техничко-технологический анализ керамики Родникового поселения эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург. Издательство ОГПУ. 2012а. – Вып. 10. – С. 101-112.
162. Мухаметдинов В.И. Технология изготовления сосудов из захоронения на Родниковом поселении // Урал и Сибирь в контексте развития российской государственности: Материалы Всероссийской научной конференции "VI Емельяновские чтения" (Курган, 26-28 апреля 2012 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2012б. – С. 51-52.
163. Мухаметдинов В.И. Техничко-технологический анализ керамики Плешановского II курганного могильника // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2012в. – Вып. 10. – С. 134–139.

164. Мухаметдинов В. И. К вопросу о морфологии керамики срубно-алакульского круга памятников. // От древности к новому времени (проблемы истории и археологии). – Уфа: БашГУ, 2013. – Вып. 20. – С. 195-200.

165. Мухаметдинов В.И. Техничко-технологический анализ керамики Покровского поселения эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: ООО ИПК Университет, 2014. – Вып. 11. – С. 196-200.

166. Обыденнов М.Ф. Сведения о находках металлических изделий бронзового века на Южном Урале // Актуальные проблемы древней истории и археологии Южного Урала. – Уфа : Восточный университет, 1996. – С. 105-123.

167. Обыденнов, М. Ф., Горбунов В. С., Муравкина Л. И., Обыденнова Г. Т., Гарустович Г. Н. Тюбьяк: поселение бронзового века на Южном Урале. – Уфа: БГПУ, 2001. – 159 с.

168. Обыденнов, М. Ф., Обыденнова, Г. Т. Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. – Самара: Саратовский университет, Самарский филиал, 1992. – 176 с.

169. Обыденнов, М. Ф., Шорин, А. Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). – Екатеринбург: Уральский университет, 1995. – 196 с.

170. Обыденнов М.Ф. Бахчинский клад срубной культуры в Южном Приуралье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. – С. 85-92.

171. Обыденнов М.Ф., Муравкина Г.Т., Обыденнова Г.Т., Гарустович Г.Н. Тюбьяк: поселение бронзового века на Южном Урале. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2001. – 159 с.

172. Панковский В.Б. Функционально-типологический анализ костяного инвентаря поселения Ильичевка // Проблемы скифо-сарматской археологии

Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). – Запорожье: Запорожский госуниверситет, 1999. – С. 196-201.

173. Панковський В.Б. Лолінсько-бабинська дзига // Донецький археологічний збірник.– Донецьк: Донецьк, 2012. – № 16. – С. 77-99.

174. Панковский В.Б. Индустрия скелетных материалов нижнего слоя Михайловки // Котова Н.С. Деревская культура и памятники Нижнемихайловского типа. – Киев, Харьков: Майдан, 2013. – С. 449-483

175. Панковский В.Б., Антипина Е.Е. Новая категория в костяных индустриях эпохи поздней бронзы // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – М.: ИА РАН, 2017. – Выпуск 4. – С. 206-242.

176. Панковский В.Б. Усачук А.Н. Костяные «коньки» поселения Безыменное-II // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит - бронзовый век). Материалы международной конференции. Часть вторая. – Донецк: Издательство ДонГУ, 1996. – С. 33-37.

177. Панковський В., Філатов Д. Кістяна індустрія поселення Розанівка // Аркасівські читання. Матеріали I Міжнародної науково-практичної конференції. – Миколаїв: МДУ імені В.О.Сухомлинського, 2011. – С. 77-82.

178. Петренко А.Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археологическим материалам). – Казань: Институт истории АН РТ, 2007. – 144 с.

179. Петров Ф.Н., Батанина Н.С., Малая Н.В., Плаксина А.Л., Маркова Л.М., Носкевич В.В., Ын Ч.Я. Поселение Левобережное (Синташта II) по материалам комплексных исследований 2015-2017 гг. // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Издательство ОГПУ 2017. – Вып.13. – С. 113-140.

180. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Исчезнувшие верования и позабытые герои (кожевенный инструментарий в ритуалах эпохи

бронзы степной и лесостепной Евразии) // Материалы по археологии Северного Причерноморья. – Одесса: «Печатный дом»; «Фаворит», 2011. – Вып. 12. – С. 86–124.

181. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Таранные кости крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Теория и практика археологических исследований.– Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 2014а. – № 2 (10). – С. 31-56.

182. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Взнуздавшие лошадь (стержневидные псалии конца II – начала I тыс. до н.э.: типологические и хронологические сопоставления) // Древности Сибири и Центральной Азии.– Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014б. – № 7 (19). – С. 85-118.

183. Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Лопатки животных в обрядах культур эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Түүхийн товчоон.– Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2015. – Т. VIII. – С. 127-154.

184. Полидович Ю.Б., Полидович Е.А. Прядение и ткачество в системе культуры народов Юго-Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Текстиль эпохи бронзы евразийских степей. Труды ГИМ.– М. 1999. – Вып.109. – С.217-223.

185. Попов С.А. Тайны Пятимаров. – Челябинск: Южно Уральское книжное издательство, 1971. – 194 с.

186. Порохова О. И. Срубно-алакульское Покровское поселение в Западном Оренбуржье // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья. – Уфа : Издательство БНЦ УрО АН СССР. 1989. – С. 60-71.

187. Потапов В. В. Жилища поселения Вареновка III // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк : «Східний видавничий дім», 2000. – С. 23-26.

188. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

189. Потемкина Т.М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этап) // Российская Археология. 1995. – №1. – С. 14-28.
190. Привалова О. Я. Староласпинское поселение эпохи поздней бронзы // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк : «Східний видавничий дім», 2000. – С. 105-107.
191. Привалова О. Я., Привалов А.И. Поселение эпохи поздней бронзы возле с. Николаевка в Северном Приазовье // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. – Киев : Наукова думка, 1987. – С. 94-107.
192. Пробейголова А. С. Реконструкция каменного домостроения поселения поздней бронзы на реке Лугань // Археологія і давня історія України.– Київ : ІА НАН України. 2011. – Вип. 5. – С. 81-84.
193. Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Книга вторая. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1996. – 176 с.
194. Пряхин А.Д., Саврасов А.С. Плавильные чаши с Мосоловского поселения металлургов-литейщиков донской лесостепной срубной культуры // Археология Доно-Волжского бассейна. – Воронеж: Издательство ВГПИ, 1993. – С. 52–71.
195. Пряхин А.Д., Сагайдак В.И. Металлообрабатывающая мастерская на поселении срубной культуры // Советская Археология. 1975. – №2. – С. 176-187.
196. Рассадников А.Ю. Оседлое скотоводство на рубеже III–II тыс. до н. э. в Южном Зауралье по археозоологическим материалам поселения Каменный Амбар // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. – Т. 16. № 3. – С. 46–64. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-3-46-64>
197. Рафикова Я.В., Федоров В.К., Усачук А.Н. Коллекция изделий из кости и рога поселения Ново-Байрамгулово-1 // Вопросы археологии Поволжья. – Самара: СГСПУ, 2019. – Вып. 7. – С. 86–150.

198. Рахилин В.К. Общество и живая природа: Краткий очерк истории взаимодействия. – М.: Наука, 1989. – 213 с.
199. Ромашко В.А. Погребение с роговым топором-молотом из Приорелья // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. – Днепропетровск: ДГУ, 1987. – С. 48-54.
200. Ромашко В.А. Опыт реконструкции домовых форм срубно-белозерской культуры Украины. Домовые ландшафты и ландшафты домовых форм // Проблемы археологии и архитектуры. В 2-х томах. – Том 1: «Археология». – Донецк, Макеевка: Журнал «Донбасс», 2001. – С. 132-145.
201. Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры): монография. – Киев: КНТ, 2013. – 592 с.
202. Русланов Е.В. Структура стада домашних животных у населения лесостепного Приуралья в эпоху бронзы // АрхЛаб. Известия археологической лаборатории Башкирского государственного университета. – Уфа: БашГУ, 2015. – Вып. 1. – С. 16-27.
203. Рутто Н.Г. Новые срубно-алакульские памятники Южного Приуралья // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. – Уфа: БФАН СССР, 1982. – С. 20–29.
204. Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. – Уфа Гилем, 2003. – 212 с.
205. Рындина Н. В., Дегтярева А. Д. Результаты технологического исследования металлических изделий Мосоловского поселения // Поселения срубной общности. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1989. – С. 14-39.
206. Салугина Н.П. Описание технологии изготовления каждого конкретного сосуда из КМ Лабазы // Лабазовский курганный могильник срубной культуры. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2009. – С. 81–97.

207. Салугина Н.П. Гончарство населения позднего бронзового века: к проблеме культуругенеза // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014а. – Том I. – С. 643–646.
208. Салугина Н.П. Керамическое производство в процессе культуругенеза позднего бронзового века Волго-Уралья // Процесс культуругенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): материалы международной научной конференции. 12-14 мая. – Самара: ПГСГА, 2014б. – С. 93–106.
209. Сальников К. В. Хвалынско - андроновские курганы у с. Погромного // Советская Археология, 1950. – XIII – С. 311-319.
210. Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. – Свердловск: Свердловское обл. гос. изд-во, 1952. – 160 с.
211. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М.: Наука, 1967. – 407 с.
212. Сальников К. В., Новиченко А. С. Памятники эпохи бронзы в Домбаровском районе Оренбургской области // Советская Археология, 1962. – №2. – С. 124-133.
213. Семенова, А.П. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. – Самара: Издательство СНЦРАН, 2000. – С. 152–208.
214. Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. К 80-летию со дня рождения В.Ф. Генинга. – Екатеринбург: Уральский госуниверситет, 2005. – С. 93-101.
215. Синицин И.В., Фисенко В.А. Поселение срубной культуры Гуселка- II в окрестностях Саратова // Античный мир и археология. – Саратов, 1972. – Вып.1. – С. 12-28
216. Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж: Издательство Воронежского педуниверситета, 1996. – 350 с.

217. Синюк А.Т., Козмирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (По материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). – Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. – С. 37-72.

218. Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей // Советская археология. 1961. №1. С. 46-60.

219. Смирных А.Г. Основные типы антропогенных ландшафтов Оренбургской области // Оренбургская область: география, экономика, экология. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2014. – С. 96-99.

220. Сорокин, А. Н. Стоянка и могильник Минино 2 в Подмосковье: костяной и роговой инвентарь. – М. : ИА РАН, 2013. – 448 с.

221. Сунгатов, Ф. А., Бахшиев И.И. Поселение эпохи бронзы Олаир // Материалы охранных раскопок и исследований по археологии Южного Урала.. – Уфа : ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2008. – Т. II – 200 с.

222. Тамимдарова Р.Р. Человеческое захоронение на поселении Таналык // Кадырбаевские чтения. Материалы международной научной конференции – Актобе: Принт А, 2007. – С. 76-77.

223. Татаринов С.И. Сезонное жилище горняков-металлургов эпохи бронзы у села Пилипчатино в Донбассе // Советская Археология, 1988. –№ 4. – С. 96-113.

224. Татаринов С.И. Древний металл Восточной Украины. Очерки реконструкции горного дела, металлургии и металлообработки в эпоху бронзы. – Артемовск: Гортипография Донецкого облуправления по печати, 1993. – 153 с.

225. Ткачев В.В. Погребение жреца в Актюбинской области. (К вопросу о социальной структуре арийского общества) // Древняя история населения Волго-Уральских степей. – Оренбург: Оренбургский педагогический институт, 1992. – С. 156-166.

226. Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. – Актобе: Областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. – 384 с.

227. Ткачев В.В. Хаванский А.И. Керамика синташтинской культуры. – Орск – Самара: Издательство ОГТИ, 2006. – 180 с.

228. Усачук А.Н. Костяной инвентарь поселения у с. Проказино // Древние культуры Подонцовья.– Луганск: Редакционно-издательский отдел облуправления по печати, 1993. – Вып.1. – С.135-147.

229. Усачук А.Н. К вопросу о тупиках – орудиях кожевенного производства на поселениях позднего бронзового века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. М-лы междунар. научн. конф. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 66-71.

230. Усачук А.Н. Сравнительный анализ использования орудий из кости на Мосоловском и Безыменском поселениях эпохи поздней бронзы // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 10. Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета. – Воронеж: ВГУ, 1997. – С. 128-135.

231. Усачук А.Н. Костяные изделия срубных поселений Доно-Донецкого региона // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи. Материалы международной научной конференции. – Воронеж: ВГУ, 2000. – С. 91-98.

232. Усачук А.Н. О заготовках костяных пряжек конца среднего – начала позднего бронзового века // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Материалы III Международной конференции. – Тирасполь, 2002. – С. 162-165.

233. Усачук А.Н. Изделия из кости поселений эпохи поздней бронзы в бассейне Верхнего Дона // Е.И. Гак. Поселения эпохи бронзы на северной окраине донской лесостепи. – М.: ГИМ, 2011. – С. 202-214.

234. Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий Степановского поселения // Ю.М. Бровендер Степановское поселение срубной общности на Донском кряже. – Алчевск: ДонГТУ, 2012. – С. 140-156.
235. Усачук А.Н. Древнейшие псалы (изготовление и использование). – Київ, Донецк: ИА НАН Украины, 2013а. – 304 с.
236. Усачук А.Н. Костяные изделия поселения Устье I // Древнее Устье. Укрепленное поселение бронзового века в Южном Зауралье. / Коллективная монография. – Челябинск: Абрис, 2013б. – С. 331-362.
237. Усачук А.Н., Бахшиев И.И. Использование астрагалов домашних животных на поселениях эпохи поздней бронзы Башкирского Зауралья // Археология евразийских степей. 2019. – №2. – С. 10-37
238. Усачук А.Н., Бахшиев И.И. Коллекция костяных изделий поселения Оло Хаз // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2020. №2. С. 55-123. doi:10.24412/2310-2144-10.24411/2310-2144-2020-00011
239. Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Технология изготовления пряжек культуры многоваликовой керамики // Доба бронзи Доно-Донецького регіону (матеріали 3-го Українсько-Російського польового археологічного семінару). – К., Вороніж, Перевальськ. 1997. – С.46-50.
240. Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Орудия прядения и ткачества в памятниках срубной общности // Текстиль эпохи бронзы евразийских степей. Труды ГИМ.– М. 1999. – Вып.109. – С. 204-216.
241. Усачук А.Н., Файзуллин И.А. Костяные изделия Токского и Покровского поселений эпохи поздней бронзы в Западном Оренбуржье // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: ООО «ИПК Университет», 2016. – Вып. 12 – С. 127-148.
242. Усманова Э.Р. Мерц В.К. Ритуальная модель «погребение в жилом пространстве» от энеолита до средневековья (по материалам поселений Верхнего Притоболья, Сарыарки и Прииртышья) // Самарский научный вестник. – 2021. – Т. 10. – № 4. – С. 138–142.

243. Файзуллин А.А. К вопросу о роли детей и подростков в ямном обществе Волго-Уралья // Древний Тургай и великая степь: часть и целое. Сборник научных статей, посвященный 70-летию Виктора Николаевича Логвина. – Костанай-Алматы. 2015. – С. 369-374.

244. Файзуллин И.А. Погребения на поселениях эпохи бронзы на территории Западного Оренбуржья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Том 14 №3. – Самара: издательство СНЦ РАН, 2012. – С. 226-230.

245. Файзуллин И.А. Керамика раннего этапа эпохи поздней бронзы по материалам бытовых памятников Западного Оренбуржья // Процесс культуругенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): материалы международной научной конференции. 12-14 мая 2014 года. – Самара: ПГСГА, 2014. – С. 123-130.

246. Файзуллин И.А. К вопросу о функциональном назначении построек эпохи бронзы с территории Западного Оренбуржья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. –2015а. – №2 (29). – С. 80-86.

247. Файзуллин И.А. Датирование детского погребения с Родникового поселения по результатам естественнонаучных данных // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всероссийской научной конференции. – Челябинск. 2015б. – С. 177-180.

248. Файзуллин И.А. История изучения бытовых памятников срубной культуры в Западном Оренбуржье // Проблемы истории, филологии и культуры. – 2015в. – №2(48). – С. 137-142.

249. Файзуллин И.А. Хронологическая позиция бытовых памятников позднего бронзового века с территории Оренбургского Предуралья // V (XXI) Всероссийский археологический съезд [Электронный ресурс]: сборник научных трудов. – Барнаул: ФГБОУ ВО "Алтайский государственный университет". 2017. – С. 1062-1063.

250. Файзуллин И.А. Использование камня в домостроительной практике срубной культуры на территории Оренбургского Предуралья // XXI Уральское археологическое совещание. – Самара: СГСПУ, 2018. – С. 179-182.

251. Файзуллин И.А., Купцова Л.В., Афонин А.С., Григорьев А.П., Евгеньев А.А., Капинус Ю.О., Крюкова Е.А., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Сверчкова А.Э., Файзуллин А.А. Комплексы эпохи поздней бронзы и раннего железного века I курганного могильника у села Твердилово (оренбургская область) // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2021. – Вып. 15. – С. 79-123.

252. Файзуллин И.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И. Гончарное производство срубной культуры Предуралья по материалам курганного могильника I у села Твердилово // Нижневолжский археологический вестник. – 2021. – Т. 20. – № 2. – С. 8-23.

253. Файзуллин И.А., Мухаметдинов В.И. II Сухореченское поселение срубной культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2019. – Вып. 14. – С. 141-150.

254. Файзуллин И.А., Рослякова Н.В. К вопросу о подвижности животноводства у населения Оренбургского Предуралья в эпоху поздней бронзы // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы изучения и сохранения культурного наследия: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-ти - летию со дня рождения Н.Г. Рутто. – Уфа: Диалог, 2016. – С. 61-67.

255. Файзуллин И.А., Усачук А.Н. Коллекция изделий из кости Родникового поселения позднего бронзового века в степном Оренбуржье // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2018. – № 3. – С. 172-186.

256. Федорова-Давыдова Э.А. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье // Археология и этнография Башкирии. – Уфа: АН СССР, 1964. – Том II. – С. 84–92.

257. Фёдорова-Давыдова Э.А. Памятники эпохи бронзы на р. Кинделе // Экспедиции Государственного Исторического музея. Доклады на сессии Ученого Совета ГИМ 5-7 февраля 1969 г. – М. : Изд-во ГИМ, 1969. – С. 74-80.

258. Федорова-Давыдова, Э. А. Обряд трупосожжения у срубно-алакульских племен Оренбуржья // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М. : Наука, 1973. – С.165–173.

259. Флерова В.Е. Резная кость юго-востока Европы IX-XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела-Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. – СПб.: Алетейя, 2001. – 352 с.

260. Фомичев А.В. Поселения эпохи поздней бронзы в бассейне р. Киимбай // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2012. – Вып. 10. – С. 140-146.

261. Фомичев А.В. Металлопроизводство населения алакульской культуры позднего бронзового века в пределах Уральской горно-металлургической области: автореф. дис. канд. истор. наук: 07.00.06. – Санкт-Петербург, 2017. – 20 с.

262. Халиков А.Х. Поволжье в покровское время // Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов: СГУ, 1989. – С. 66-82.

263. Халяпин М.В. Курганы срубной культуры у с. Свердлово // Археологические памятники Оренбуржья.– Оренбург: ОГПУ, 1998. – Вып. II. – С. 57-87.

264. Халяпина О.А. Картографический и формально-типологический анализ поселений эпохи бронзы из Западного Оренбуржья // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. – Орск: Институт Степи УрО РАН, 2000. – С. 84-92.

265. Хлобыстина Л.П. Жилище и его экологическая и социальная обусловленность // Реконструкция древних общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. – Л.: Наука, 1974. – С. 22-25.

266. Хохлов А.А., Китов Е.П. Специфика антропологического состава носителей потапово-синташтинских культурных традиций (по краниологическим материалам Поволжья и Урала переходного времени от средней к поздней бронзе) // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): материалы международной научной конференции. 12-14 мая 2014 года. – Самара: ПГСГА, 2014. – С. 131-142.

267. Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. – М.: Наука, 1970, – 280 с.

268. Цыбрий Т.В. Поселение Ягодинка 2 и некоторые вопросы домостроительства на Нижнем Дону в эпоху поздней бронзы. Автореф. дисс... к.и.н. – Санкт-Петербург, 2013.

269. Чемякин Ю.П. Следы военных конфликтов на алакульских поселениях // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всероссийской научной конференции. – Челябинск, 2015. – С.169-176.

270. Черных Е.Н. Каргалы забытый мир. – М.: Издательство "NOX", 1997. –177 с.

271. Черных Е.Н. Каргалинский горно-металлургический комплекс // Древнейшие этапы горного дела и металлургии в Северной Евразии: Каргалинский комплекс. – М: ИА РАН, 2002. – С.7-11.

272. Черных Е. Н. Кузьминых С. В. Лебедева Е. Ю. Агапов С.А. Луньков В. Ю. Орловская Л. Б. Тенейшвили Т. О. Вальков Д. В. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах (поселение Горный и другие.) // Российская Археология . 1999. – №1 – С. 77 – 102.

273. Черных Е. Н., Лебедева Е. Ю., Кузьминых С. В., Луньков В. Ю., Горожанин В. М., Горожанина Е. Н., Овчинников В. В., Пучков В. Н.

Каргалы, том I: Геолого-географические характеристики: История открытий, эксплуатации и исследований: Археологические памятники. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 112 с.

274. Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю. Глава III. Поздняя фаза: Комплекс №1 // Каргалы, том II: горный-поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С.70-91.

275. Черных Е.Н., Лебедева, Е.Ю., Журбин, И.В., Лопес-Саец, Х.А., Лопес-Гарсиа, П., Мартинес-Наваррете, И.Н. Каргалы, том II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: Относительная и абсолютная хронология. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 184 с.

276. Черных Е.Н., Орловская Л.Б. Керамика и радиоуглеродное датирование в рамках ямной археологической общности: проблемы интерпретации // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – М.: ИА РАН, 2011. – Вып.2. – С. 63-78.

277. Чибилев А.А. Бассейн Урала: история, география, экология. – Екатеринбург : УрО РАН, 2008. – 312 с.

278. Чижевский, А. А. Жилища и поселения лесной и лесостепной части Волго-Камья второй половины II–I тыс. до н.э. в контексте развития природной среды и культурных традиций // Археология и естественные науки Татарстана. Проблемы изучения первобытности и голоцена в Волго-Камье. – Казань: Алма–Лит, 2007. – С. 93–112.

279. Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. – Киев: "Наукова думка", 1982. – 160 с.

280. Шилов С.Н. Маслюженко Д.Н. Энеолитическое захоронение Гладунино-3 в системе доандроновского погребального обряда // Вопросы археологии Урала.– Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – Вып.24. – С. 165-191.

281. Шишлина Н.И., Купцова Л.В., Крюкова Е.А., Мамонова А.А., Моргунова Н.Л., Орфинская О.В., Файзуллин И.А. Шерстяной текстиль эпохи поздней бронзы из Оренбургского Предуралья // Археологические памятники Оренбуржья.– Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. – Вып. 15. – С. 73-77.

282. Шорин А. Ф. Доандроновское погребение могильника Березки V в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: Уральское отделение АН СССР, 1991. – С. 68-79.

283. Юдин А.И. Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или «игроки»? // Археология Восточно-Европейской степи. – Саратов: Научная книга, 2009. – Вып. 7. – С. 146-170.

284. Ankushev M., Faizullin I., Artemyev D., Blinov I. Metalworking and metallurgical slags in the Late Bronze Age settlement Tokskoe // *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2020. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham, 2022. – pp. 41-52.* https://doi.org/10.1007/978-3-030-86040-0_4

285. Natalia I. Shishlina, Daria V. Kiseleva, Lidia V. Kuptsova, Tatyana G. Okuneva, Natalia G. Soloshenko, Evgeny S. Shagalov, and Ildar A. Faizullin The Provenance of the Bronze Age Wool Textiles from the Western Orenburg Region (Russia) // *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy. GAM 2020. Springer Proceedings in Earth and Environmental Sciences. Springer, Cham, 2022. – pp. 137-150.* https://doi.org/10.1007/978-3-030-86040-0_4

Список сокращений

- АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи
- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
- АН СССР – Академия наук СССР
- АН УРСР – Академия наук Украинской ССР
- БашГУ – Башкирский государственный университет
- БГПИ – Башкирский государственный педагогический институт
- БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
- БНЦ УрО АН СССР – Башкирский научный центр Уральского отделения академии наук СССР
- БФАН СССР – Башкирский филиал Академии наук СССР
- ВГПИ – Воронежский государственный педагогический институт
- ВГУ – Воронежский государственный университет
- ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
- ГИМ – Государственный исторический музей
- ГМЦ – горно-металлургический центр
- ДГУ – Днепропетровский государственный университет
- ДонГТУ – Донецкий национальный технический университет
- ДонГУ – Донецкий государственный университет
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
- ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
- ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук
- ИА НАН України – Институт археологии национальной академии наук Украины
- КГУ – Кемеровский государственный университет
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КСИИМК – Краткие сообщения института истории материальной культуры

МарГУ – Марийский государственный университет

МДУ імені В.О.Сухомлинського - Николаевский государственный университет имени В.О. Сухомлинского

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НГУ – Новосибирский государственный университет

ОГАУ – Оренбургский государственный аграрный университет

ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет

ОГТИ – Орский гуманитарно-технологический институт

ПГСГА – Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

РА – Российская археология

СА – Советская археология

СамГУ – Самарский государственный университет

СГПУ (СамГПУ) – Самарский государственный педагогический университет

СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет

СГУ – Саратовский государственный университет

СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской академии наук

СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

СПб – Санкт-Петербург

УНЦ РАН – Уфимский научный центра Российской академии наук

УрГУ – Уральский государственный университет

УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук

ФГБОУ ВО ОГПУ – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный педагогический университет»

ЦИКР «Рифей» - Центр историко-культурных реконструкций «Рифей»

ЧГПУ – Челябинский государственный педагогический университет

ЧелГУ– Челябинский государственный университет.

ЮУАЭ – Южноуральская археологическая экспедиция

ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет

BC (calBC) – Before Christmas (дата до Рождества Христова / до нашей эры (до н.э.))

BP – Before Present (дата до настоящего времени / лет назад)

Ki – Индекс радиоуглеродной лаборатории института геохимии окружающей среды НАН г. Киев (Украина)

Le – Индекс радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН г. Санкт - Петербург (Россия)

Srb – Индекс радиоуглеродной лаборатории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена г. Санкт-Петербург (Россия)

Таблицы и иллюстрации

Таблица 1. Классификация построек по глубине жилых котлованов

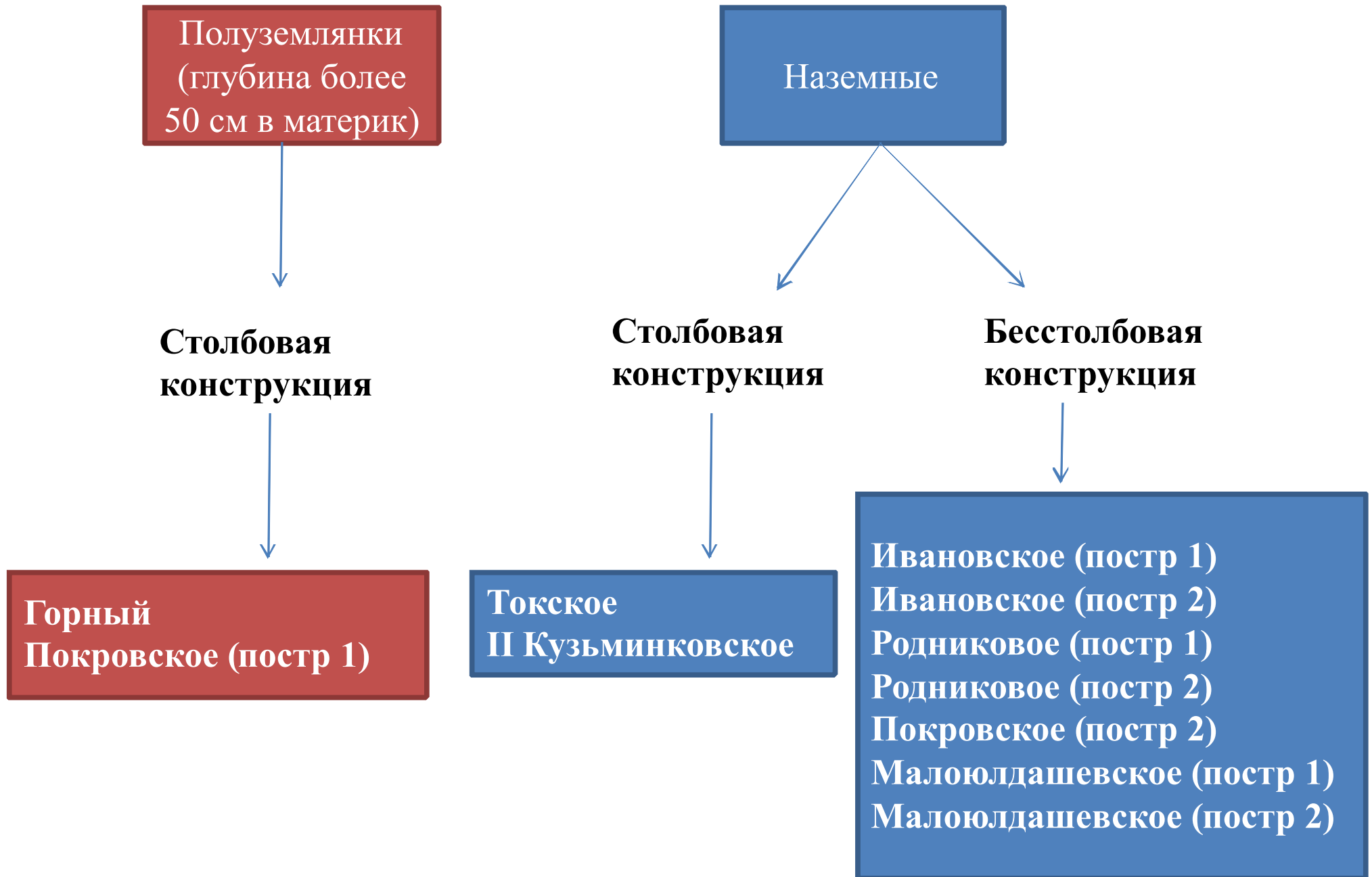

Таблица 2. Распределение керамики с Родникового поселения по культурным группам со всей площади поселения.

Распределение керамики по культурным группам		
название	кол-во сосудов	% соотношение
синташтинско-абашевская	55	6,5
раннеалакульская	217	25,5
срубно-алакульская	170	20
срубная	269	31,4
черкаскульская	91	10,6
финальная	51	6
всего	853	100

Таблица 3. Распределение керамики с Родникового поселения по культурным группам с построек (процентное соотношение)

Распределение керамики по культурным группам в %		
название	постройка 1	постройка 2
синташтинско-абашевская	1,6	8,3
раннеалакульская	6,8	11,4
срубно-алакульская	9	4,4
срубная	12	7
черкаскульская	42,6	12
финальная	32,1	19,6

Таблица 4. Распределение керамики с Малоюлдашевского поселения по культурным группам со всей площади поселения.

Распределение керамики по культурным группам		
название	кол-во сосудов	% соотношение
синташтинско-абашевская	29	7,8
раннесрубная	53	14
срубная	226	60
срубно-алакульская	63	16,6
финальная	6	1,6
всего	371	100

Таблица 5. Распределение керамики с Малоюлдашевского поселения по культурным группам с построек (процентное соотношение)

Распределение керамики по культурным группам в %		
название	постройка 1	постройка 2
синташтинско-абашевская	8	4,2
раннесрубная	8,8	9,7
срубная	62,8	62,5
срубно-алакульская	20,4	23,6

Таблица 6. Распределение керамики с Покровского поселения по культурным группам со всей площади поселения.

Распределение керамики по группам		
название	кол-во сосудов	% соотношение
раннесрубная	26	4,9
раннеалакульская	7	1,3
срубно-алакуль раннего этапа	2	0,4
срубная	466	87,5
срубно-алакульская	29	5,5
всего	530	100

Таблица 7. Распределение керамики с Токского поселения по культурным группам со всей площади поселения.

Распределение керамики по культурным группам		
название	кол-во сосудов	% соотношение
синташтинско-абашевская	5	1,8
раннесрубная	37	13,5
срубная	229	83,6
алакульская	3	1,1
всего	274	100

Таблица 8. Распределение керамики с Ивановского поселения по культурным группам со всей площади поселения.

Распределение керамики по группам		
название	кол-во сосудов	% соотношение
синташтинско-абашевская	16	5,2
раннесрубная	30	9,7
срубная	262	85,1
всего	308	100

Таблица 9. Распределение керамики с Нижнепавловского поселения по культурным группам со всей площади поселения.

Распределение керамики по культурным группам		
название	кол-во сосудов	% соотношение
раннеалакульская	3	8,2
срубно-алакульская	16	43,2
срубная	16	43,2
алакульская	2	5,4
всего	37	100

Таблица 10. Радиоуглеродные даты позднего бронзового века Оренбургского Предуралья.

№ п/п	Комплекс	материал	Дата ВР	Дата ВС 1σ	Века до н.э. по 1σ	шифр лаборатории	Хронологический горизонт
1	Родниковое поселение	сосуд 1	3650±120	2205-1879	21-19	SPb-1073	2
2	Родниковое поселение	сосуд 2	3538±120	2031-1736	21-18	SPb-1074	2
3	КМ Каменка 2/2	кость человека	3690 ± 50	2140-2010	22-21	Ki-19343	2
4	Лабазовский КМ 1/2	дерево	3530±50	1849-1865	19	ИГАН-3356	2
5	Лабазовский КМ 1/3	дерево	3480±60	1880-1730	19-18	Le-7681	2
6	Скворцовский КМ 3/20	дерево	3450±75	1890-1680	19-17	Le-8587	2
7	КМ Боголюбовка 2/2	кость человека	3432±70	1830-1640	19-17	Spb-679	2
8	КМ Боголюбовка 1/5	дерево	3400±70	1780-1610	18-17	Spb-575	2
9	КМ Боголюбовка 13/6	кость человека	3180±50	1499- 1415	15	ГИН - 15501	3
10	КМ Боголюбовка 1/20	дерево	3300±80	1690- 1490	17-15	Spb-577	3
11	КМ Каменка 2/3	кость человека	2830 ± 50	1050-900	11-10	Ki-19352	4
12	КМ Лабазы 4/5	кость человека	2990±65	1406-1040	14-12	ГИН - 15690	4

Таблица 11. Видовое соотношение костей домашних животных на поселениях Оренбургского Предуралья

Памятник	Выборка (шт)	Домаш	Дикие	КРС	МРС	Свинья	Лошадь
Токсое	1589	97,8	2,2	52,1	23,7	0,7	23,5
Горный		99,8	0,2	80,7	16,9	0,3	2,1
II Кузьминковское	1784	99,6	0,4	68,1	11	9	12
Покровское	2330	96,9	3,1	49	26	3	22
Ивановское	1681	84,1	16	42,5	20,2	1,1	36,2
Сорочинское	87	100	0	89,6	2,3	0	8,1
Малуюлдашевское	3143	99	1	48,5	32,1	3	15,9

Таблица 12. Возрастная структура коров и быков, забитых на поселении I у села Малоюлдашево

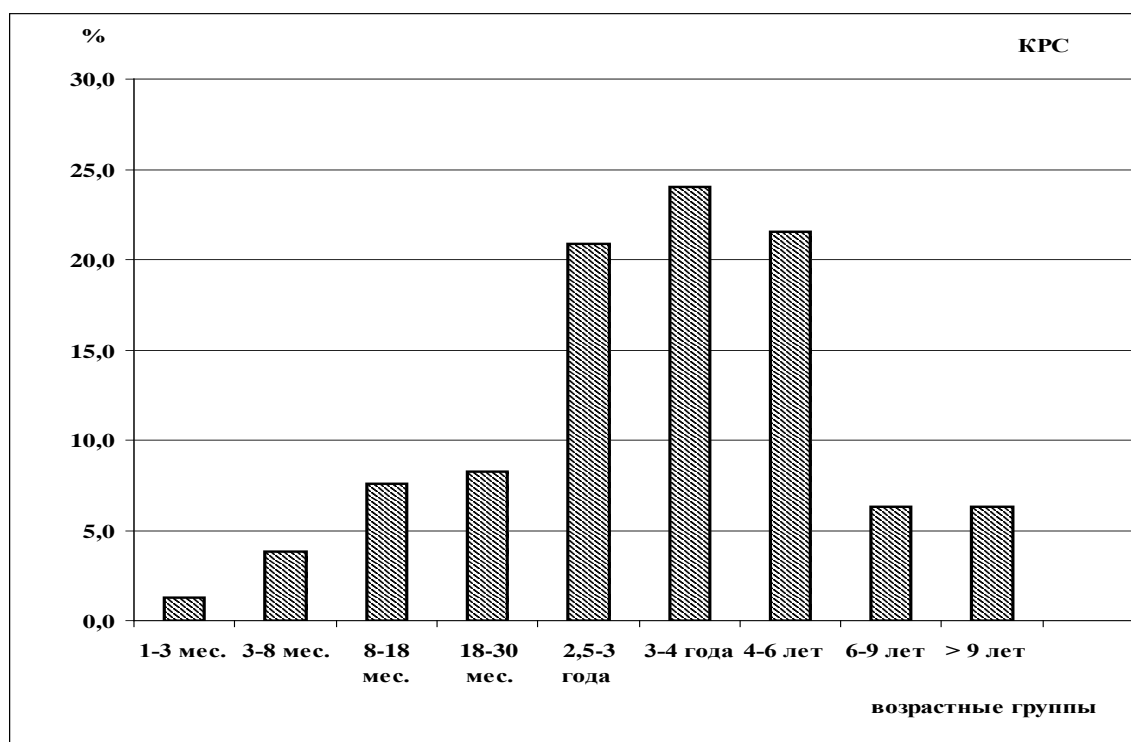
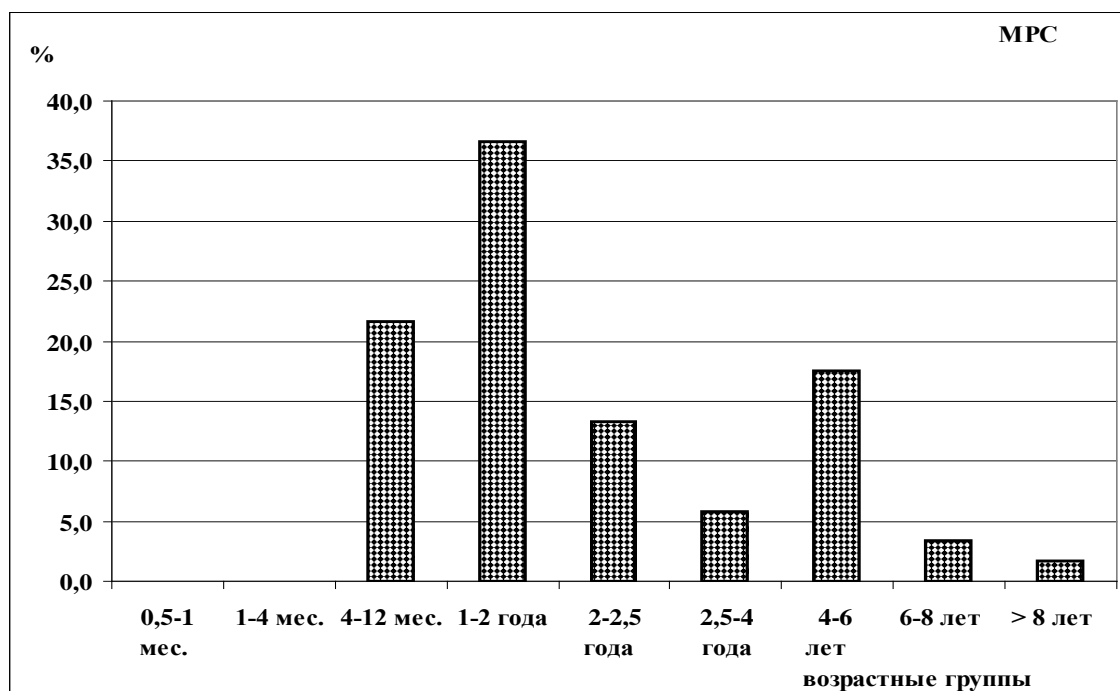

Таблица 13. Возрастная структура овец и коз, забитых на поселении I у села Малоюлдашево

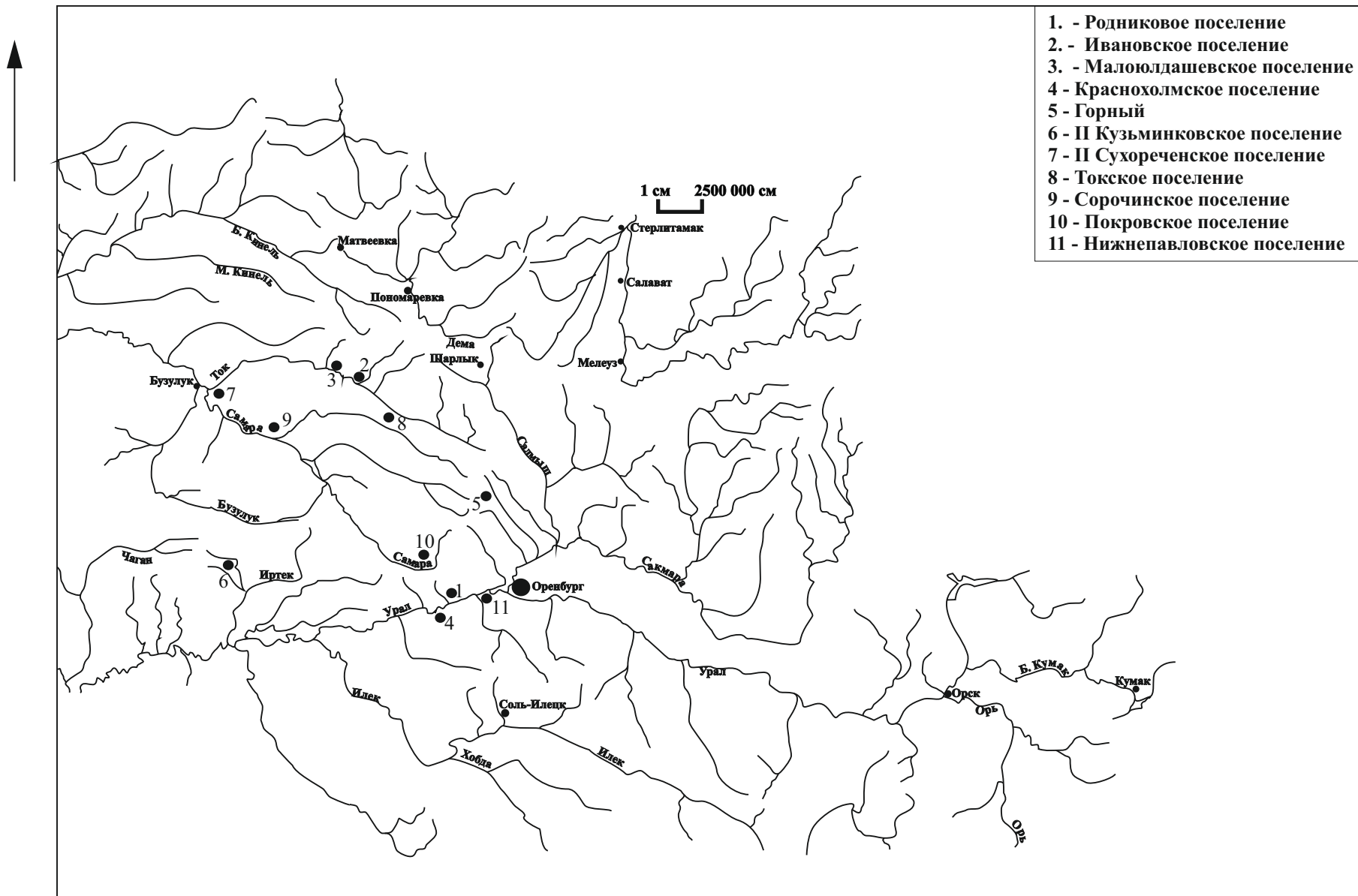

Рис. 1. Схема распространения поселений эпохи поздней бронзы Оренбургского Предуралья.

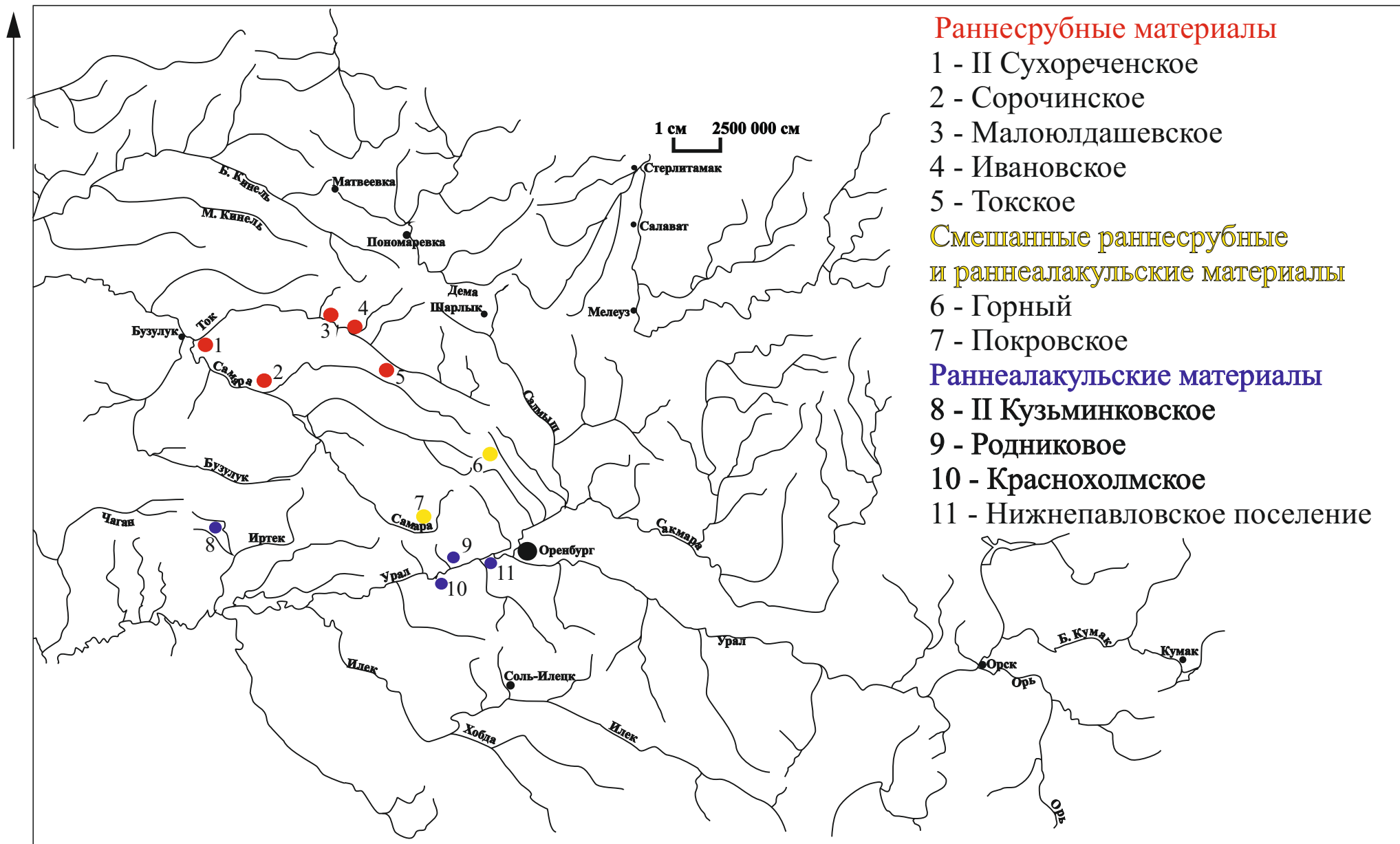
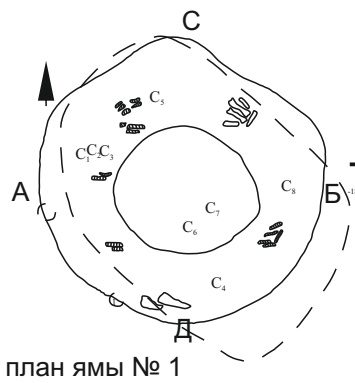

Рис. 1а. Схема распространения поселений эпохи поздней бронзы в Оренбургского Предуралья на втором хронологическом этапе.

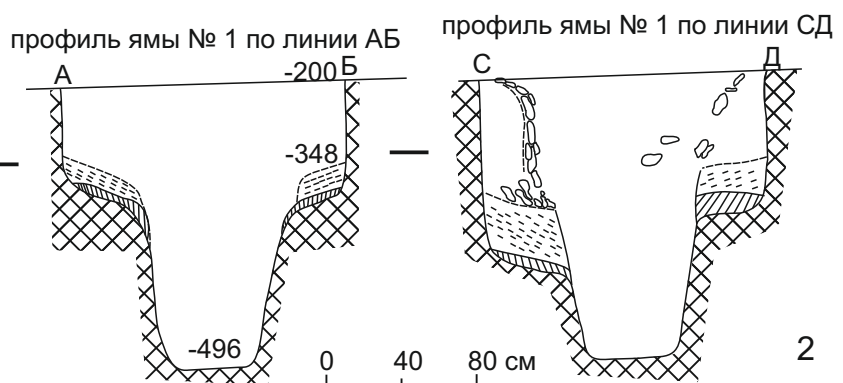

1

1 80см

план ямы № 1

2

- Условные обозначения:
- — — - контур ямы на гл. -184
 - C₁ - развалы сосудов
 - ▭▭▭ - кости животных
 - 1, 2 - следы от столбов
 - ▧ - материк
 - ▨ - красная глина
 - ▤ - темно-серая глина
 - ▥ - угли
 - ▦ - камни
 - ▧ - скопление камней
 - ▩ - керамика
 - - уголь
 - - кость
 - ▬ - медный шлак
 - ▭ - кальцинированная кость
 - ▮ - железная руда
 - ▯ - раковина

Рис. 2. Родниковое поселение. 1- Постройка 1. 2-Яма погреб.

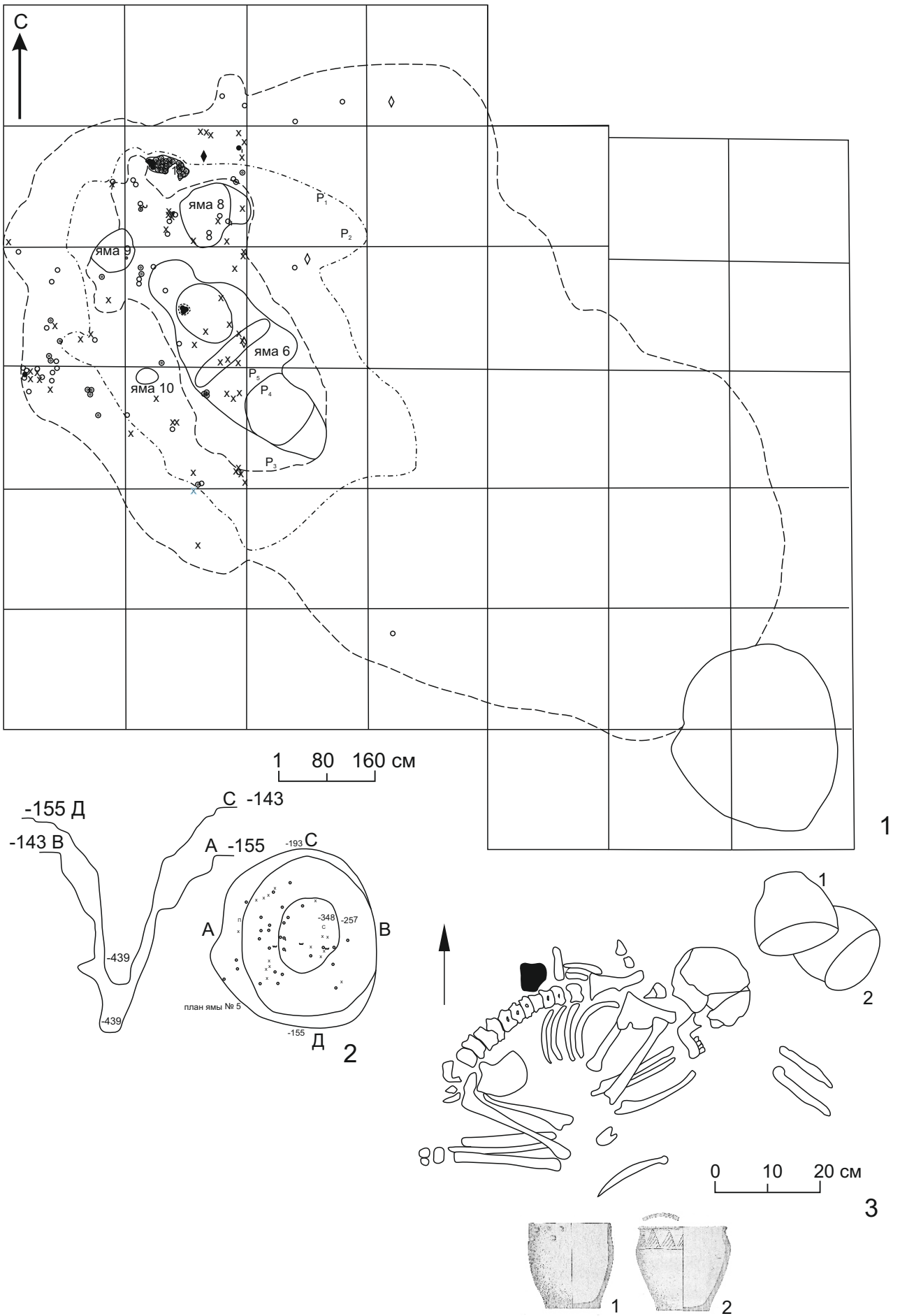

Рис. 3. Родниковое поселение. 1- постройка 2; 2- профиль ямы; 3- погребение.

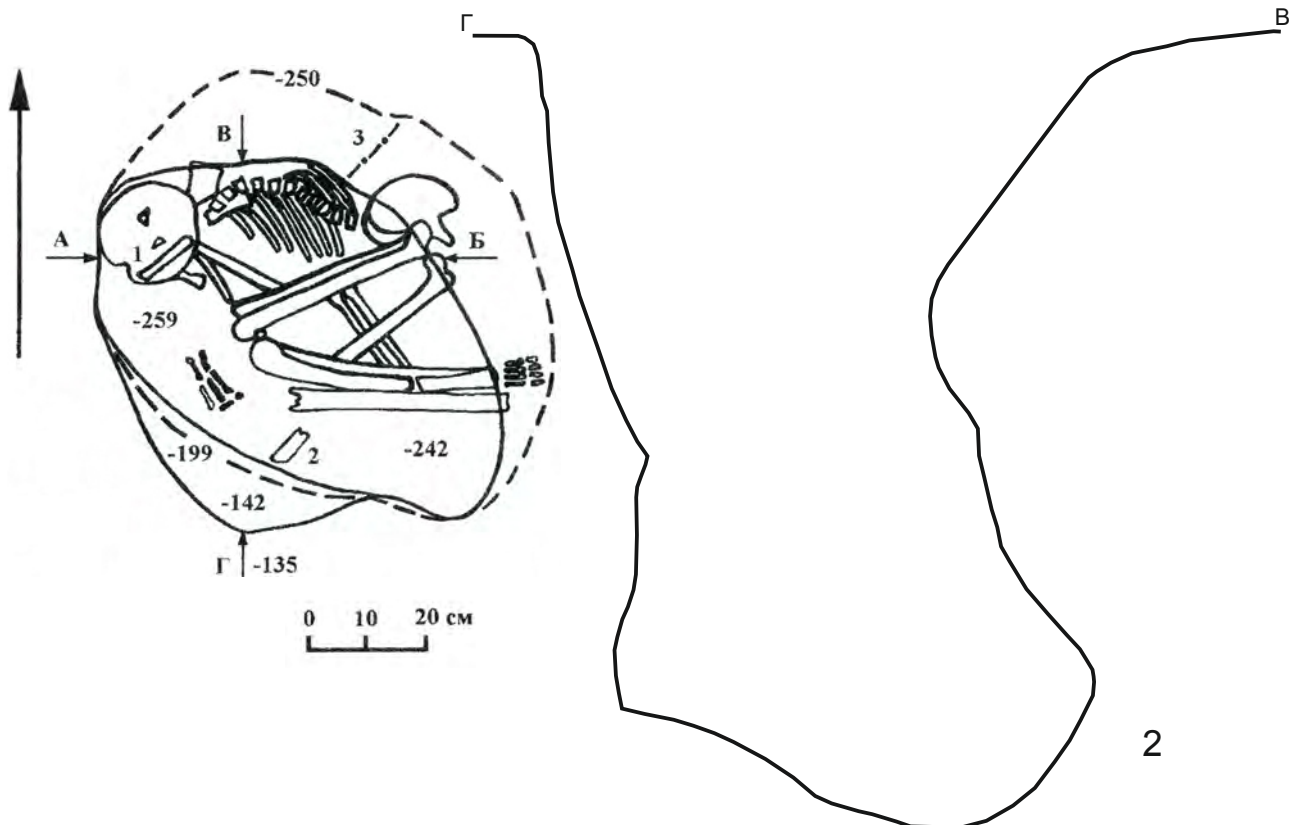
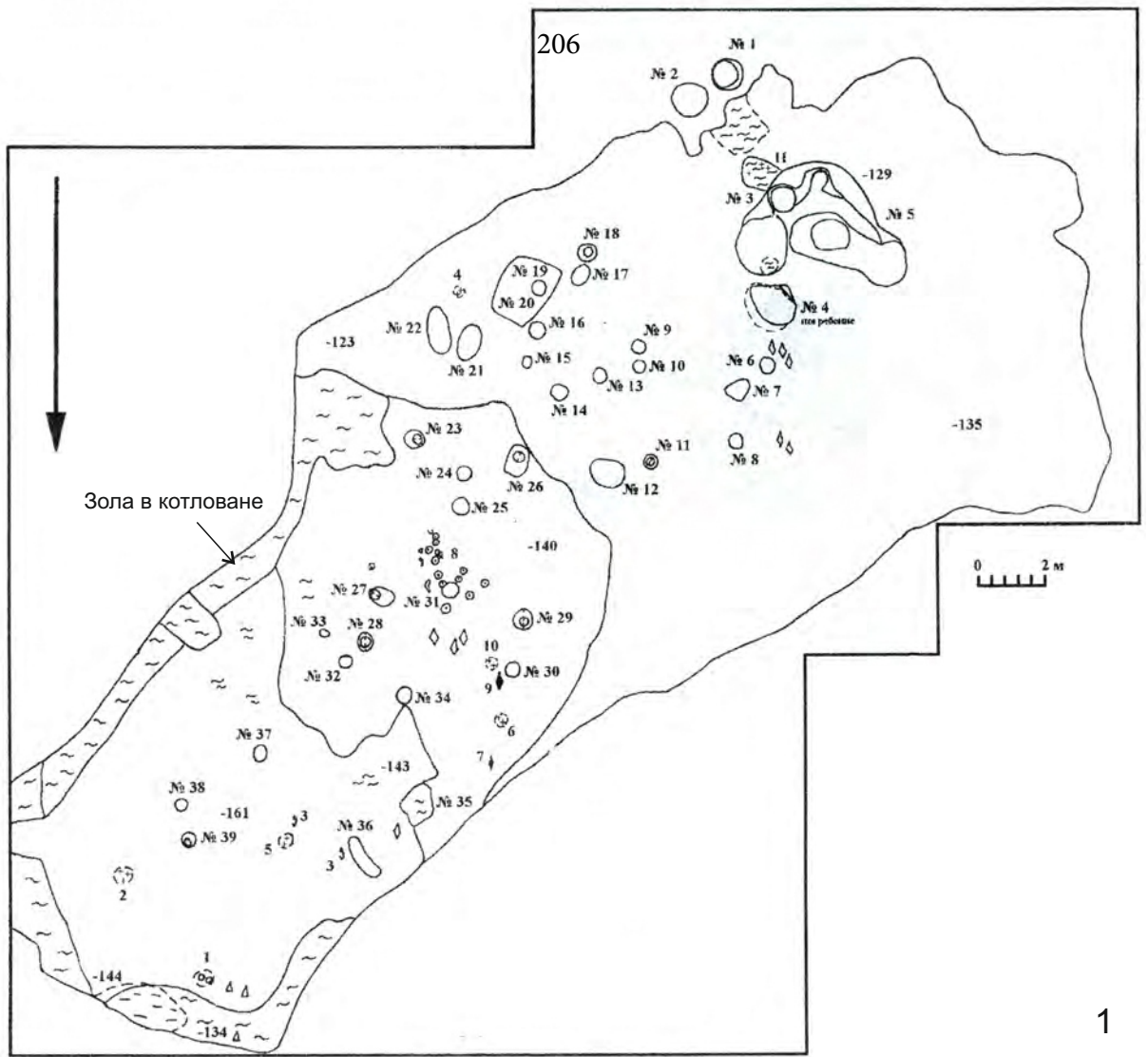

Рис. 4. Кузьминковское поселение. 1- Постройка 1. 2-погребение.

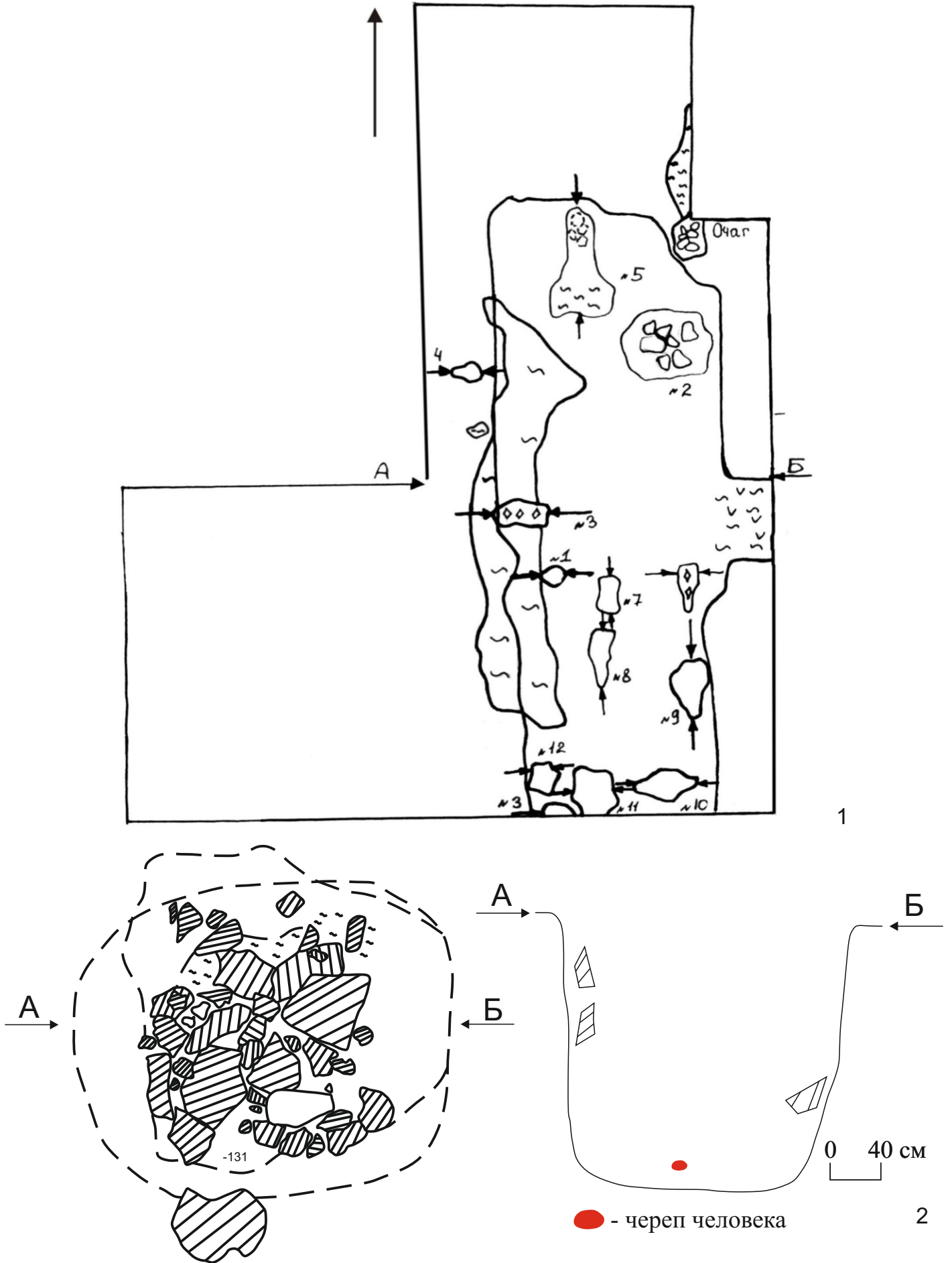

Рис. 5. Покровское поселение. 1- Постройка 1. 2-Яма 2.

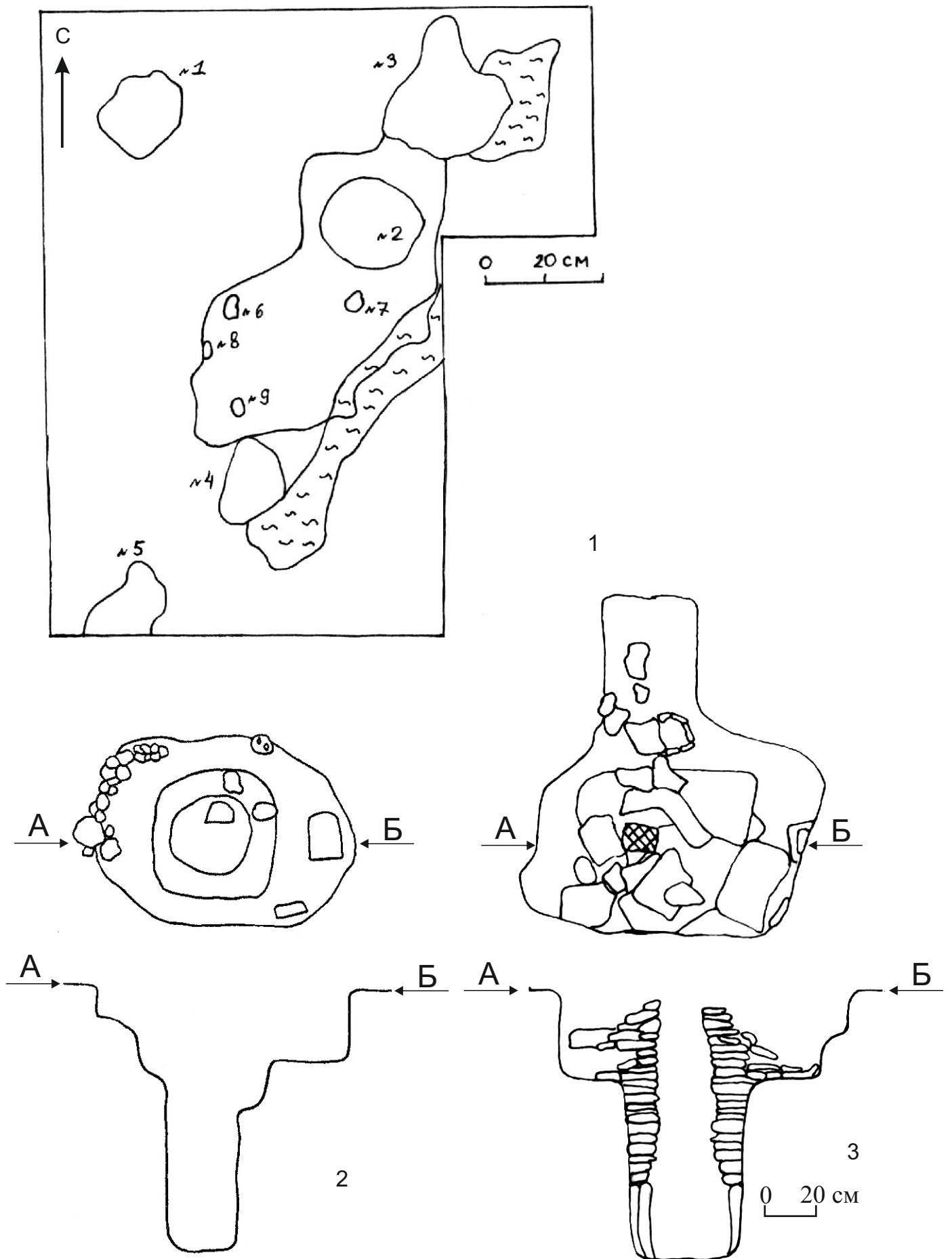

Рис. 6. Покровское поселение. 1- Постройка 2; 2- яма 2; 3- колодец.

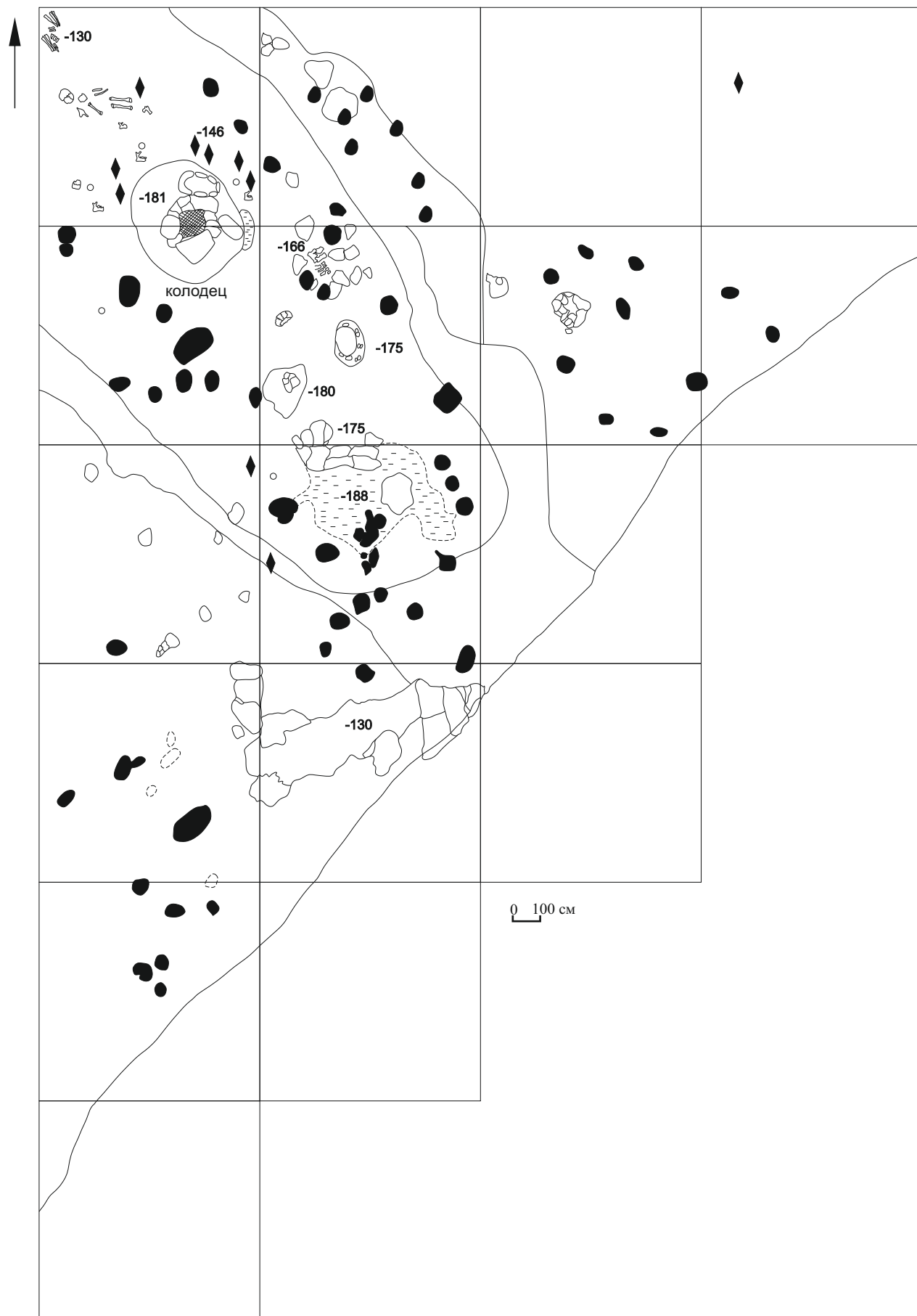

Рис. 7. Токское поселение. Постройка

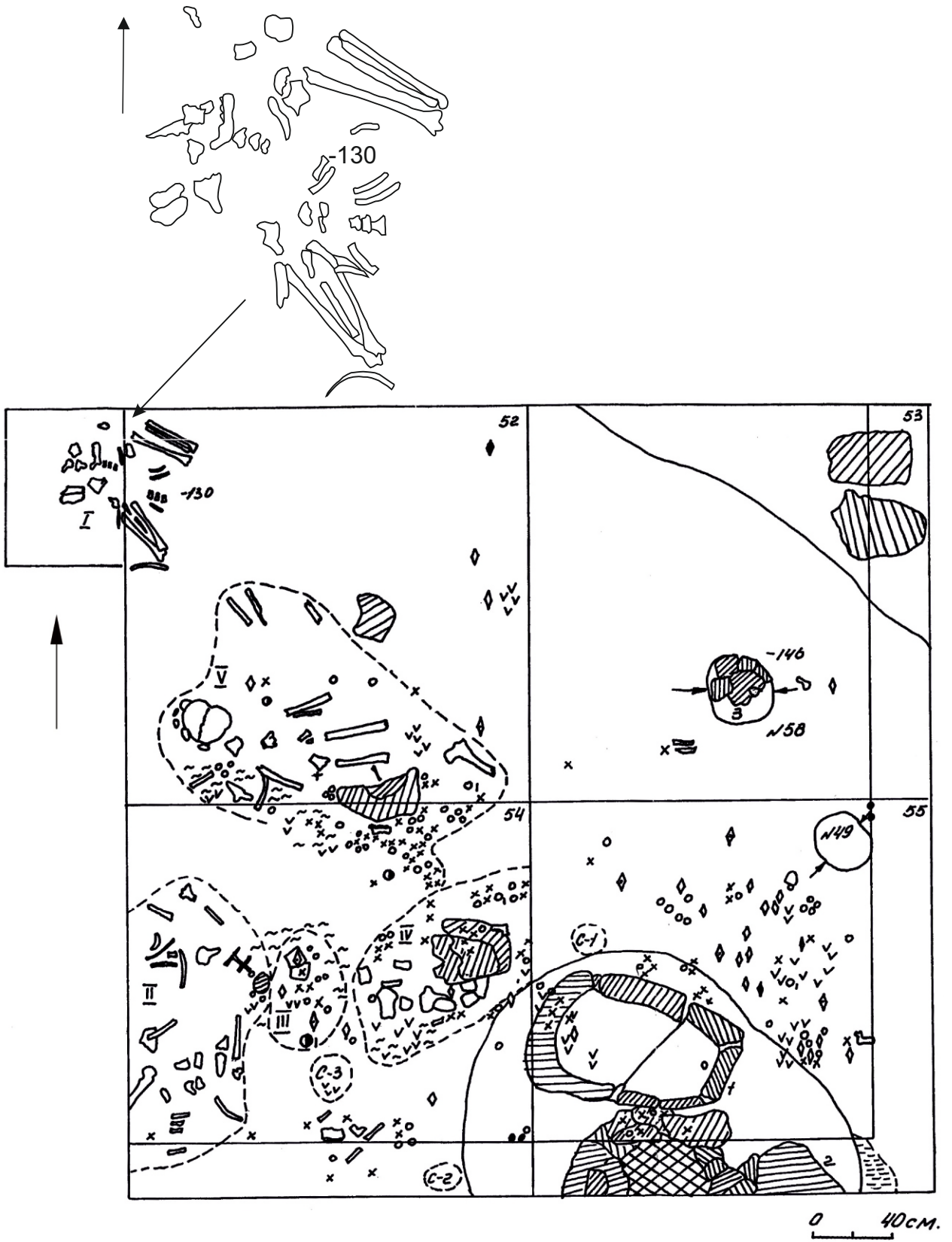

Рис. 8. Токское поселение. Постройка. Массовое захоронение людей.

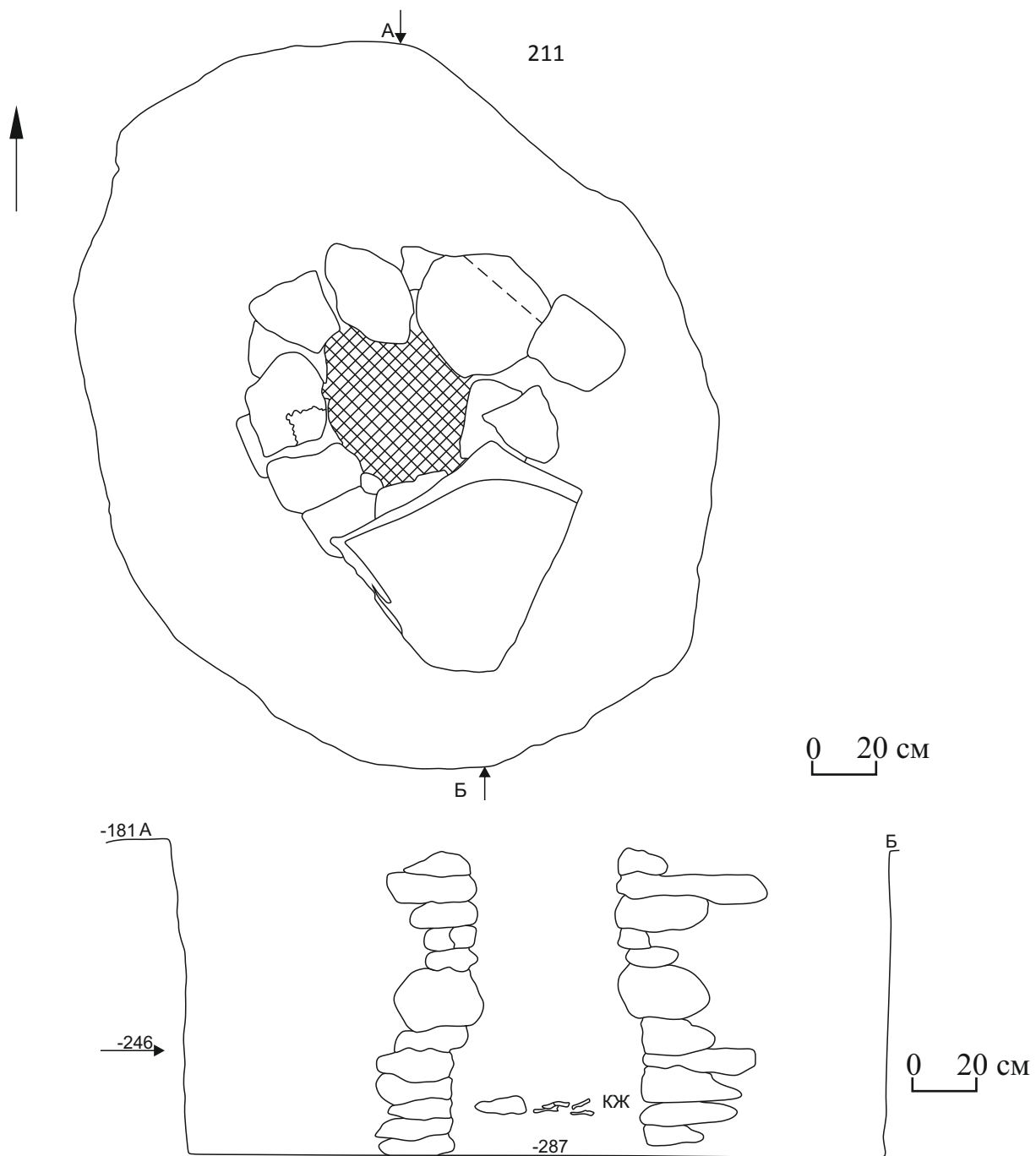

Рис. 9. Токское поселение. Колодец.

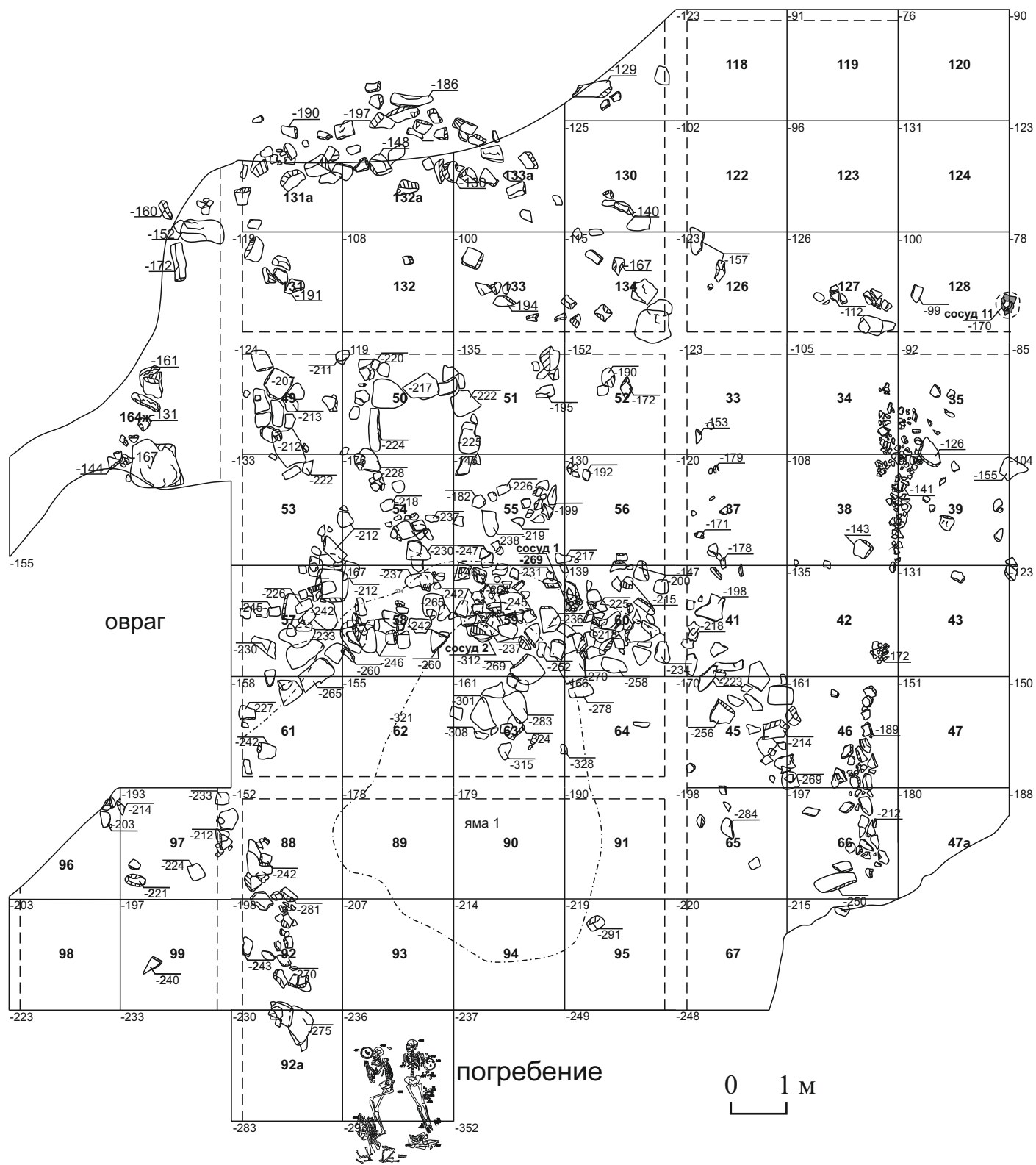

Рис. 10. Поселение Малоюлдашево I. Постройка 1.

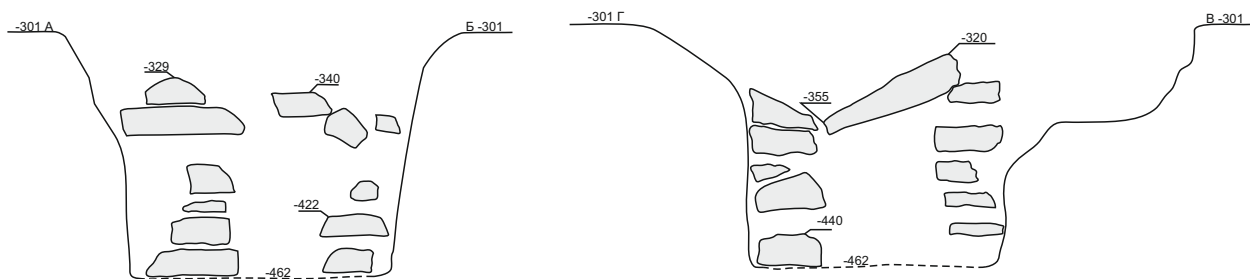
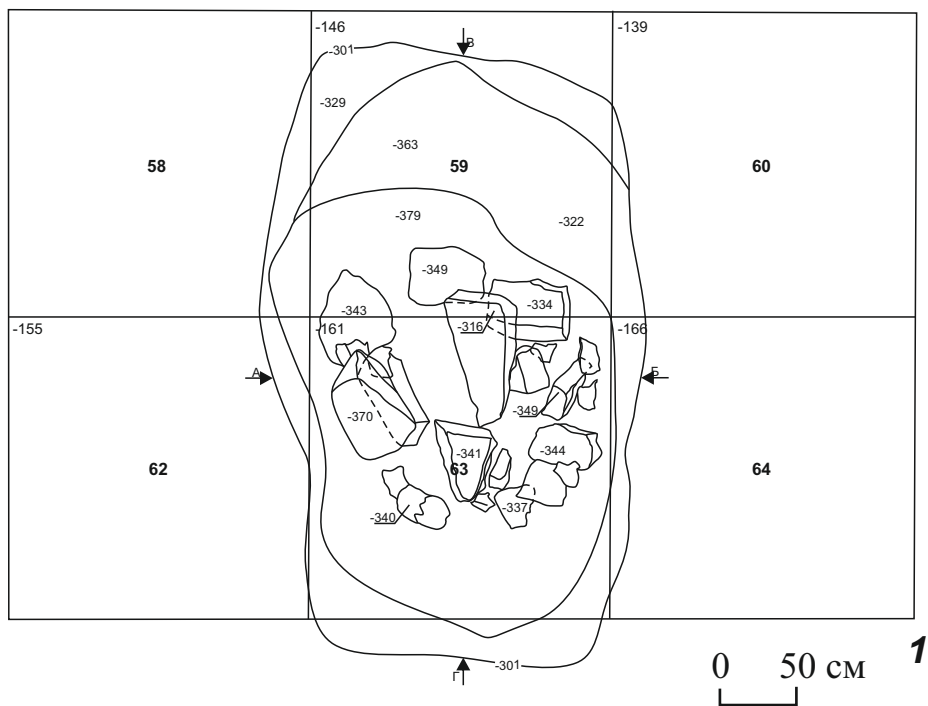

Рис. 11. Поселение Малоюлдашево I. Яма 1. Колодец.

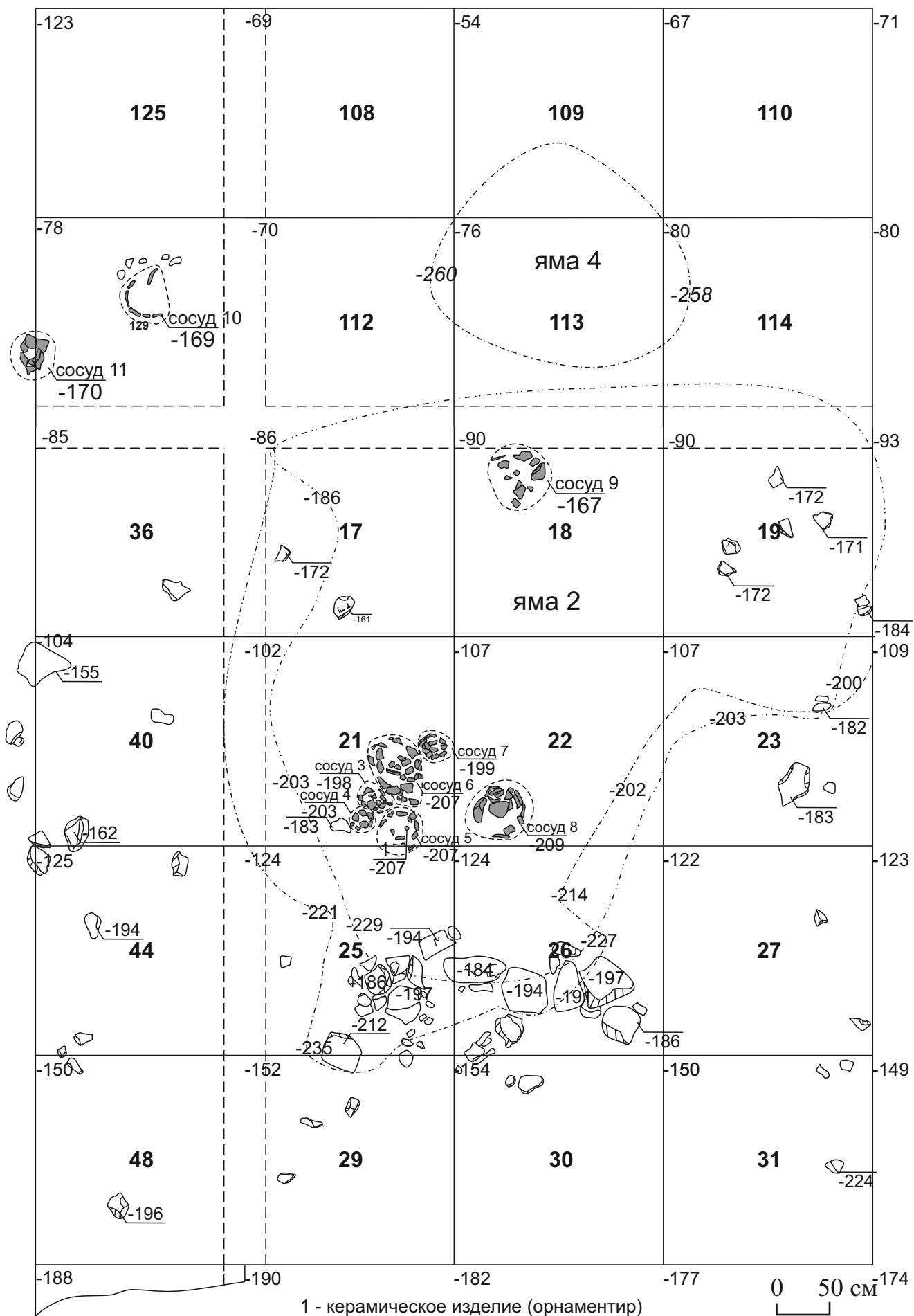
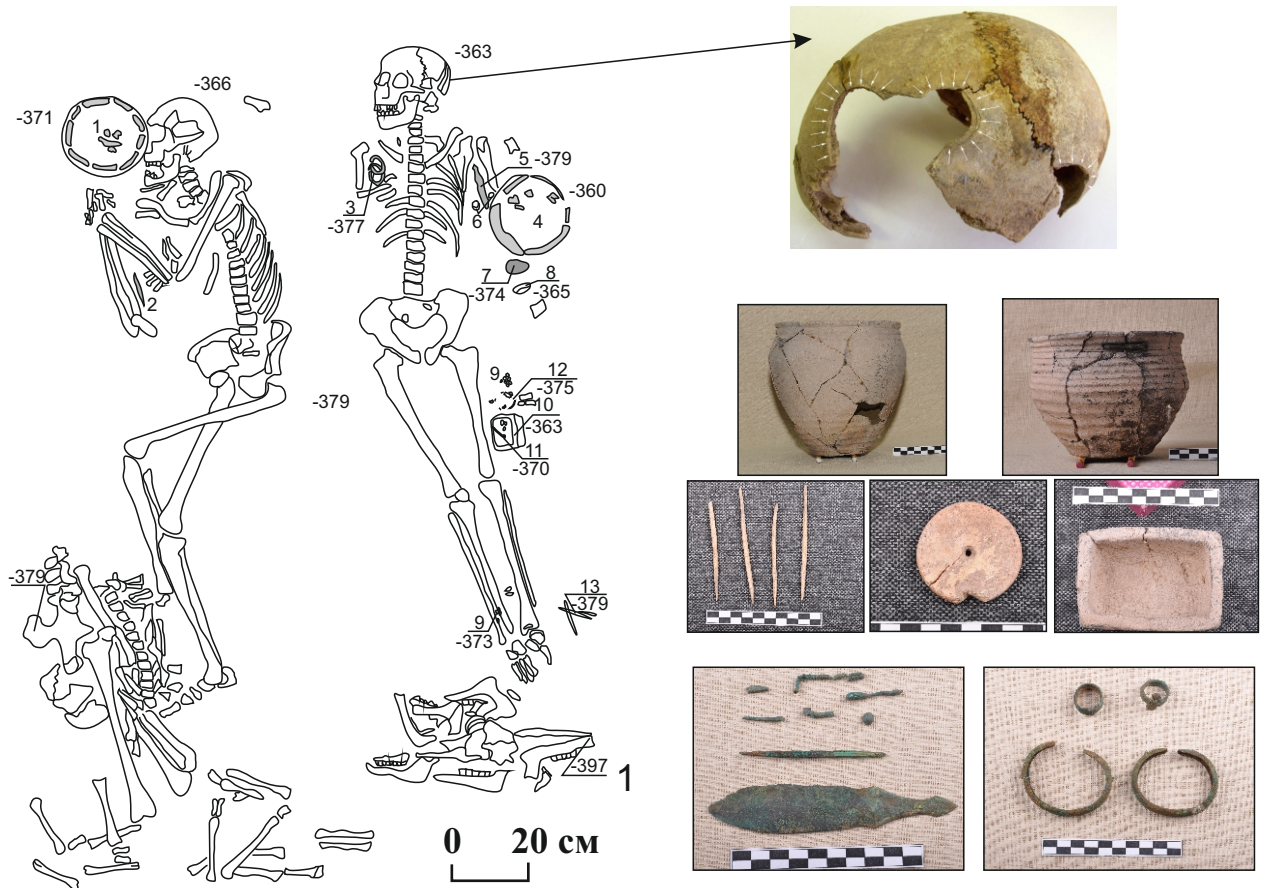

Рис. 12. Поселение Малоюлдашево I. Постройка 2.

2

3

Рис. 13. Поселение Малоюлдашево I. Погребение. 1,3 погребение; 2-инвентарь.

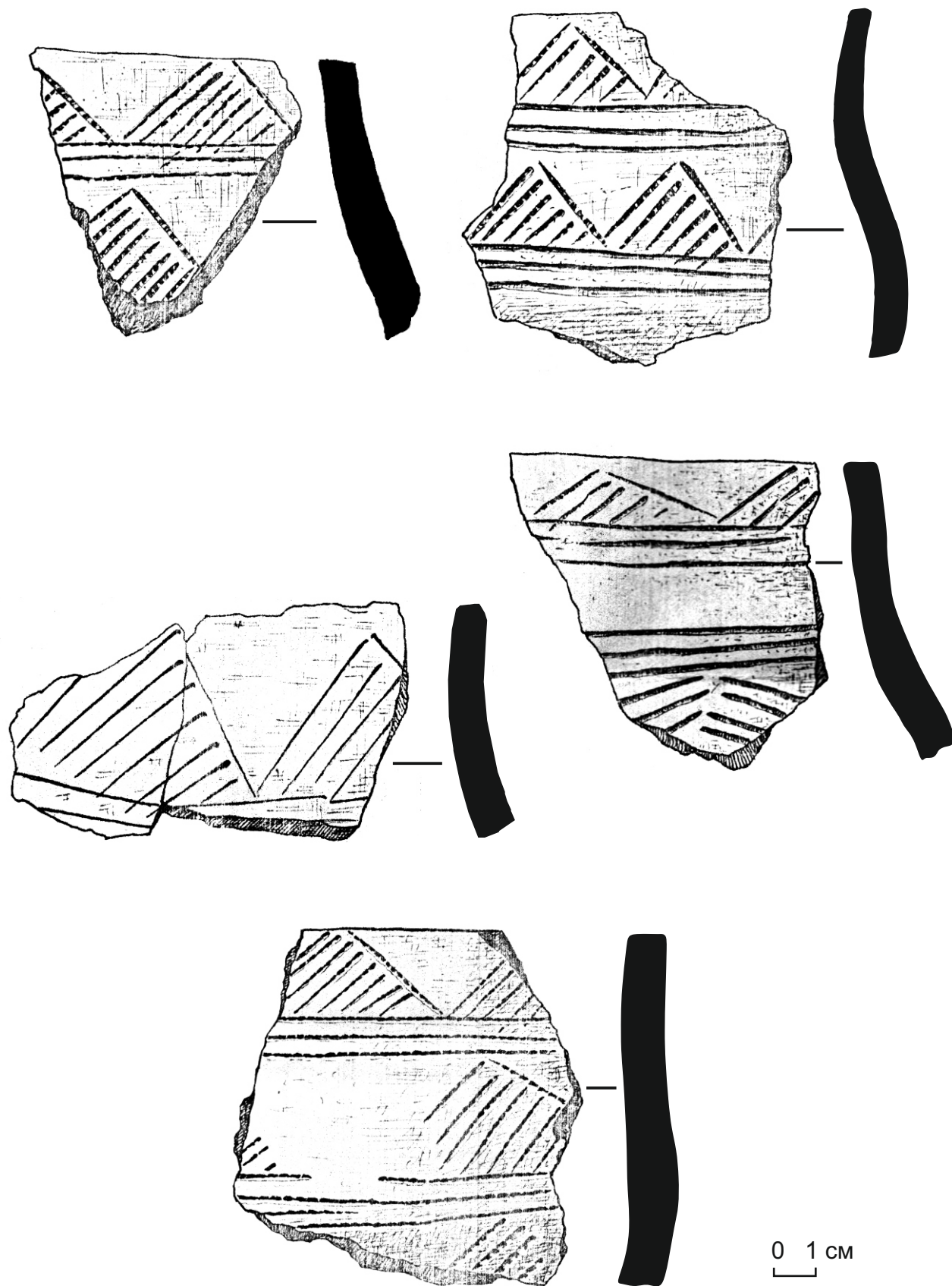

Рис. 14. Родниковое поселение. Керамика раннеалакульской культурной группы. Баночные сосуды с округлым ребром.

Рис. 15. Родниковое поселение. Керамика раннеалакульской культурной группы. Горшковидные сосуды с округлым ребром и профилированным горлом.

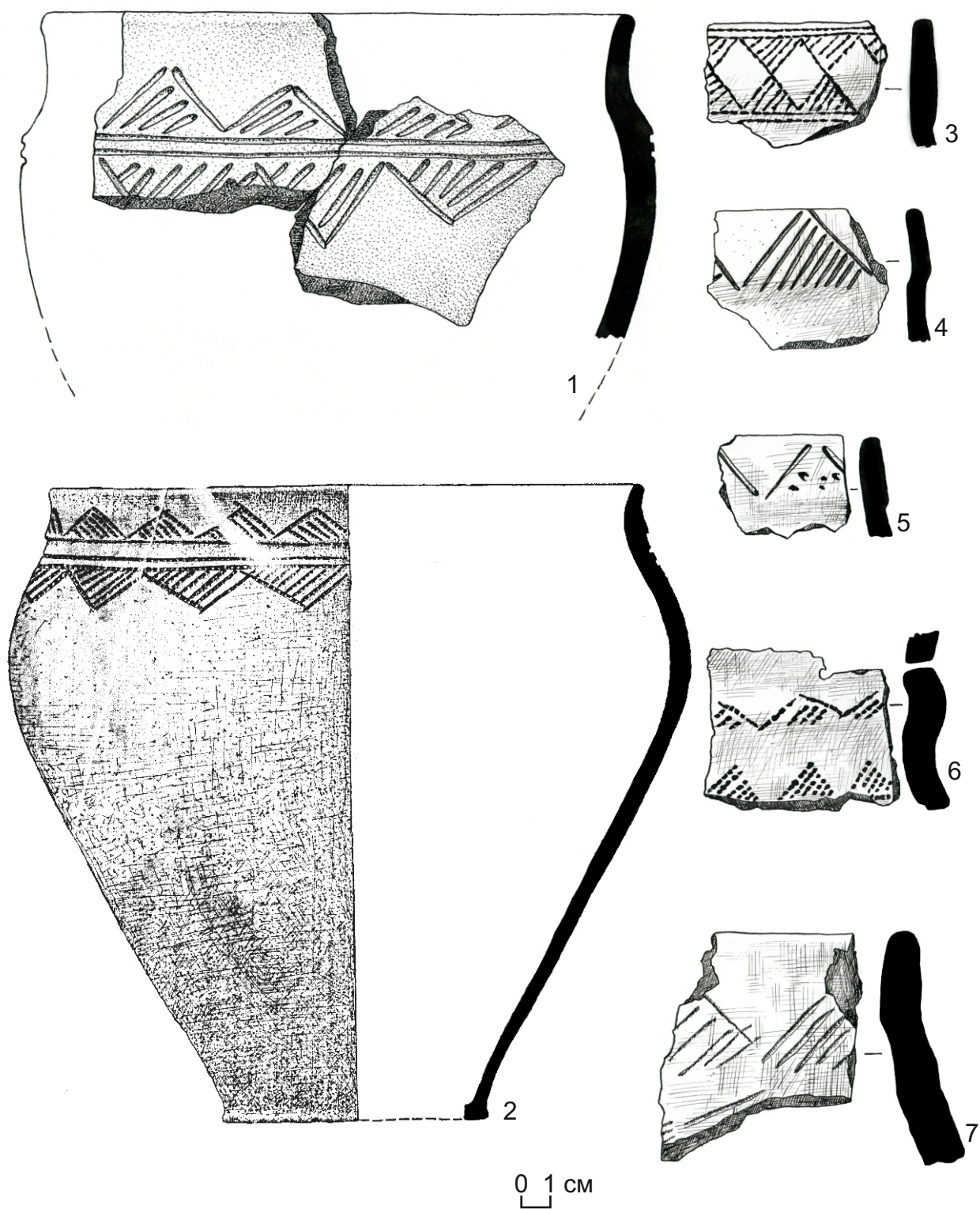

Рис. 16. Родниковое поселение. Керамика раннеалакульской культурной группы.
 1 – горшки с намечающимся уступом; 2-6 – сосуды с воротничком на шее;
 7 - горшки с желобками и выдавленным валиком

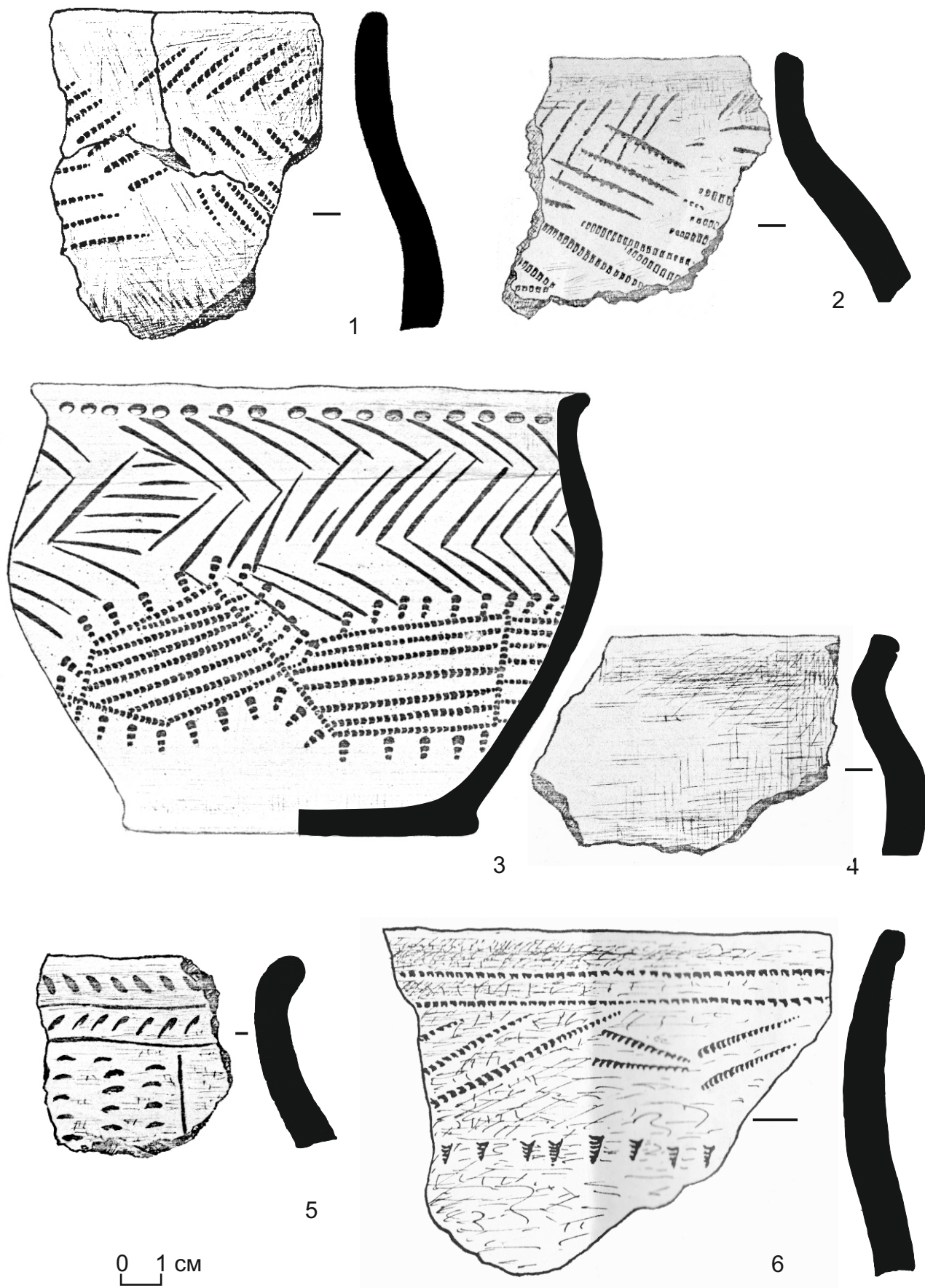

Рис. 17. Родниковое поселение. Керамика срубной культурной группы. Фрагменты горшковидных сосудов.

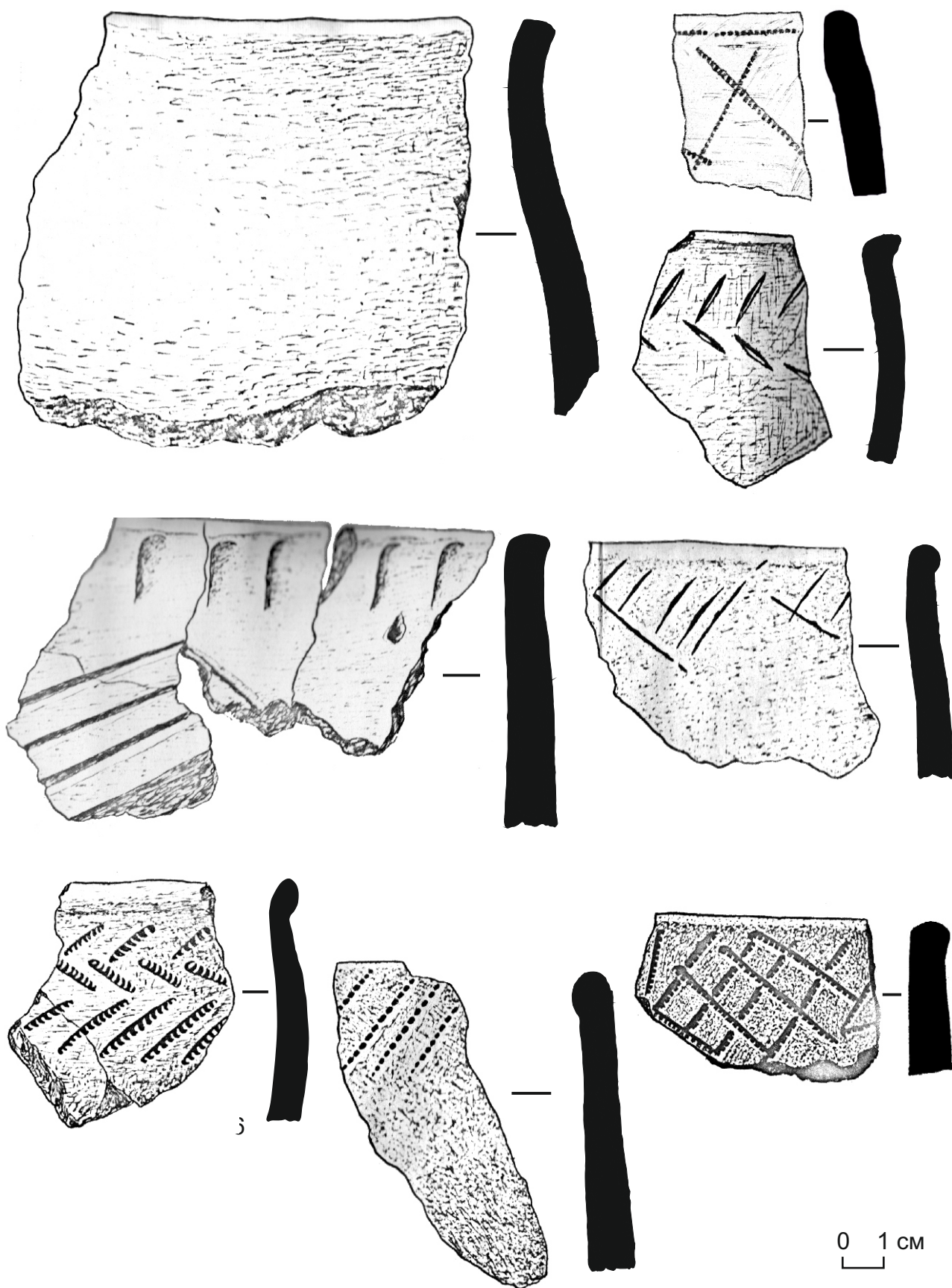

Рис. 18. Родниковое поселение. Керамика срубной культурной группы. Фрагменты баночных сосудов.

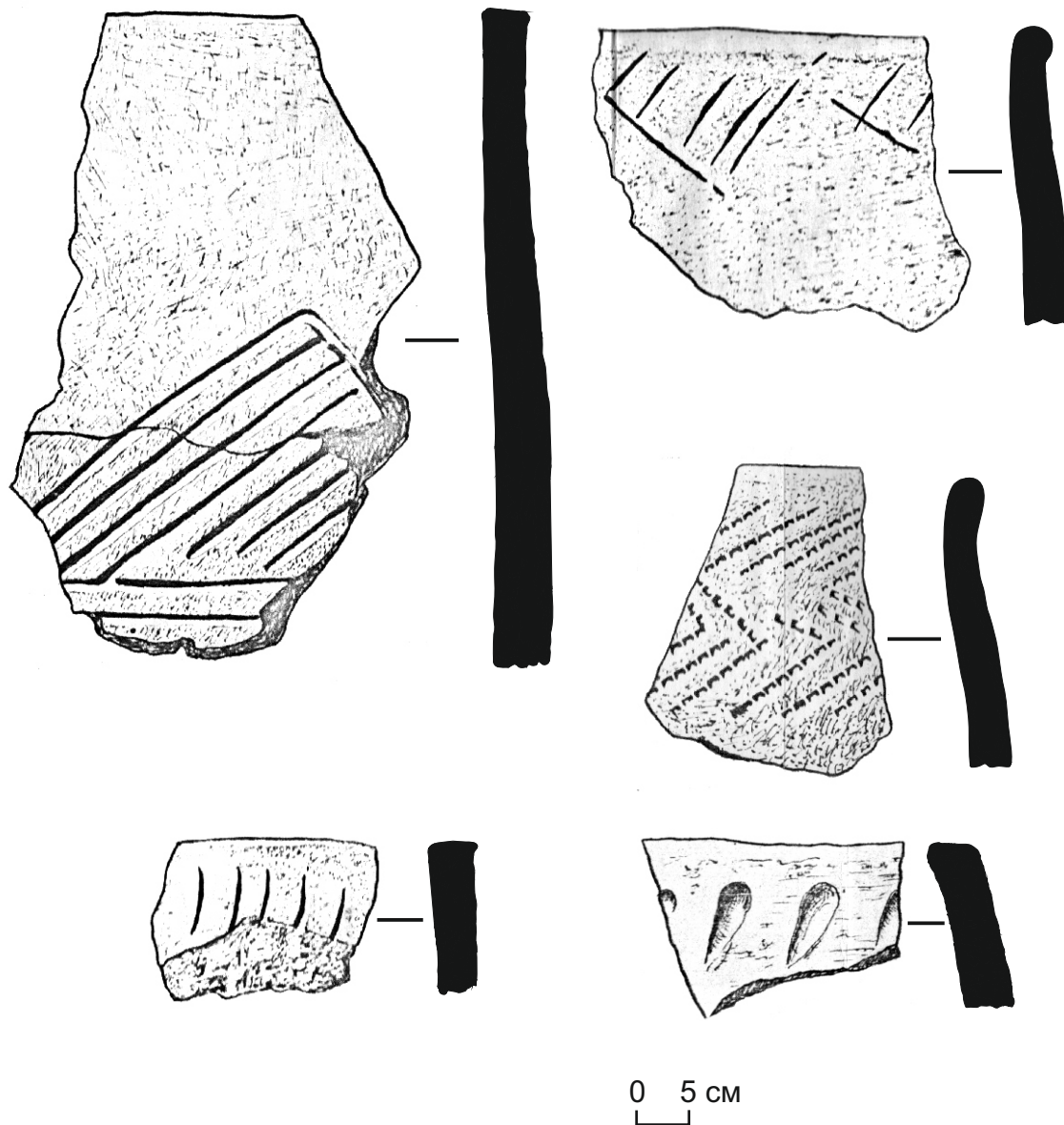

Рис. 19. Родниковое поселение. Керамика срубной культурной группы. Фрагменты баночных сосудов.

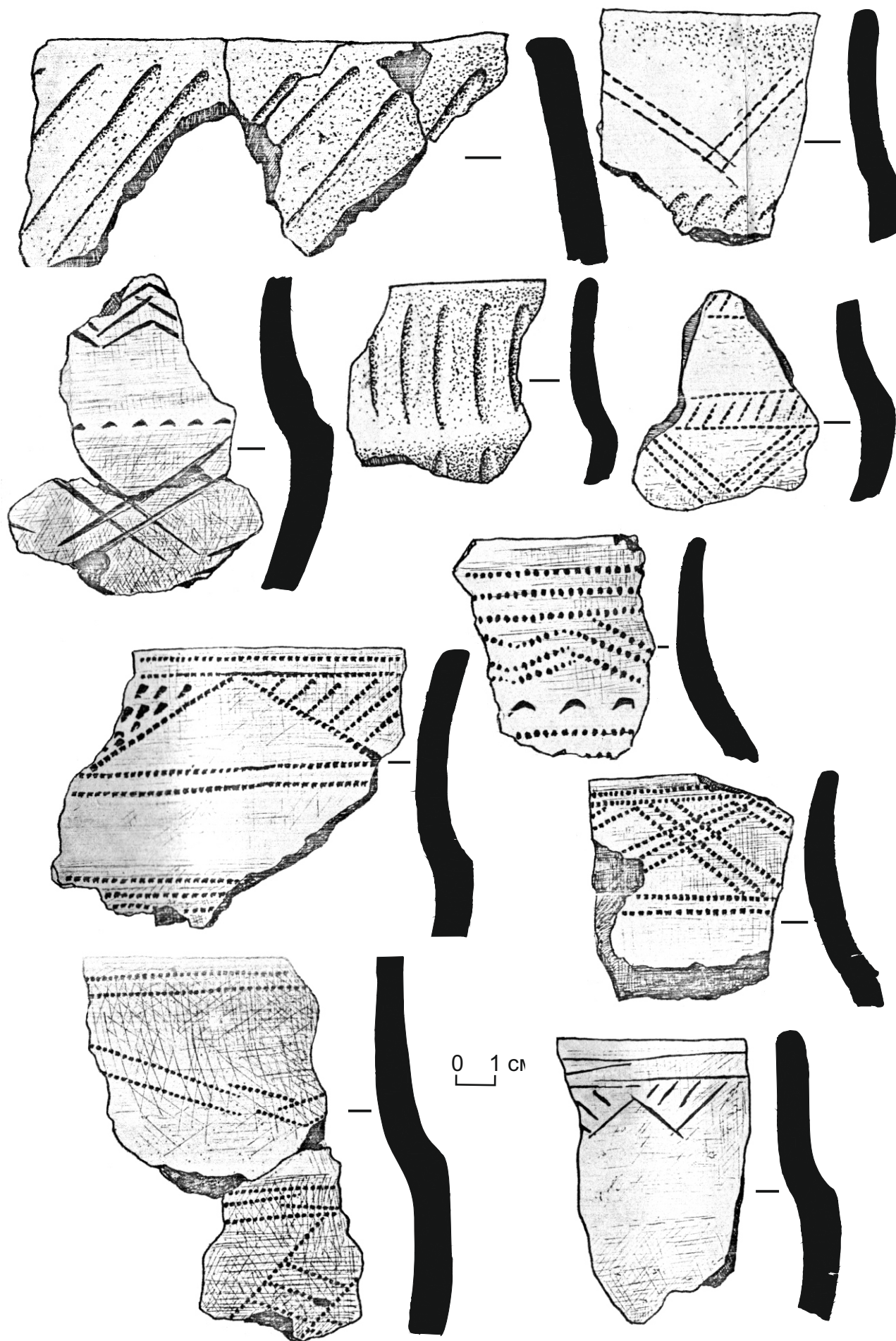

Рис. 20. Родниковое поселение. Керамика срубно-алакульской культурной группы. Горшки с уступчатым плечом.

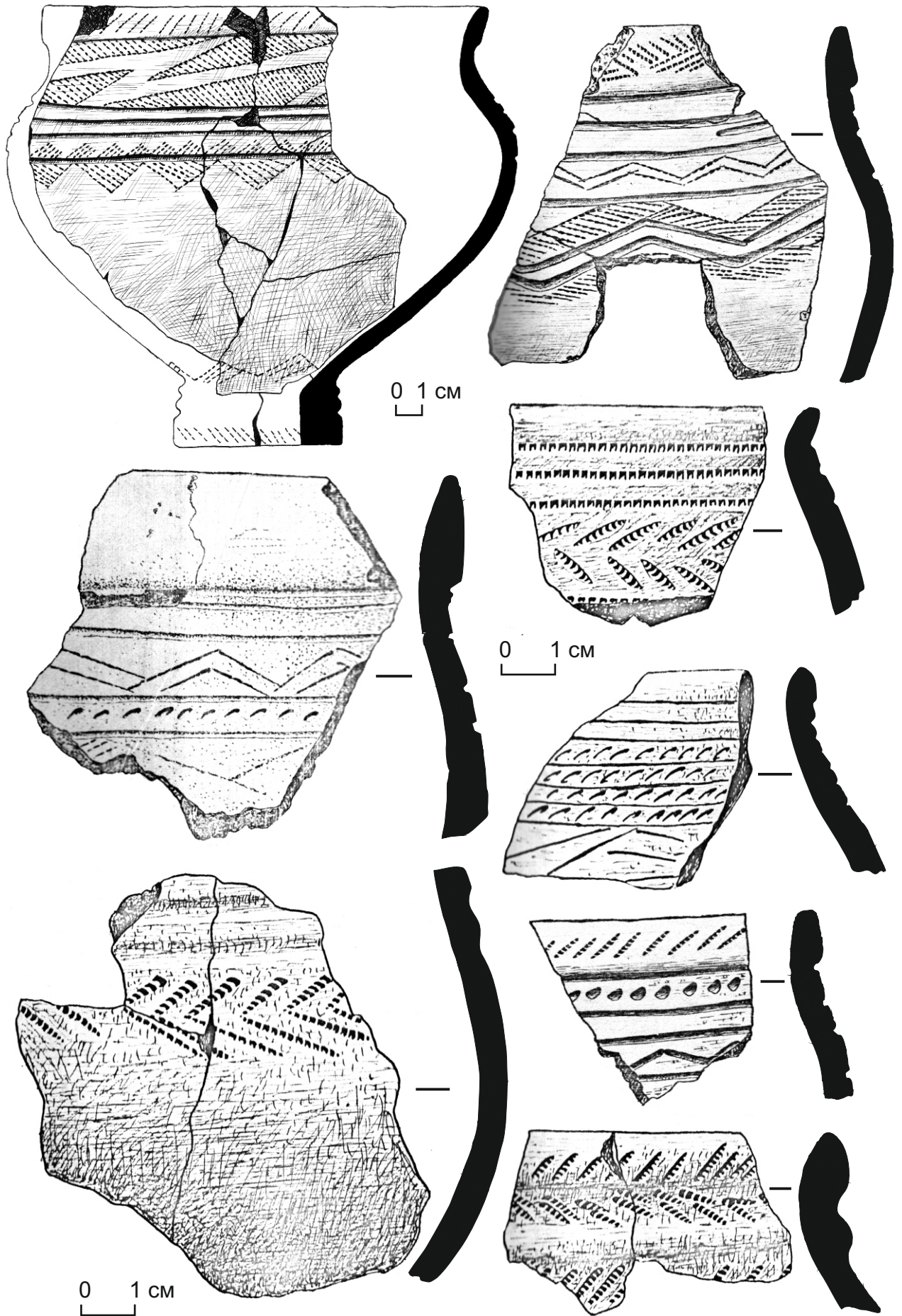

Рис. 21. Родниковое поселение. Керамика черкаскульской культурной группы.

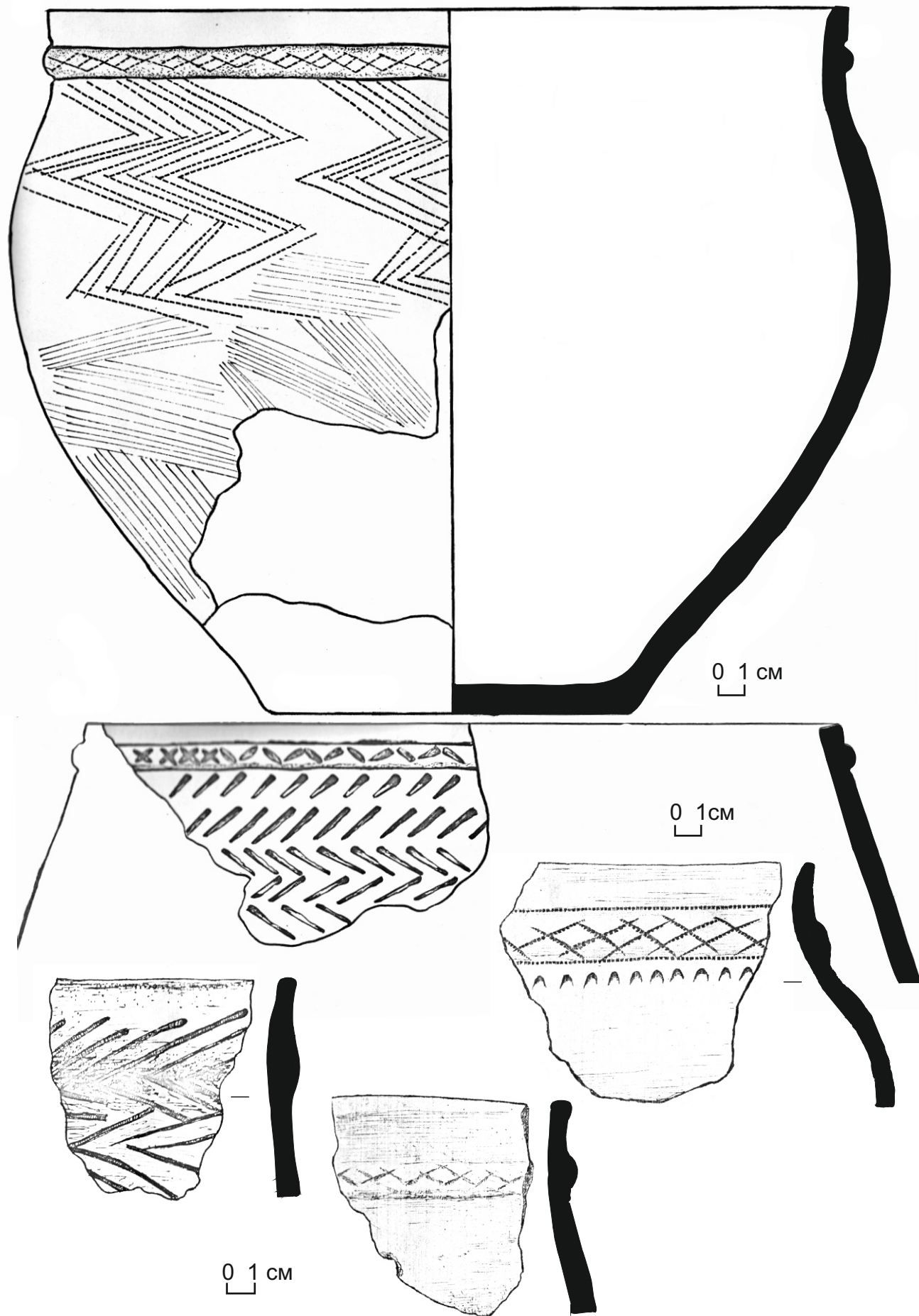

Рис. 22. Родниковое поселение. Керамика финального этапа бронзового века. Сосуды с валиками.

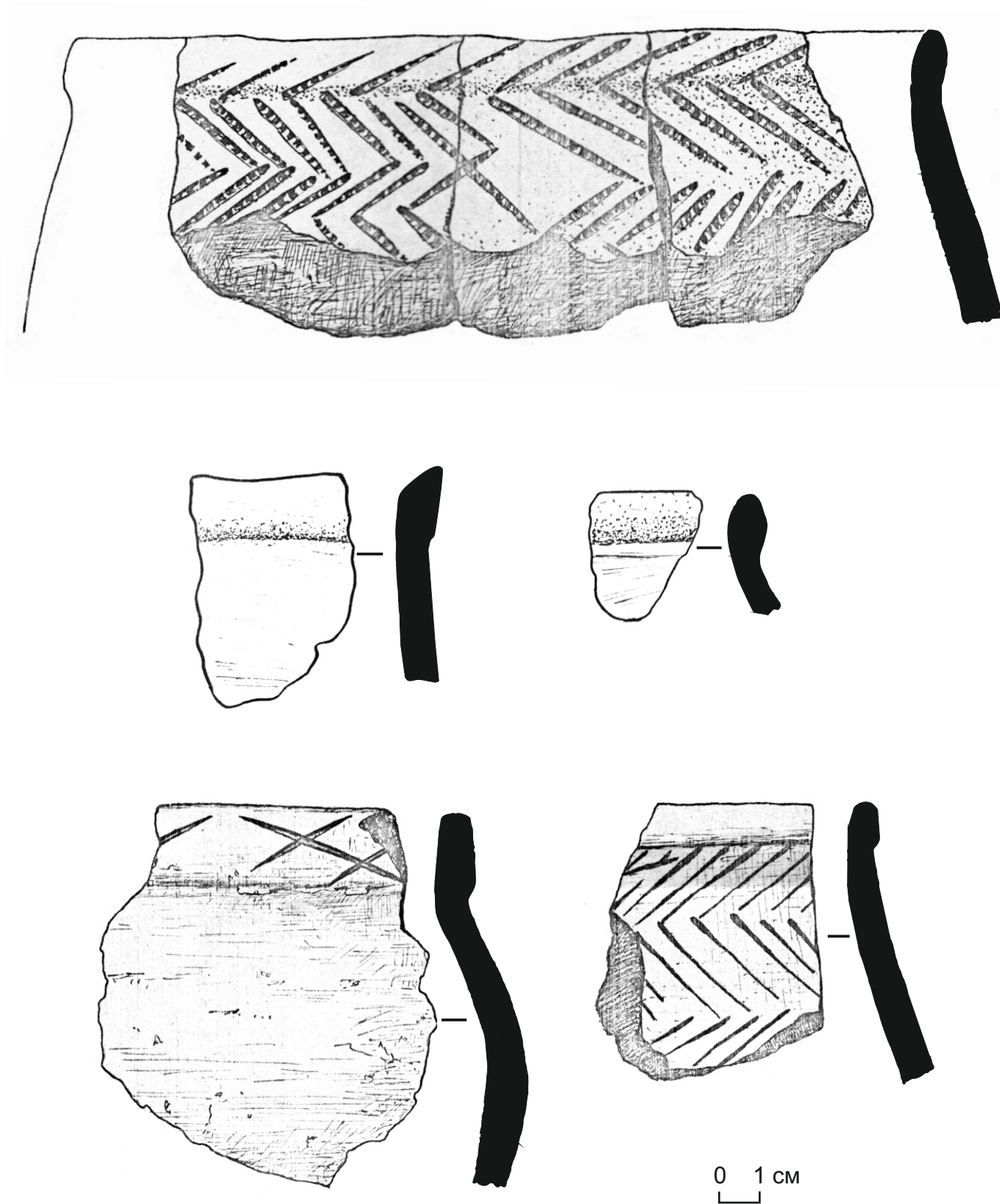

Рис. 23. Родниковое поселение. Керамика финального этапа бронзового века. Сосуды с воротничками.

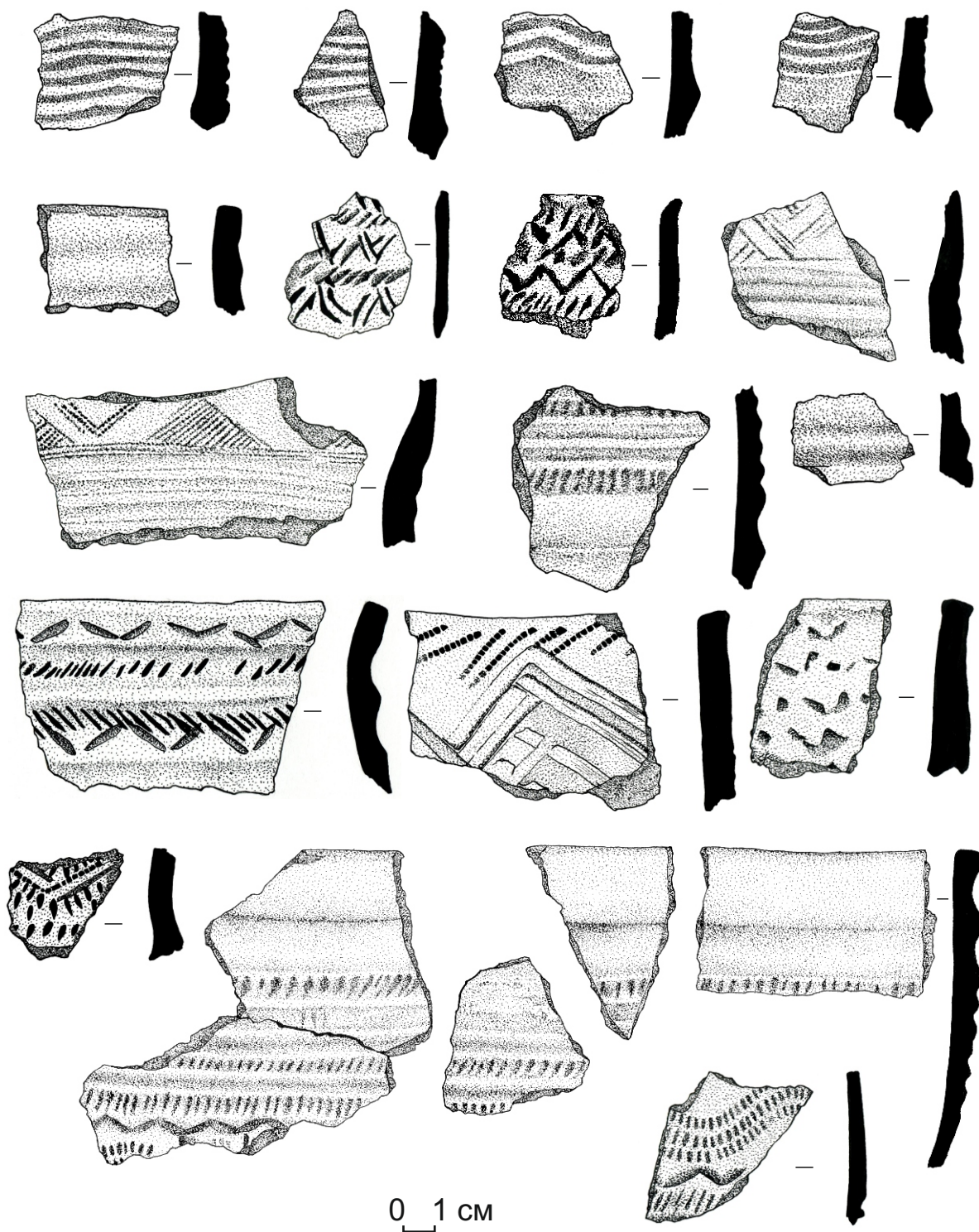

Рис. 24. Поселение Малоюлдашево I. Керамика синташтинско-абашевской культурной группы.

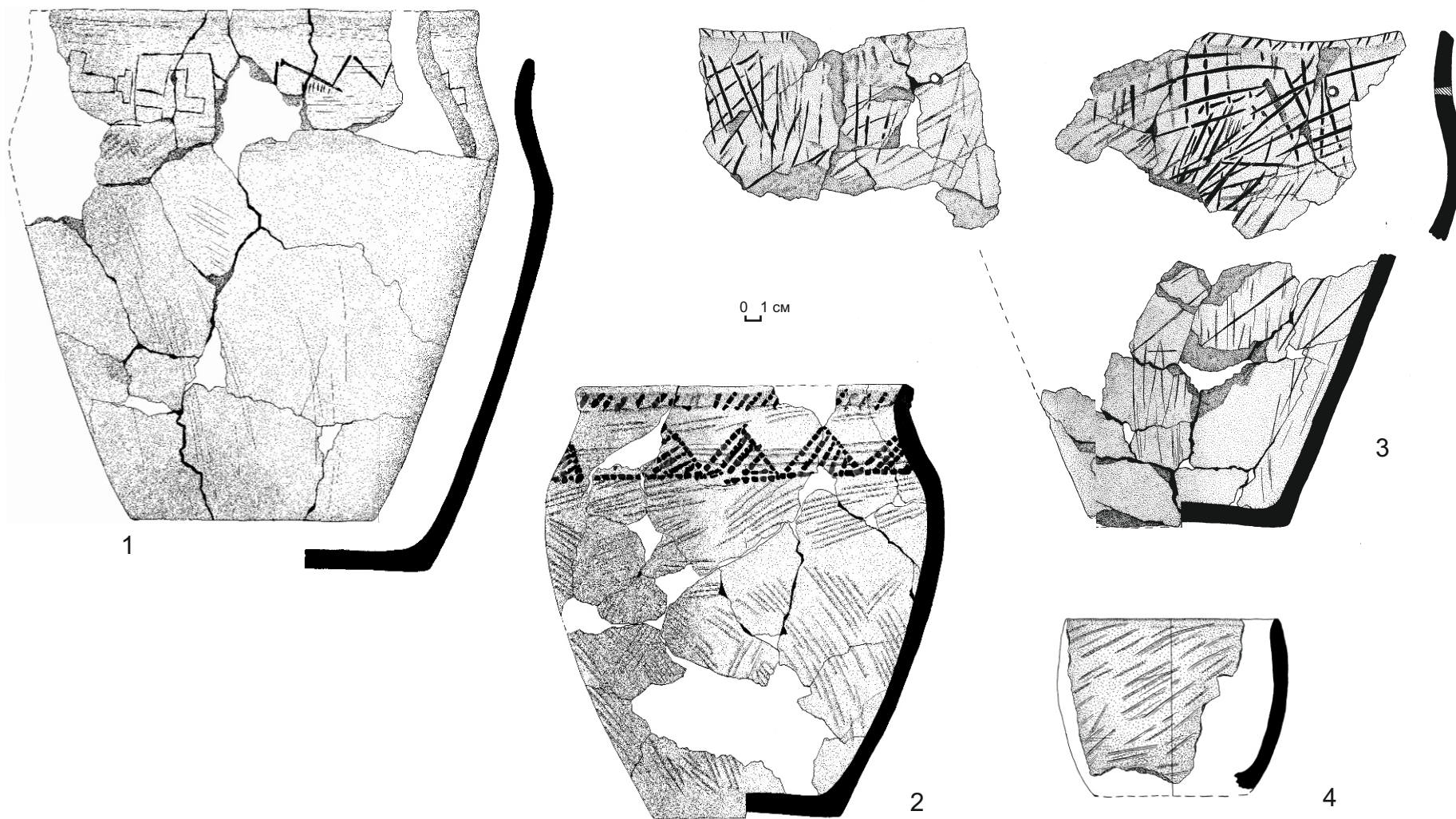

Рис. 25. Поселение Малоюлдашево I. Керамика раннесрубной культурной группы. 1-3 плавнопрофилированные горшки; 4-закрытая банка.

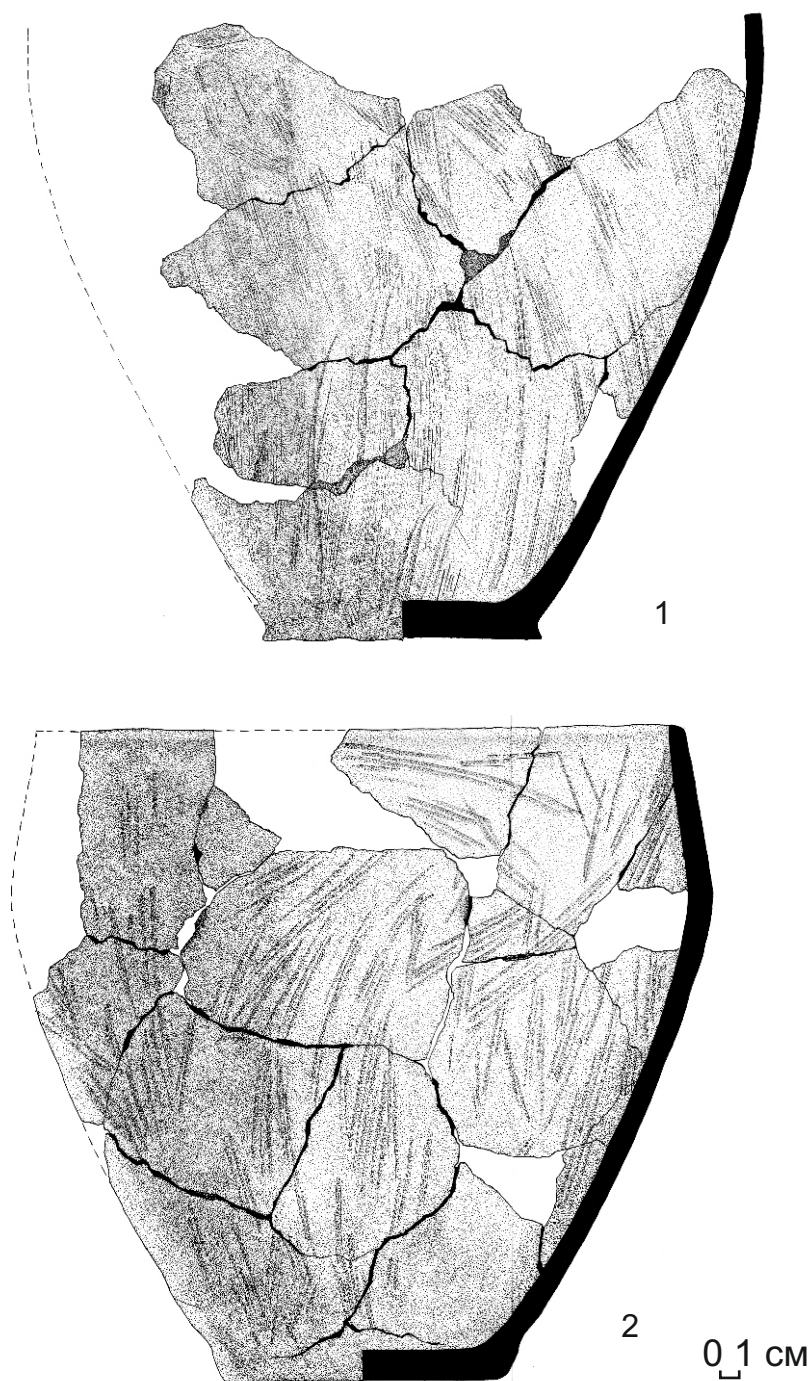

Рис. 26. Поселение Малоюлдашево I. Керамика раннесрубной культурной группы. 1-закрытая банка; 2-биконический сосуд.

Рис. 27. Поселение Малоюлдашево I. Керамика раннесрубной культурной группы.

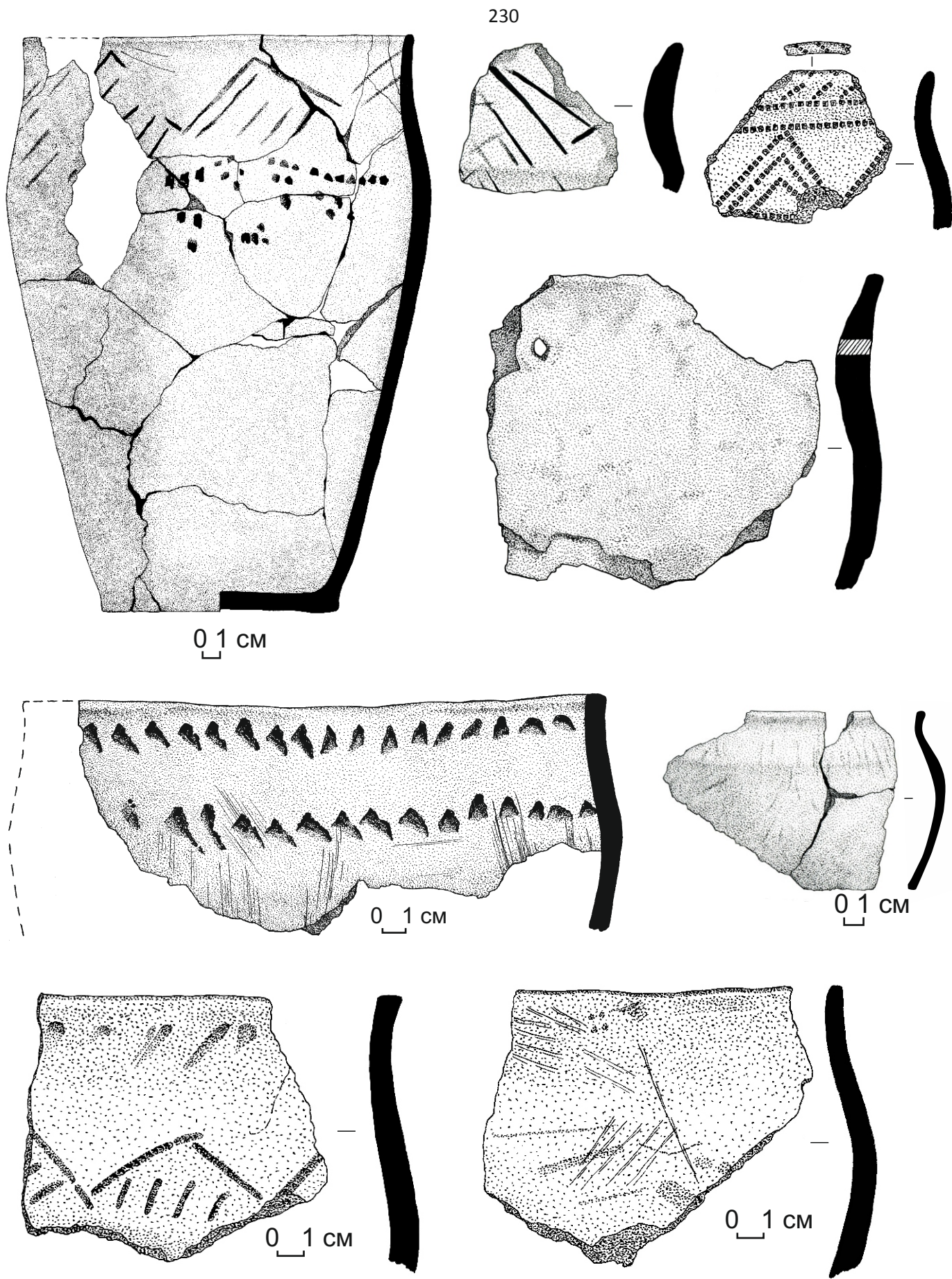

Рис. 28. Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубной культурной группы. Плавнопрофилированные горшки.

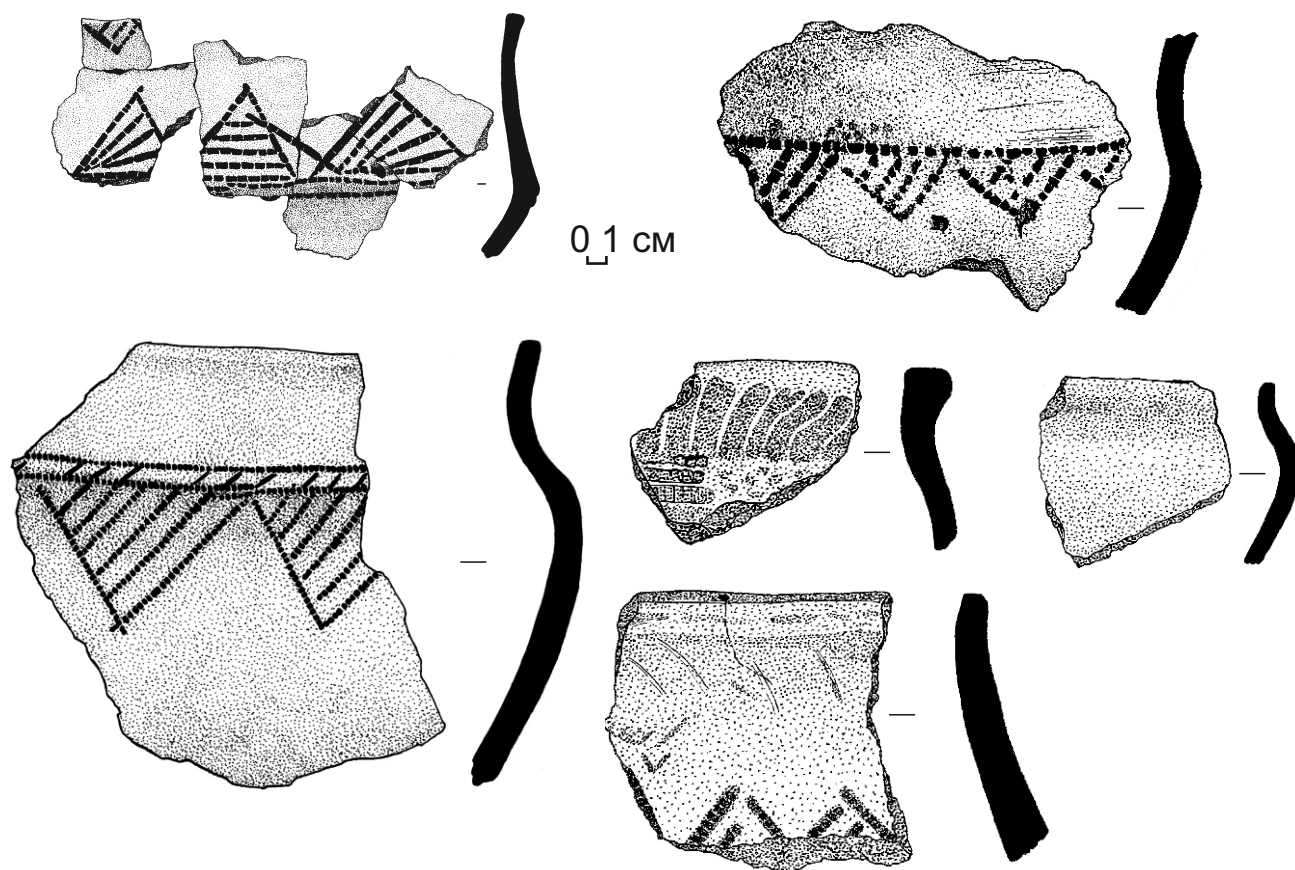

Рис. 29. Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубной культурной группы. Острореберные горшки.

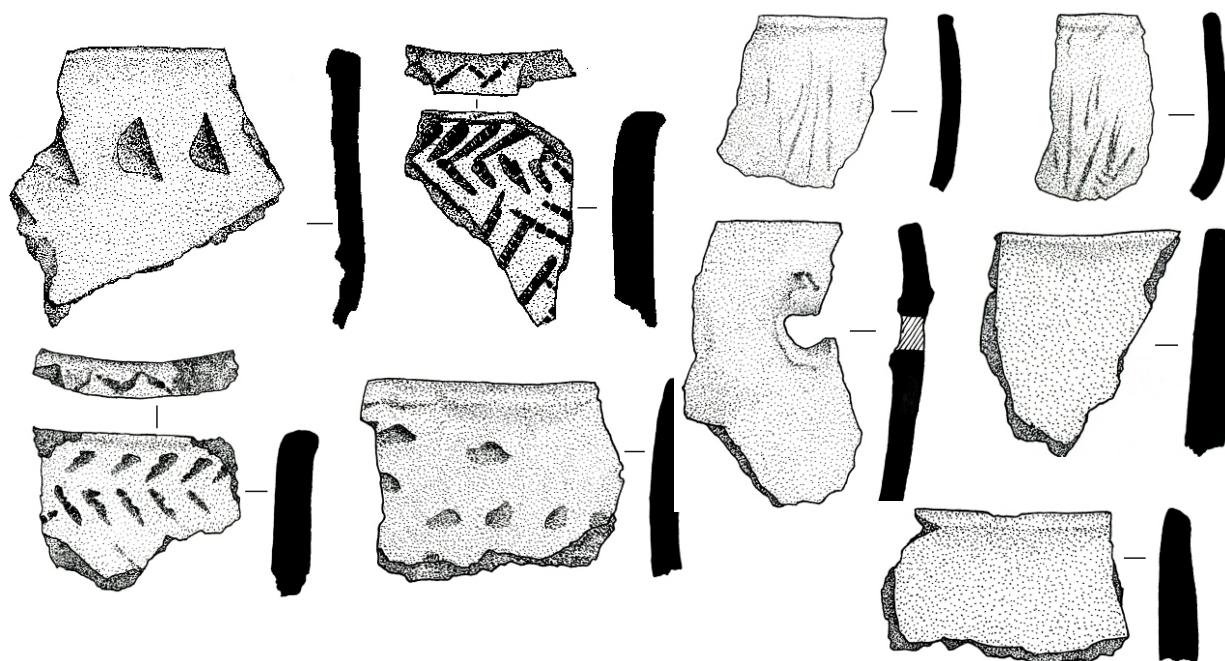

Рис. 30. Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубной культурной группы. Открытые банки.

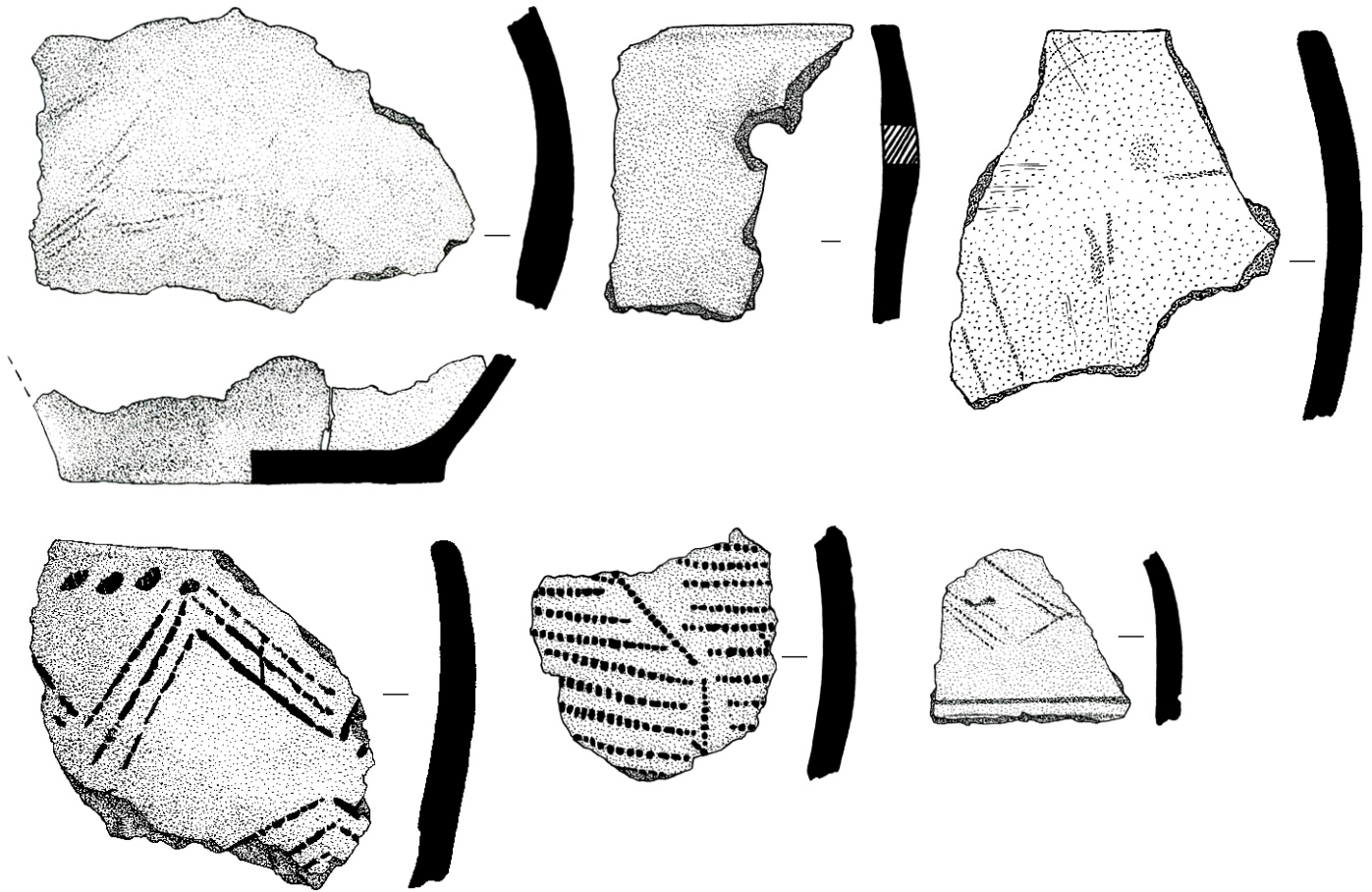

Рис. 31. Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубной культурной группы. Закрытые банки.

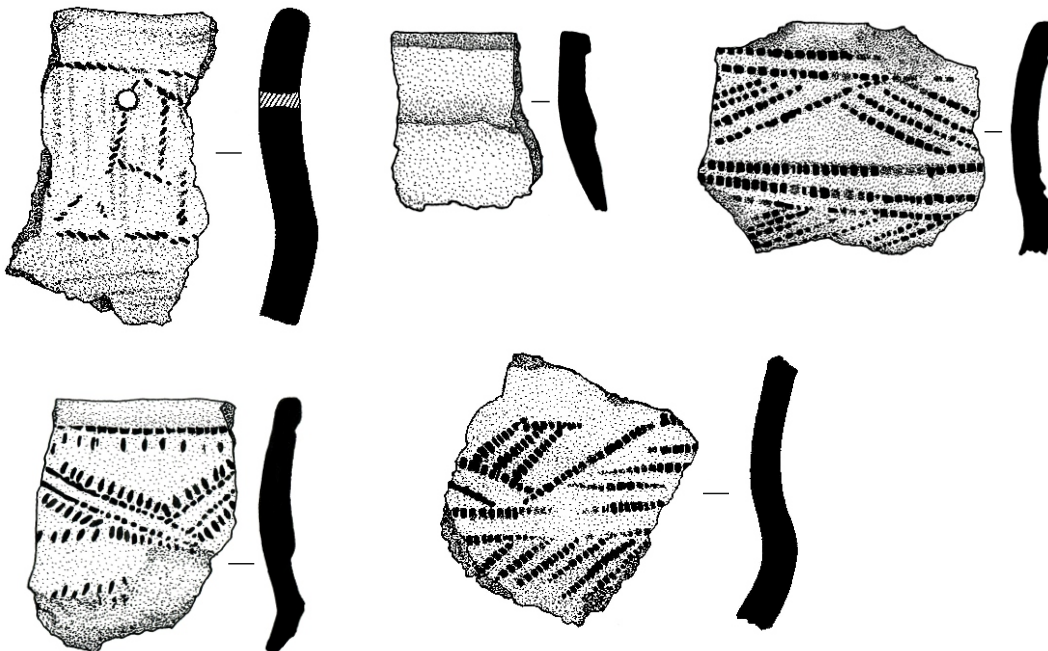

Рис. 32. Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубно-алакульской культурной группы. Горшки с уступчатым плечом.

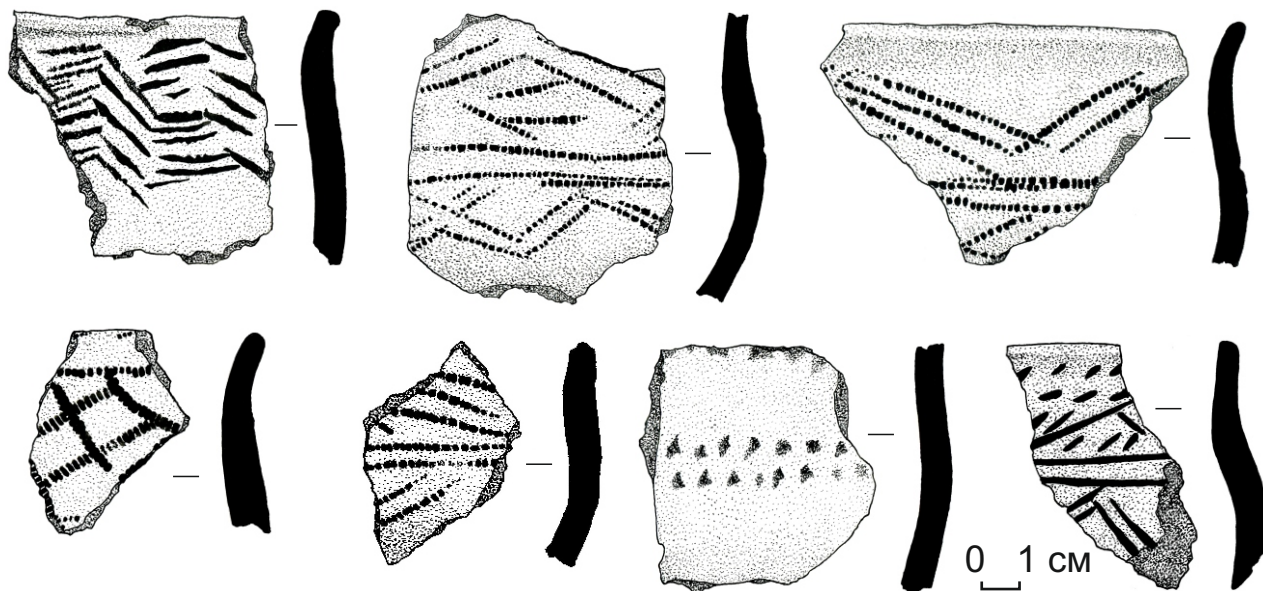

Рис. 33. Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубно-алакульской культурной группы. Плавнопрофилированные горшки.

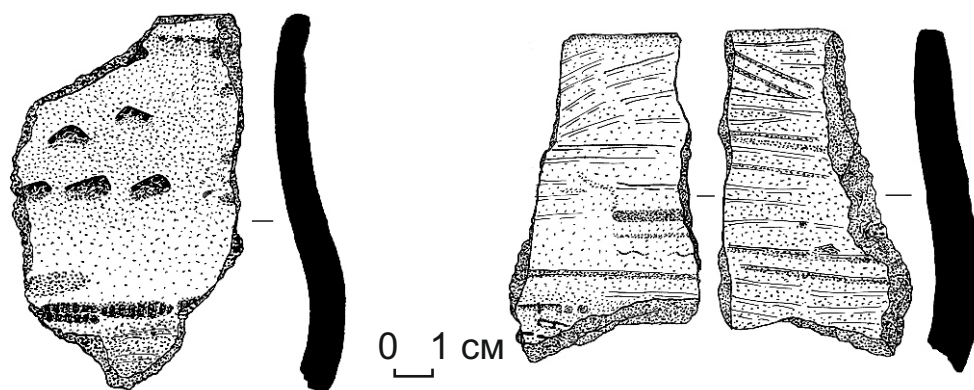

Рис. 34. Поселение Малоюлдашево I. Керамика срубно-алакульской культурной группы. Плавнопрофилированные горшки с высокой шей и округлыми боками.

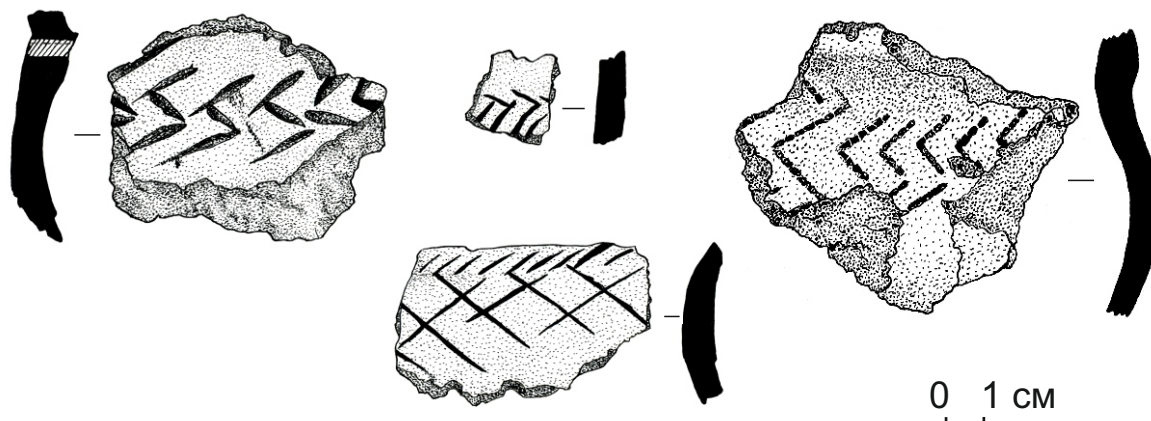

Рис. 35. Поселение Малоюлдашево I. Керамика финальной бронзы.

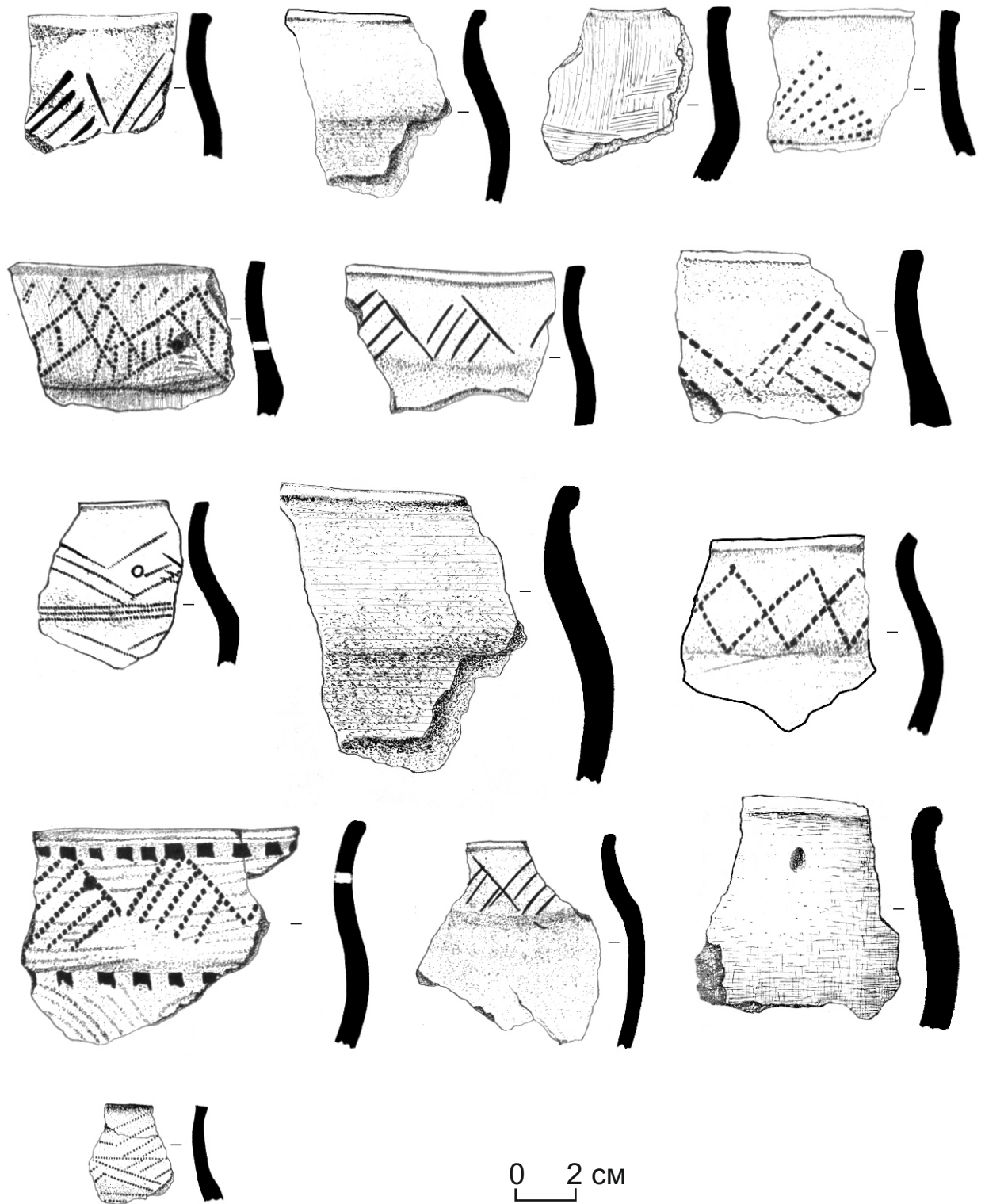

Рис. 36. II Сухореченского поселения Керамика срубной культурной группы
Плавнопрофилированные горшки.

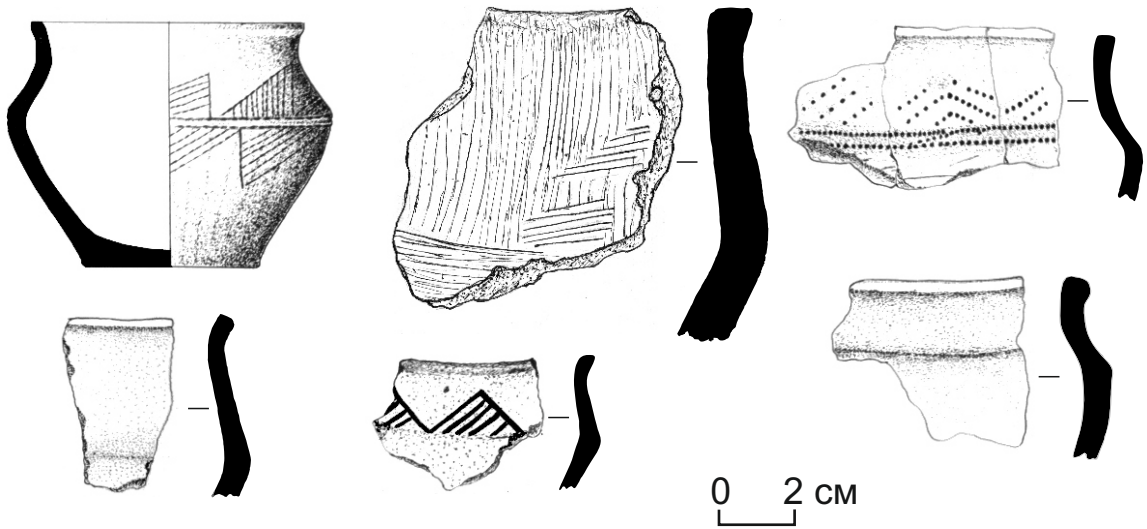

Рис. 37. II Сухореченского поселения Керамика срубной культурной группы
Острорезные горшки.

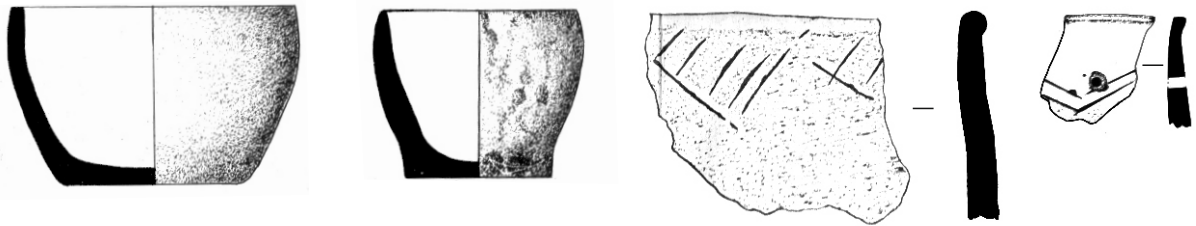

Рис. 38. II Сухореченского поселения Керамика срубной культурной группы
Открытые банки.

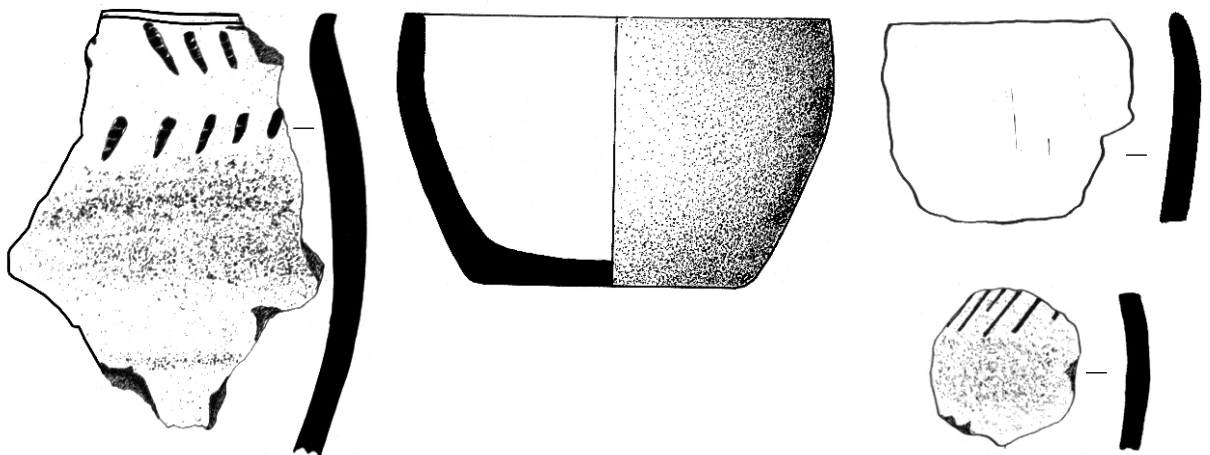

Рис. 39. II Сухореченского поселения Керамика срубной культурной группы
Закрывые банки.

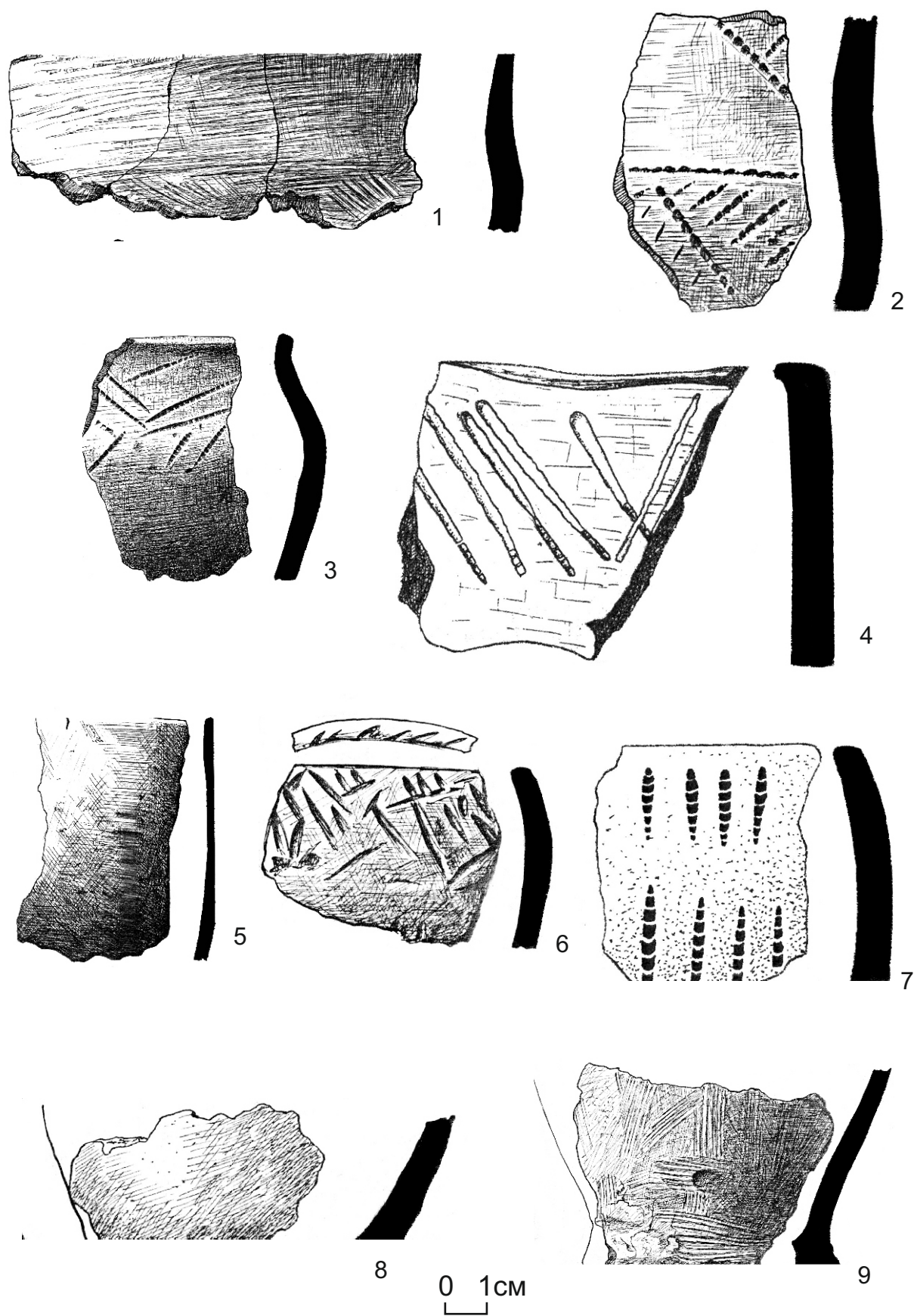

Рис. 40. Покровское поселение. Керамика раннесрубной культурной группы. 1-2 - плавнопрофилированные горшки; 3-острореберные горшки; 4-5 - открытые банки; 6-7- закрытые банки; 8-9 - днища.

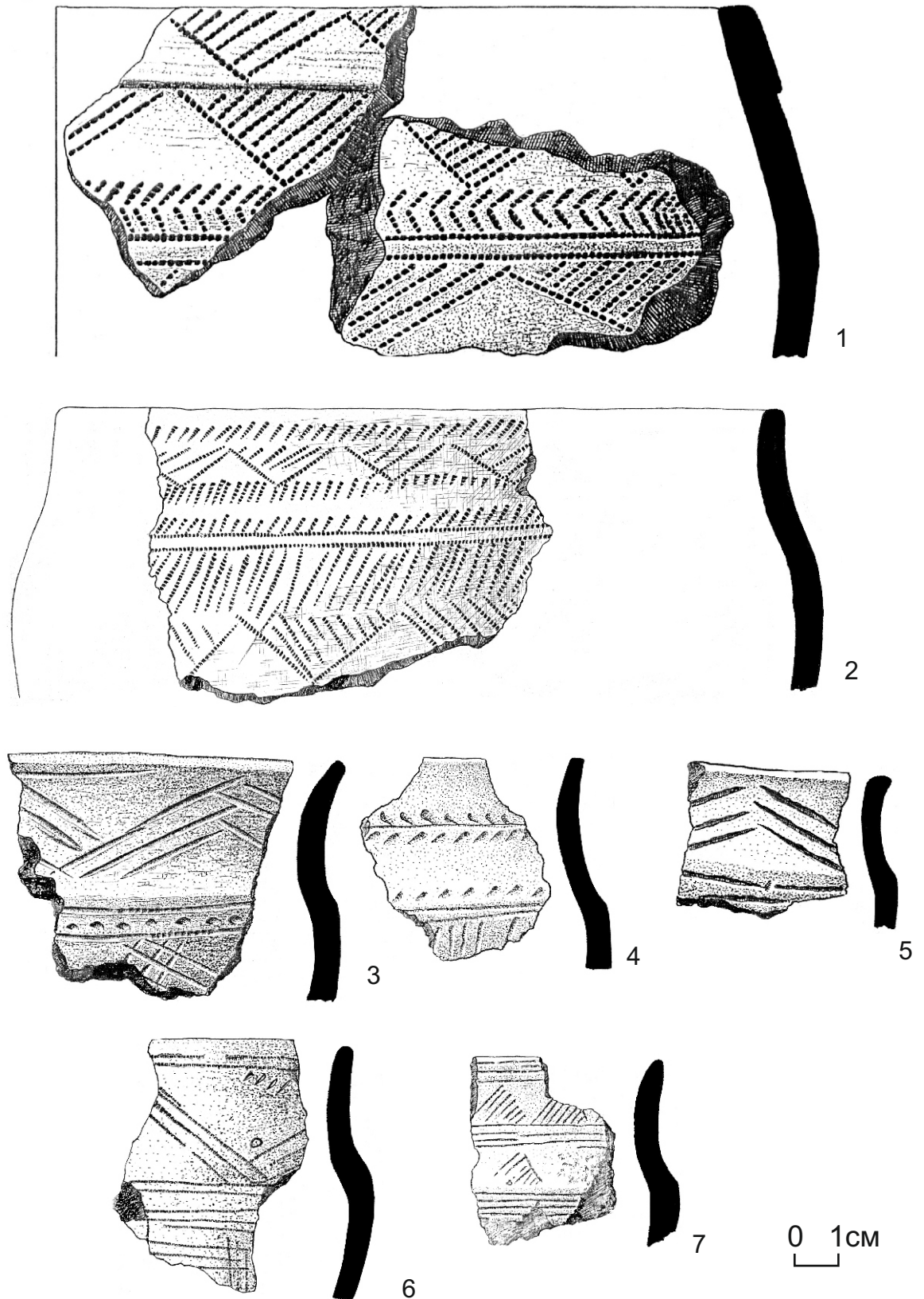

Рис. 41. Покровское поселение. Керамика раннеалакульской культурной группы. 1- сосуд с воротничком на шее; 2 - плавнопрофилированный горшок; 3-5 - горшки с намечающимся уступом; 6-7 - срубно-алакульская группа керамики раннего этапа.

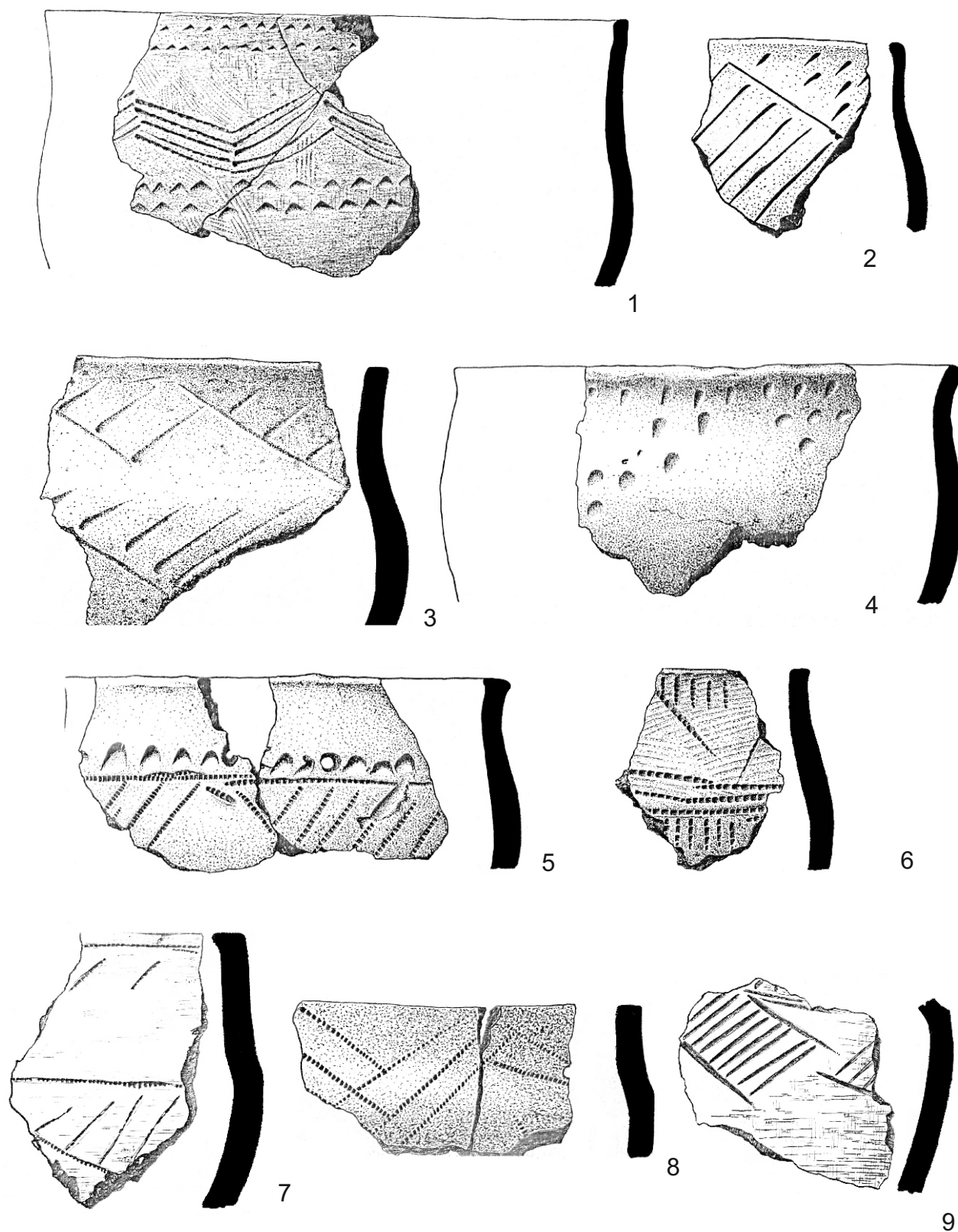

Рис. 42. Покровское поселение. Керамика срубной культурной группы. 1-6 плавнопрофилированные горшки; 7-9- остросеребряные горшки.

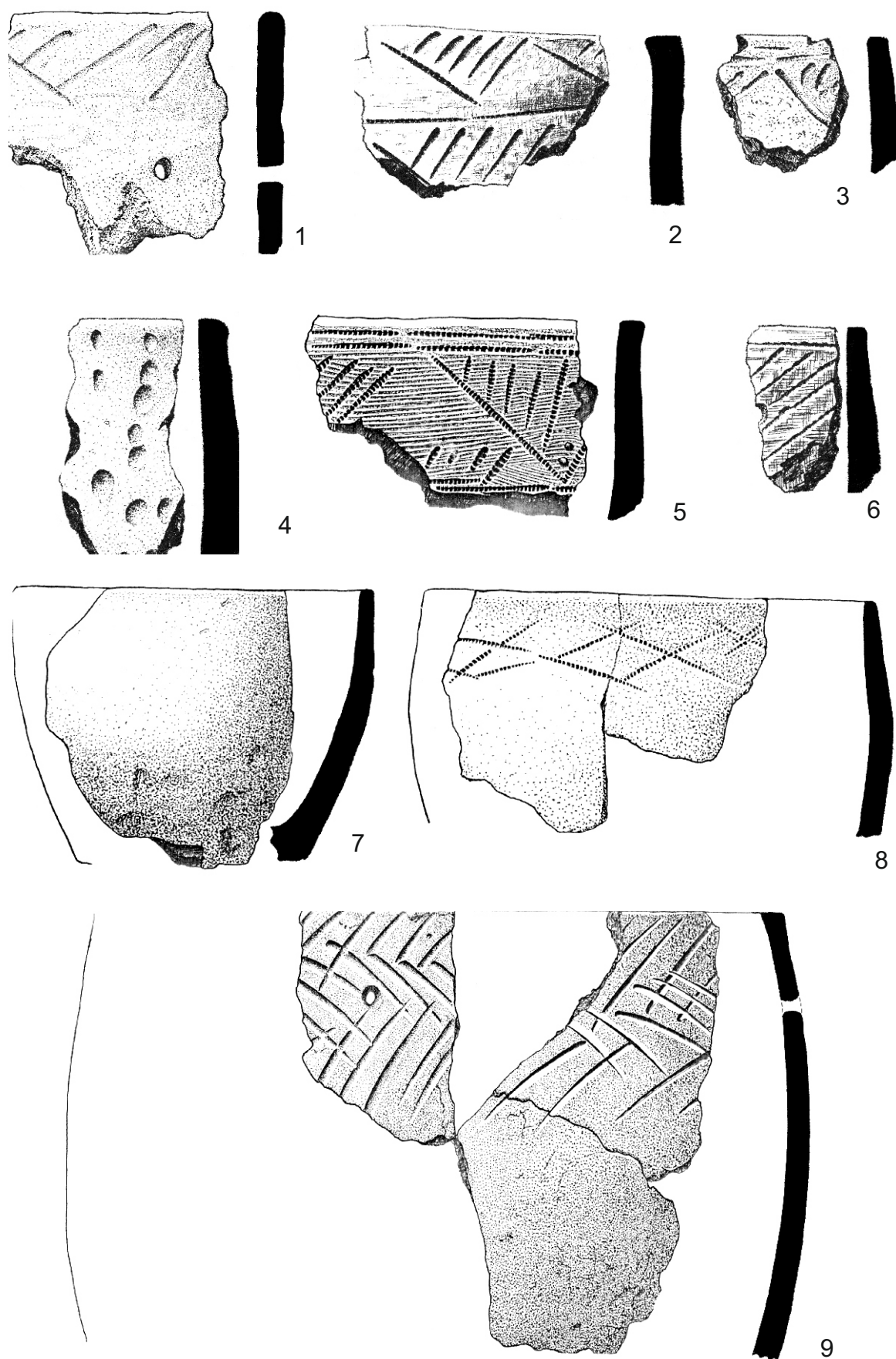

Рис. 43. Покровское поселение. Керамика срубной культурной группы. 1-6-открытые банки; 7-9-закрытые банки.

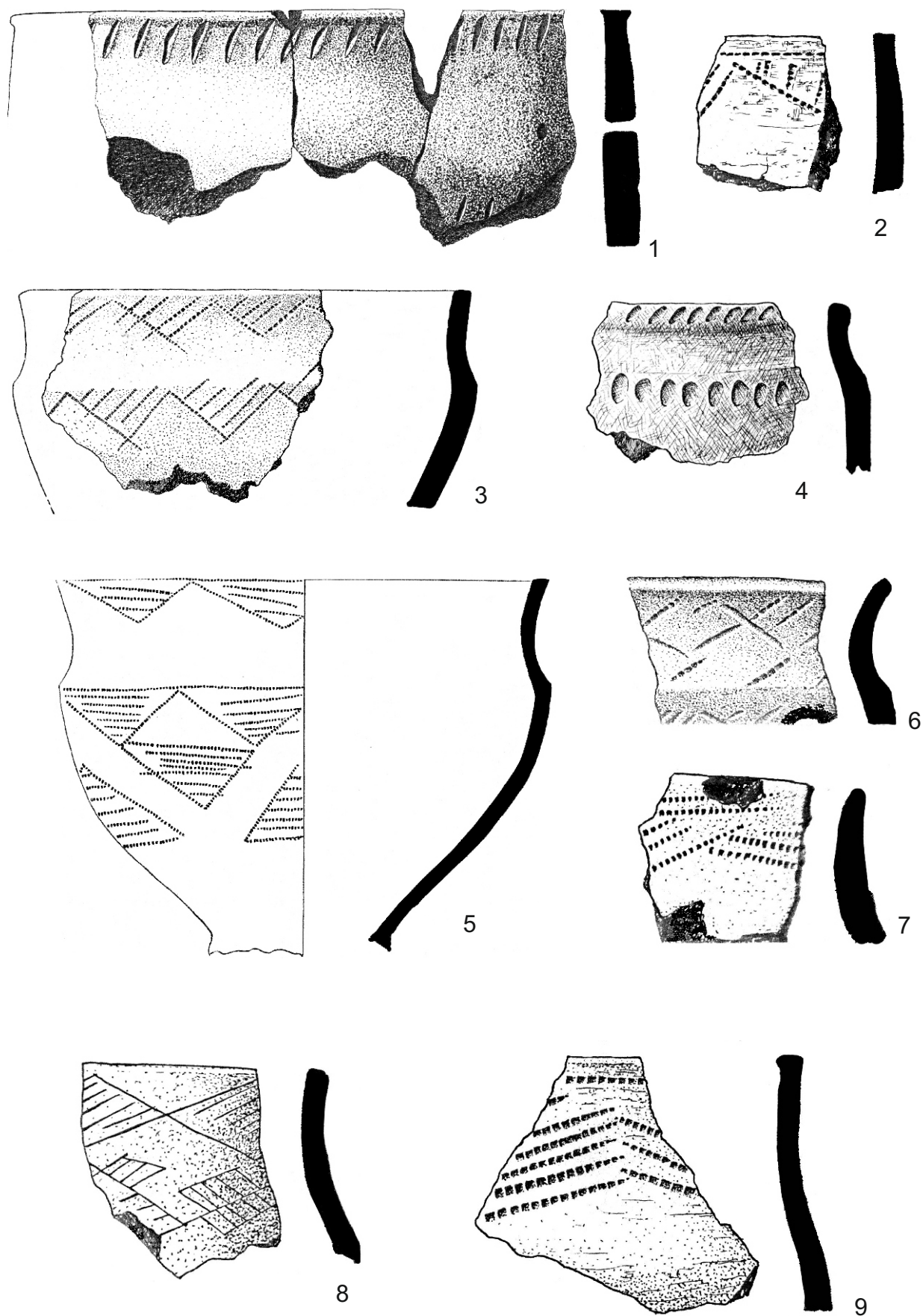

Рис. 44. Покровское поселение. Керамика срубно-алакульской культурной группы. 1-2-открытые банки; 7-9-закрытые банки.

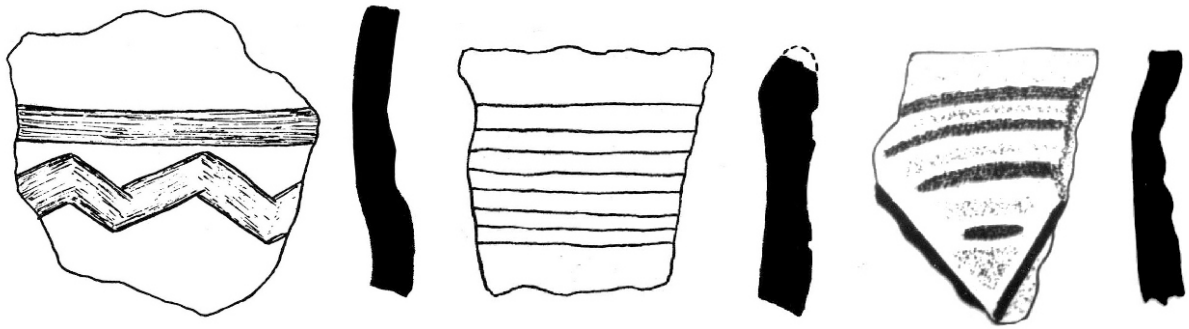

Рис. 45. Токское поселение. Керамика синташтинско-абашевской культурной группы.

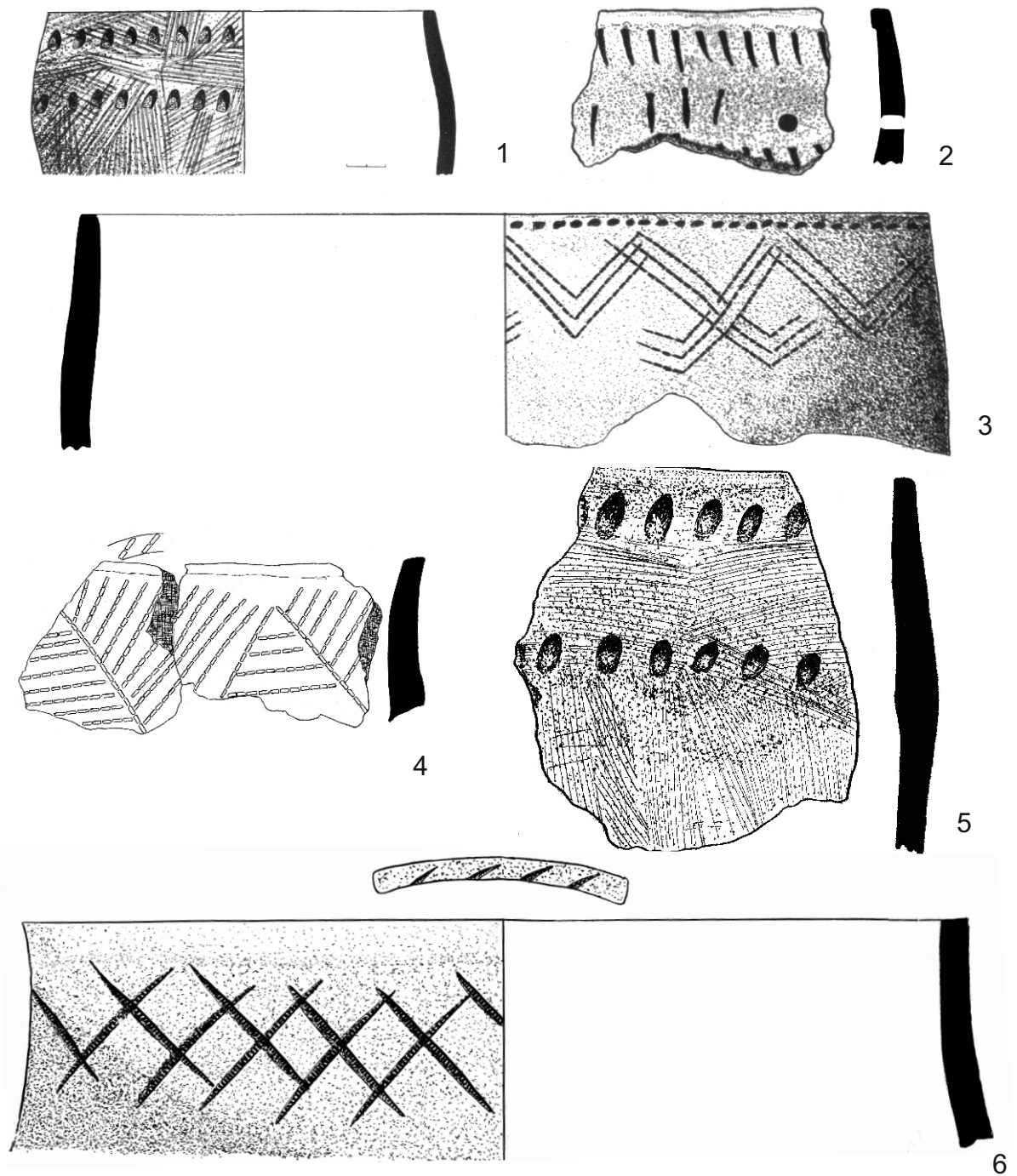

Рис. 46. Токское поселение. Керамика раннесрубной культурной группы. 1-3-закрытые банки; 4-6- открытые банки.

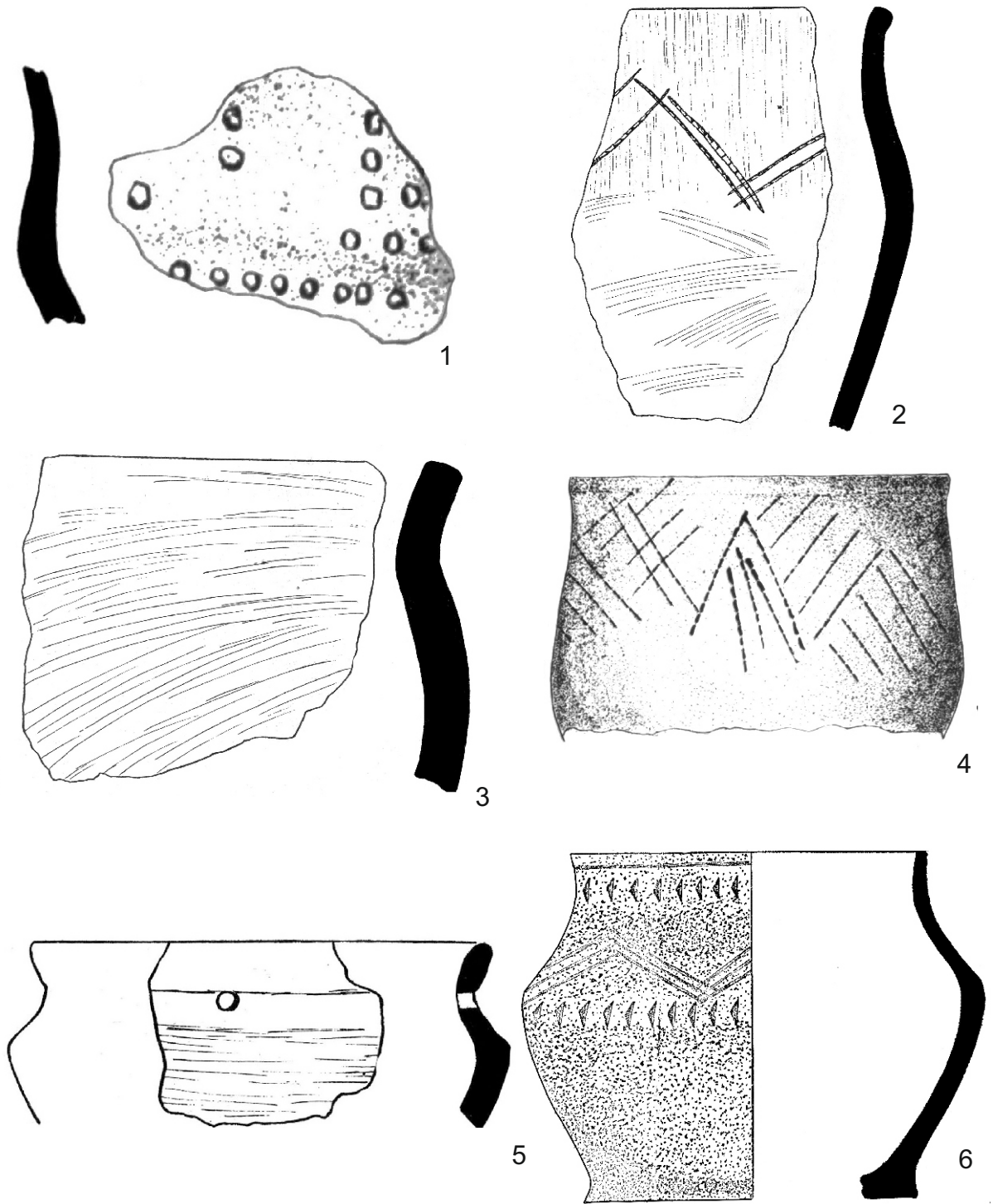

Рис. 47. Токское поселение. Керамика раннесрубной культурной группы. 1-4- плавногопрофильрованные горшки; 5-6- остросеберные горшки.

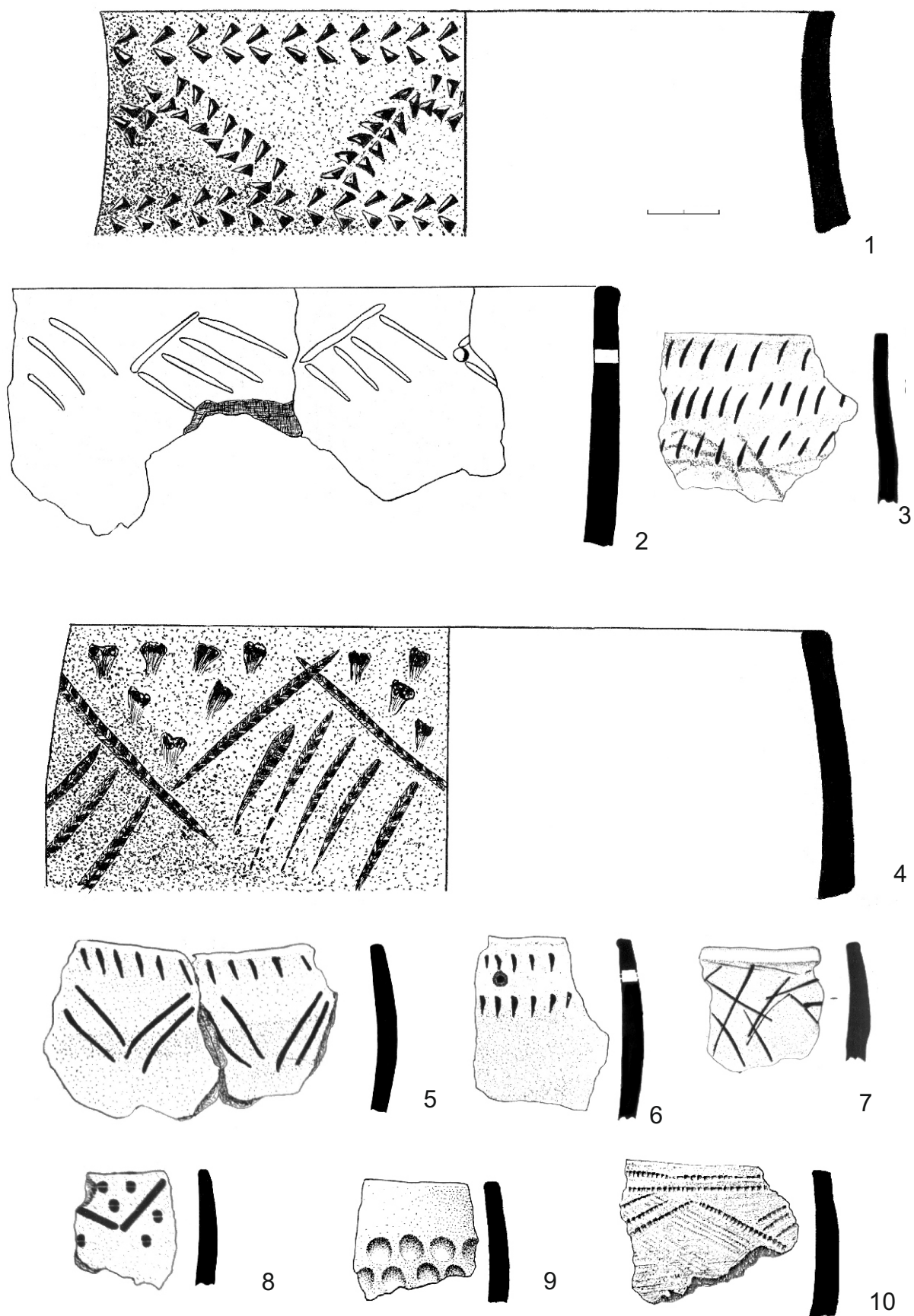

Рис. 48. Токское поселение. Керамика срубной культурной группы. 1-4-открытые банки; 5-10- закрытые банки.

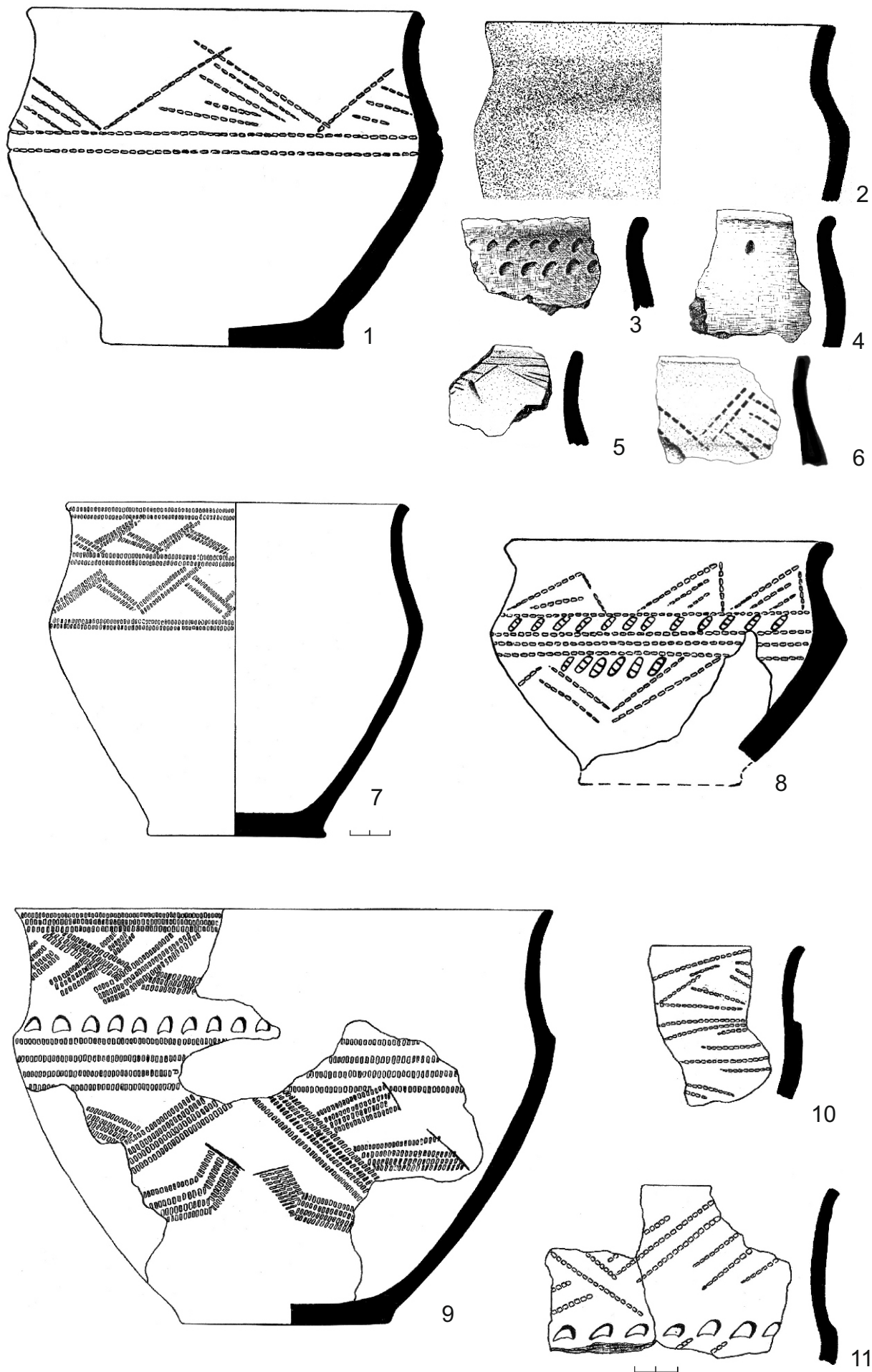

Рис. 49. Токское поселение. Керамика срубной культурной группы. 1-6- плавнoproфилированные горшки; 7-8- остросереберные горшки. Алакульская культурная группа-9-11.

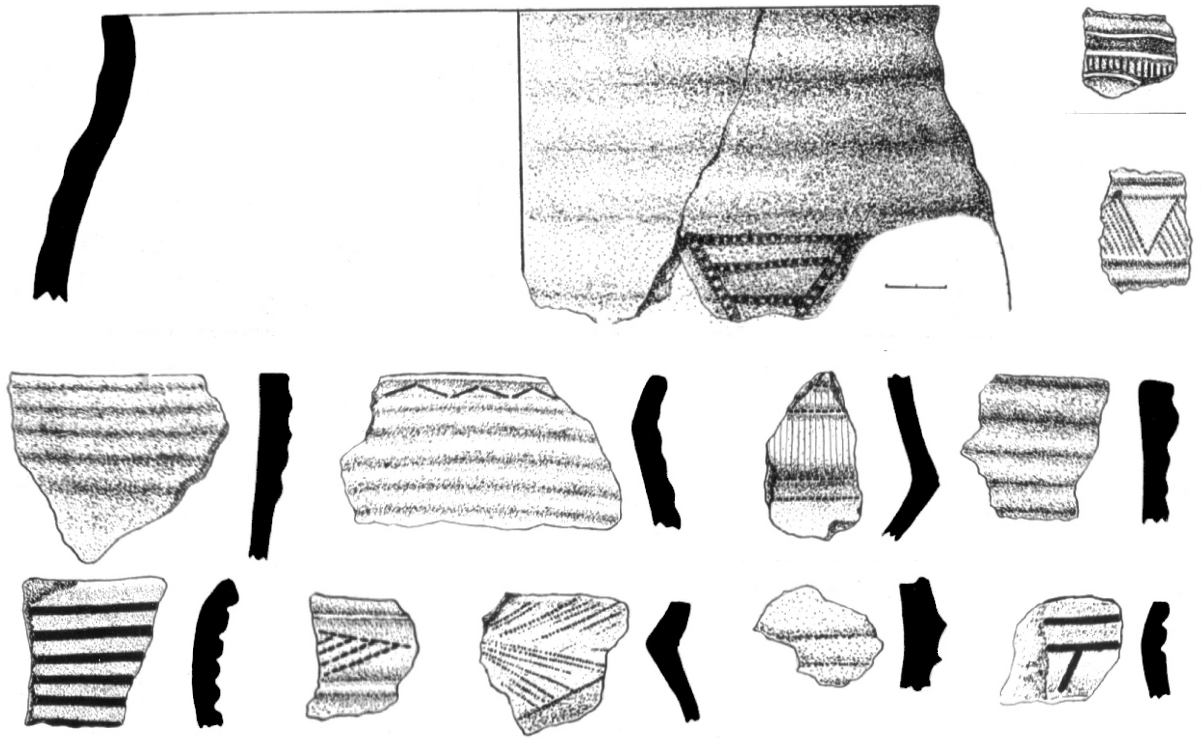

Рис. 50. Ивановское поселение. Керамика синташтинско-абашевской культурной группы.

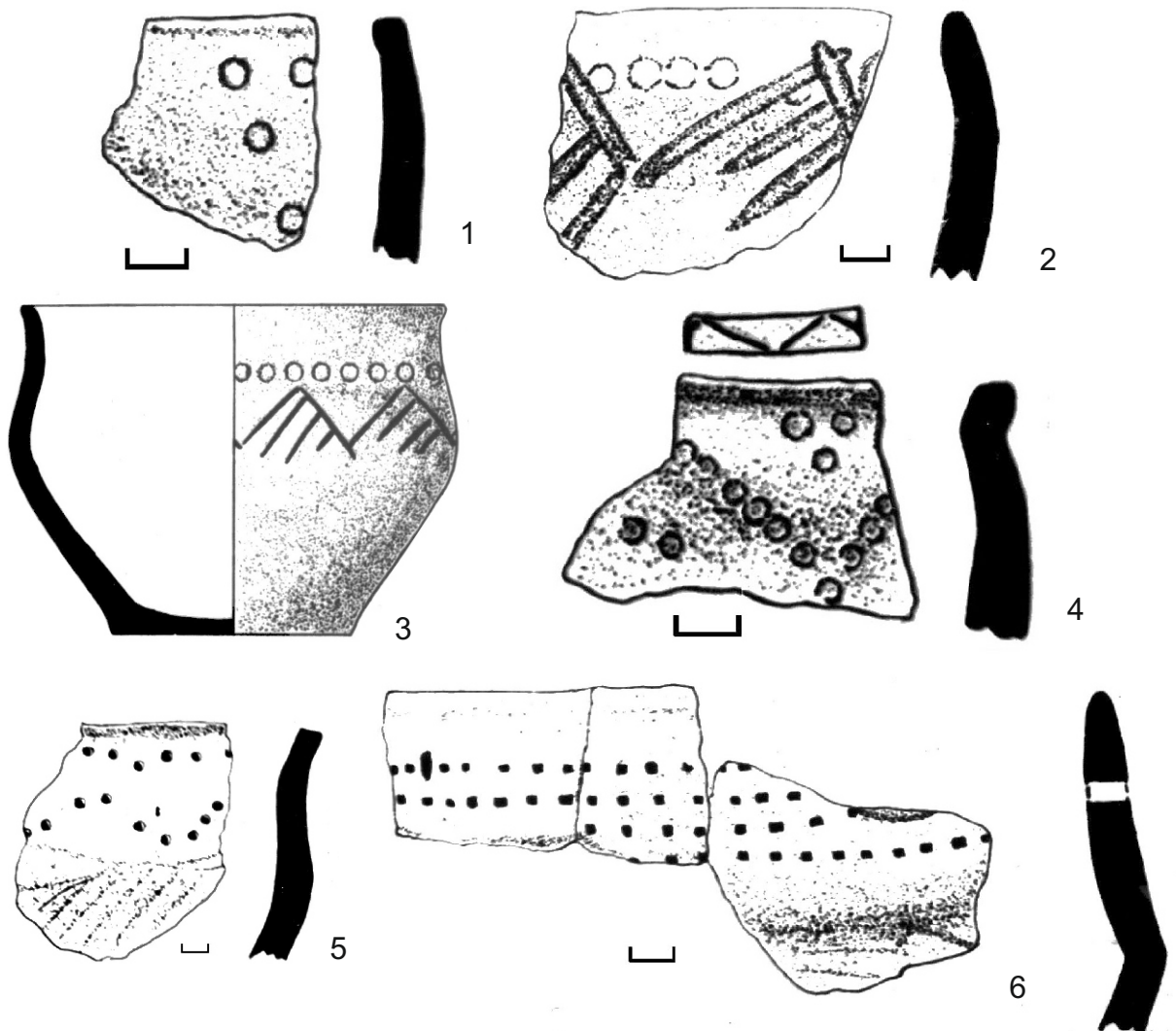

Рис. 51. Ивановское поселение. Керамика раннесрубной культурной группы. 1-2-банки; 3-5 плавнoproфилированные горшки; 6-остроресберный горшок.

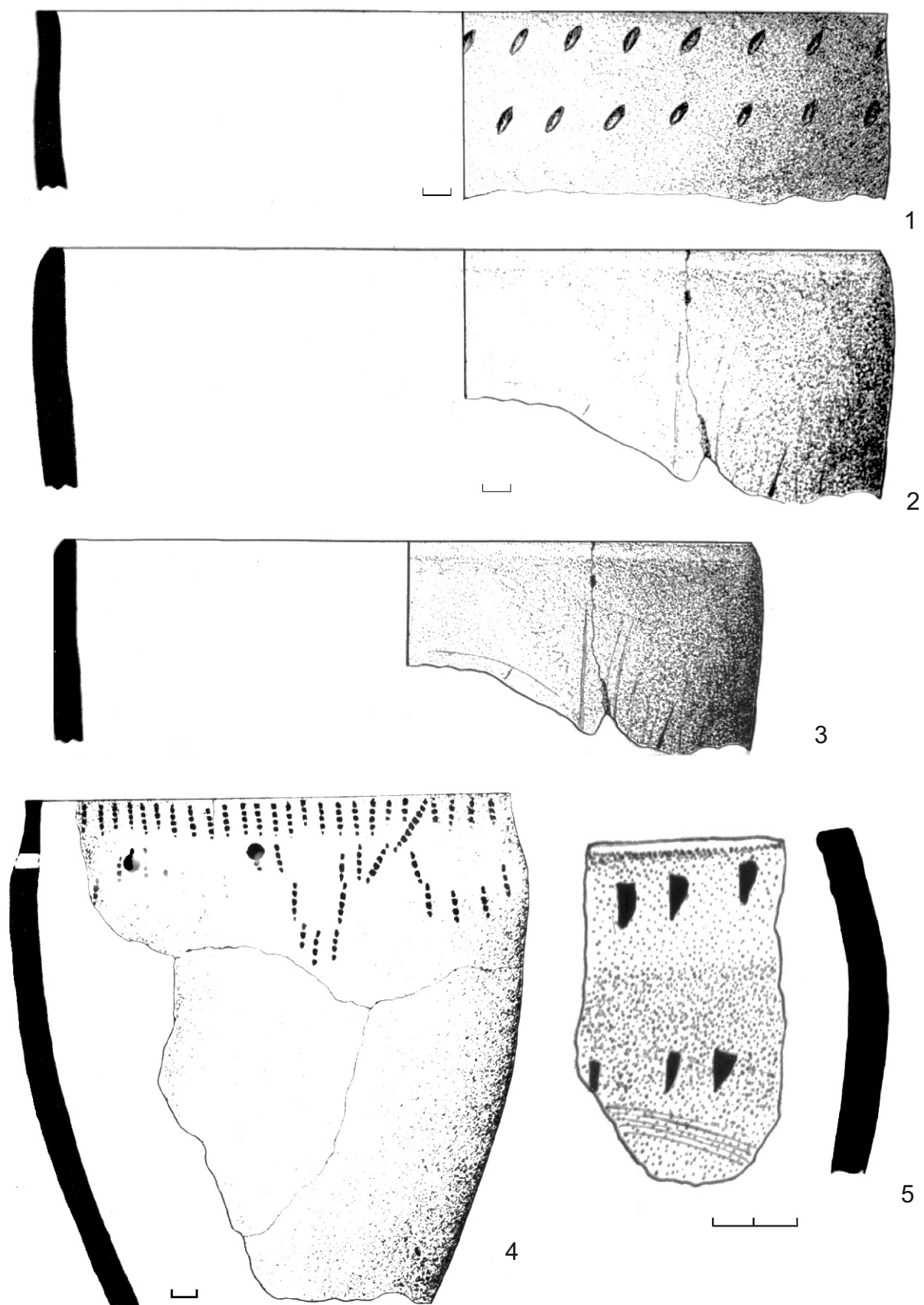

Рис. 52. Ивановское поселение. Керамика срубной культурной группы. 1-3- открытые банки; 4-5-закрытые банки.

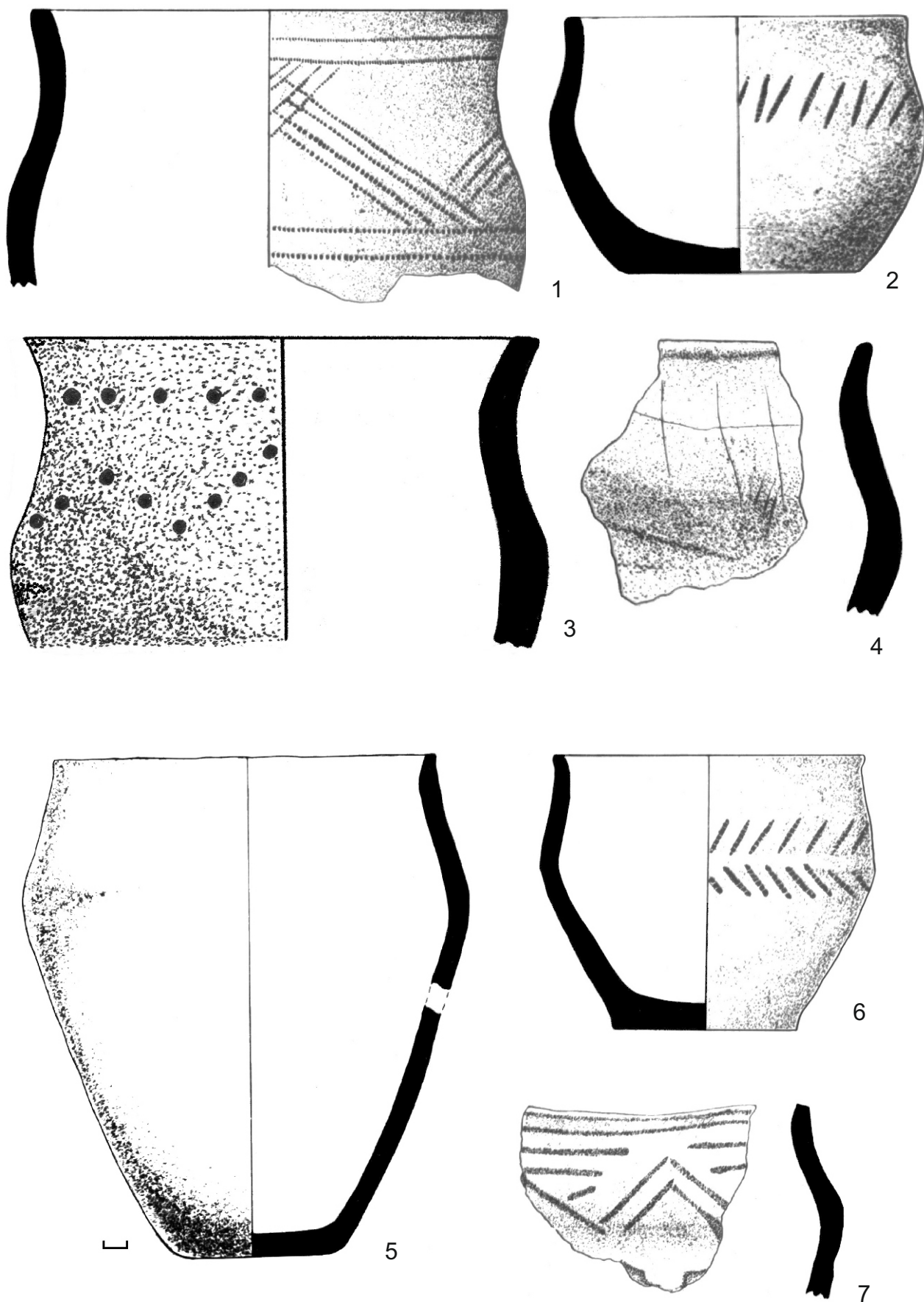

Рис. 53. Ивановское поселение. Керамика срубной культурной группы. 1-4-плавногопрофильные горшки; 5-7-острорезные горшки.

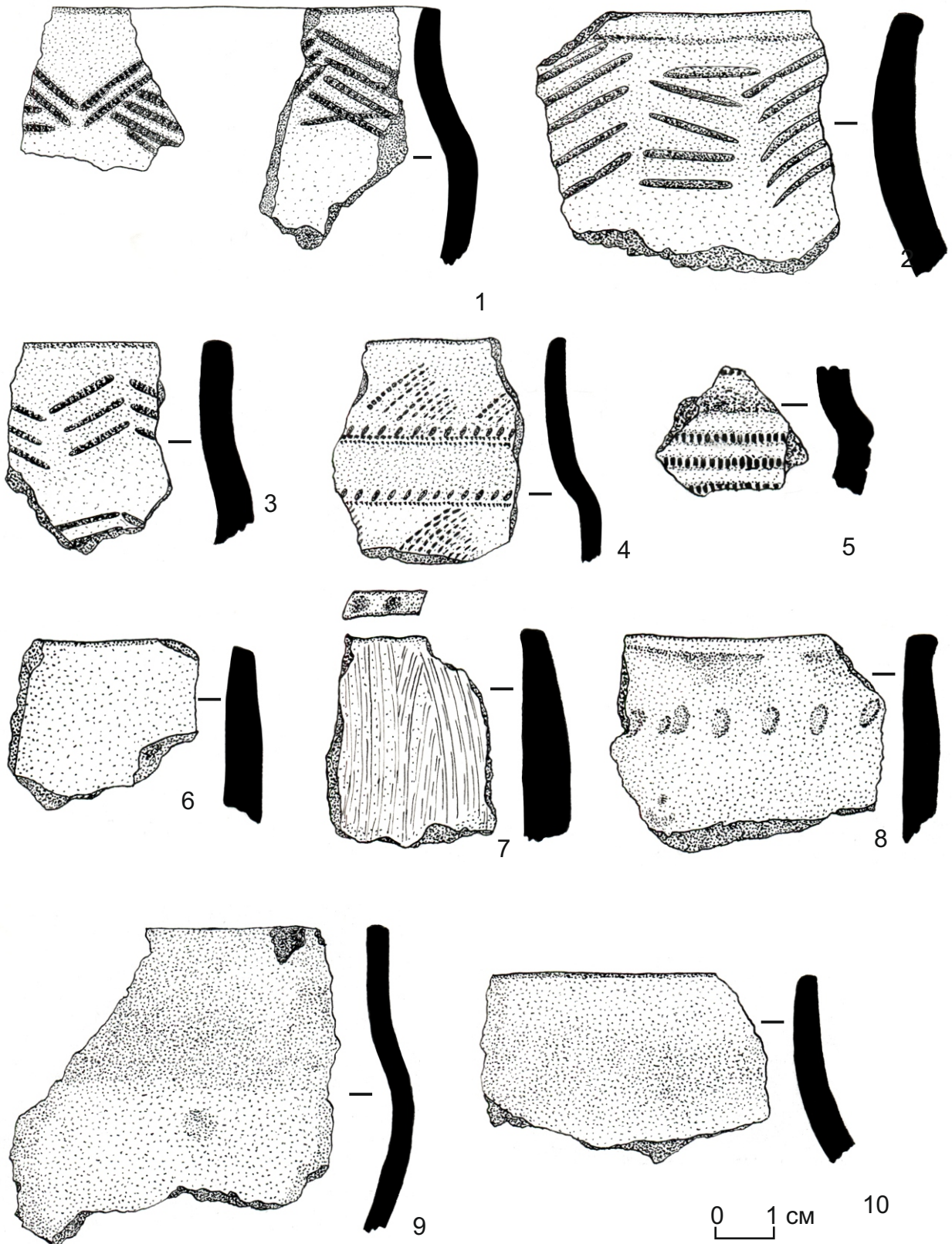

Рис. 54. Нижнепавловское поселение. 1-3 - Раннеалакульская культурная группа; 4-5- алакульская культурная группа; срубная культурная группа: 6-8-открытые банки; 9-10- плавнопрофилированные горшки.

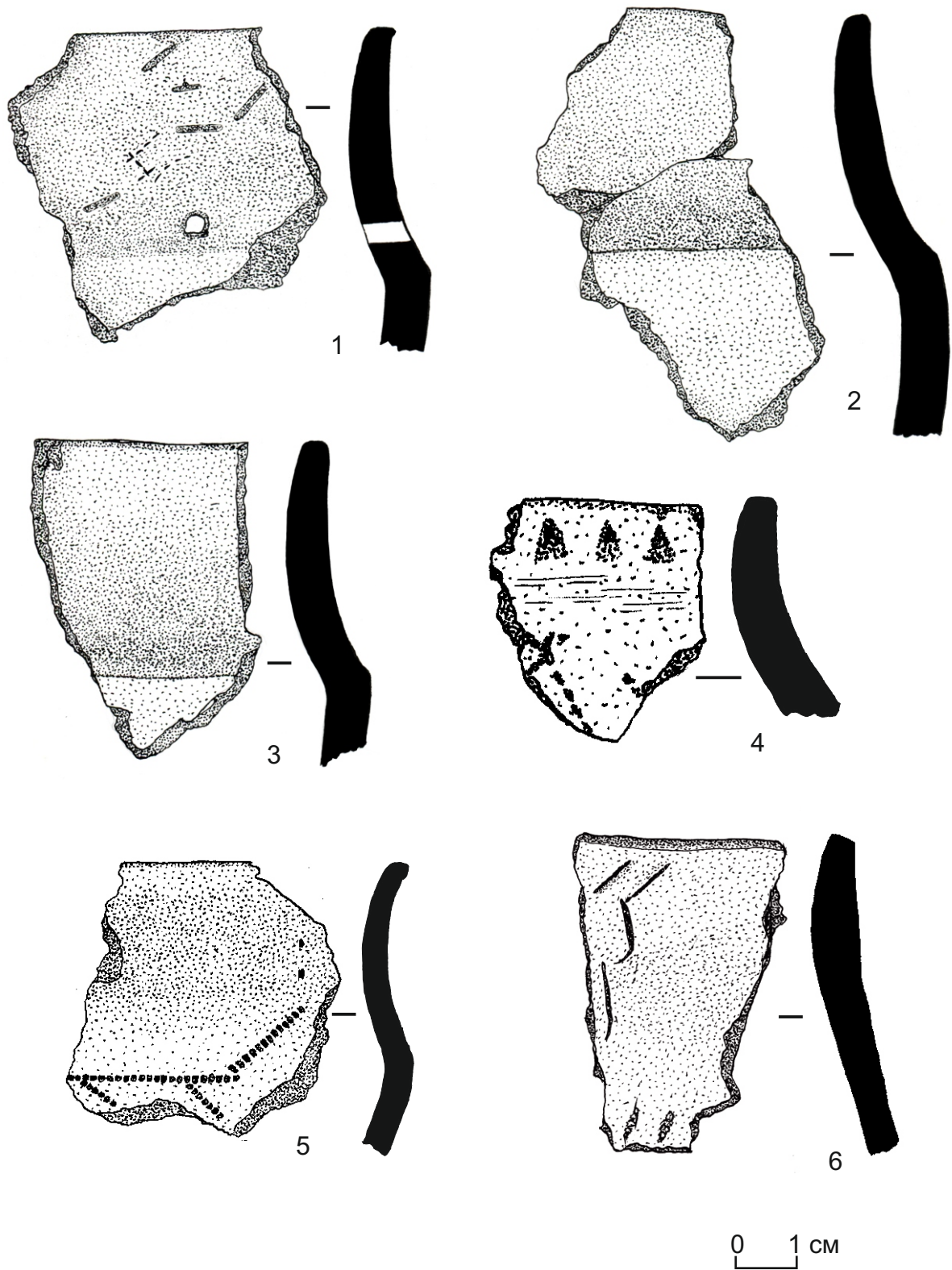

Рис. 55. Нижнепавловское поселение. Срубно-алакульская культурная группа. 1-3 - горшки с уступчатым плечом; 4-6 - плавнопрофилированные горшки с высокой шейей.

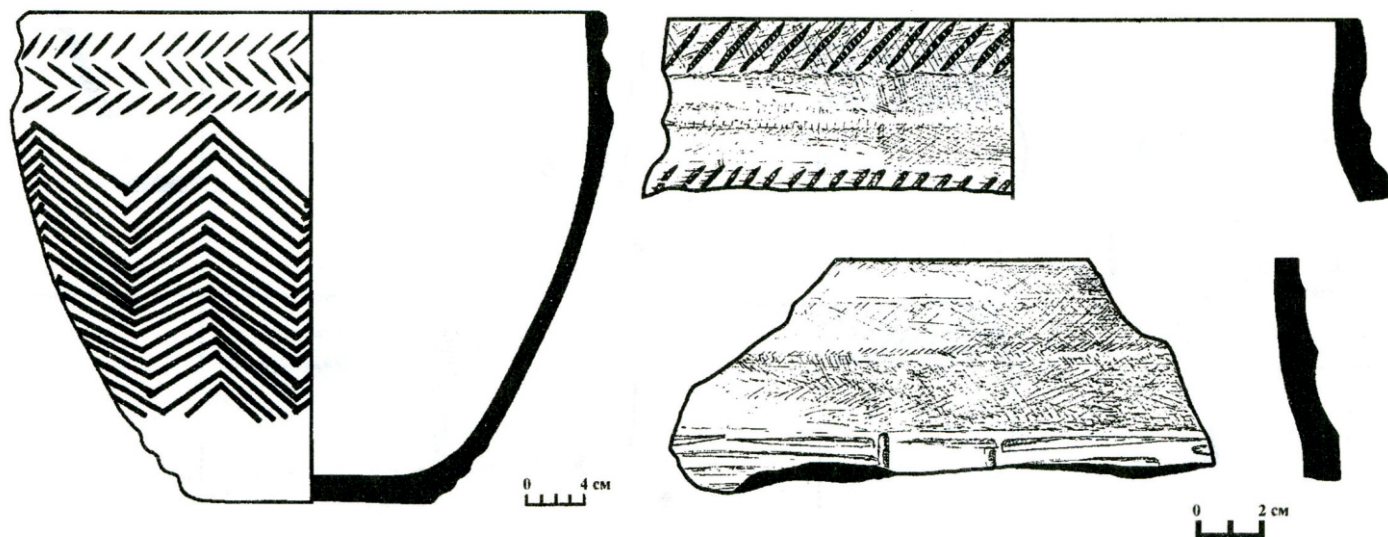

Рис. 56. II Сухореченское поселение. Керамика синташтинско-абашевской культурной группы.

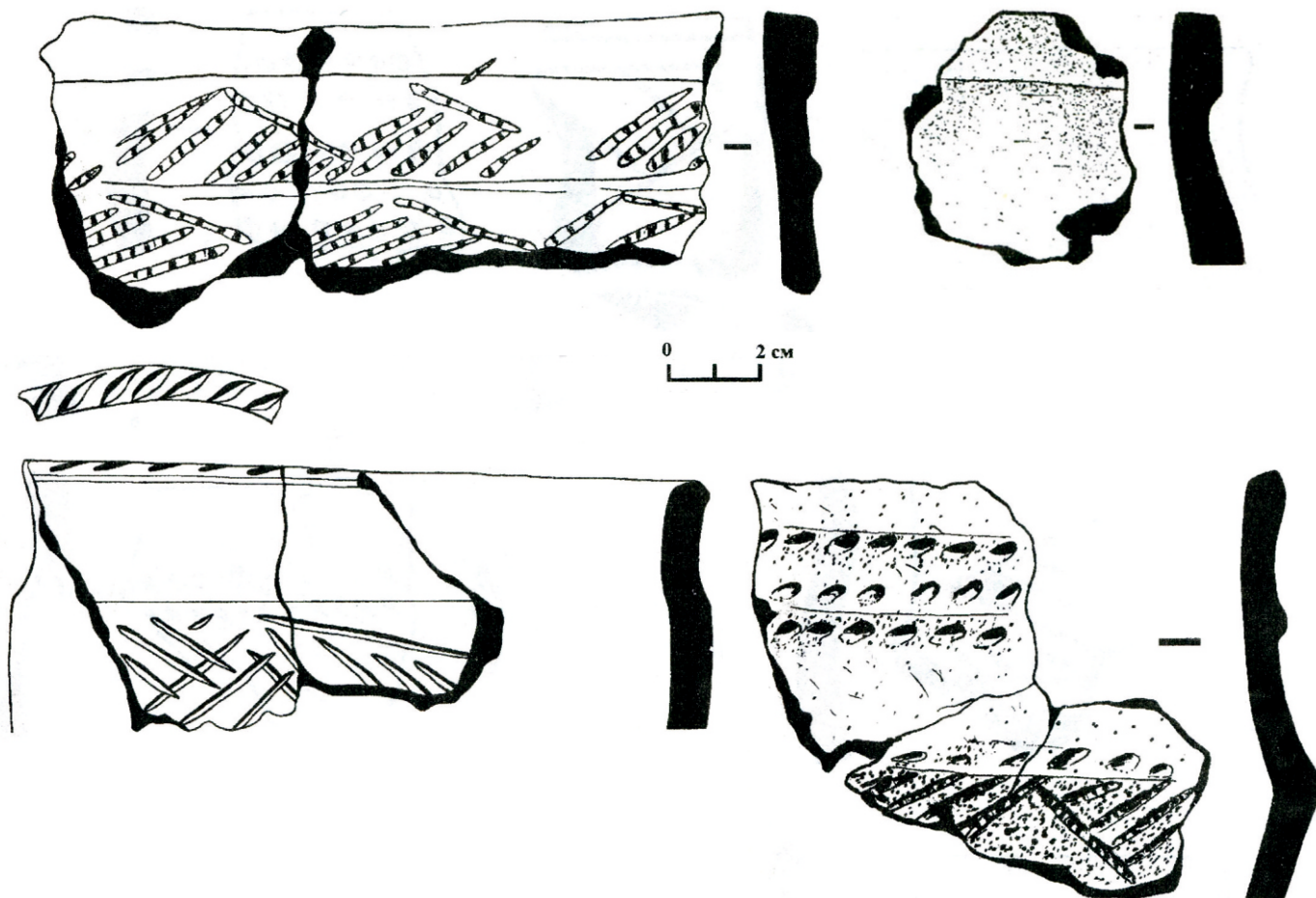

Рис. 57. II Сухореченское поселение. Керамика раннеалакульской культурной группы.

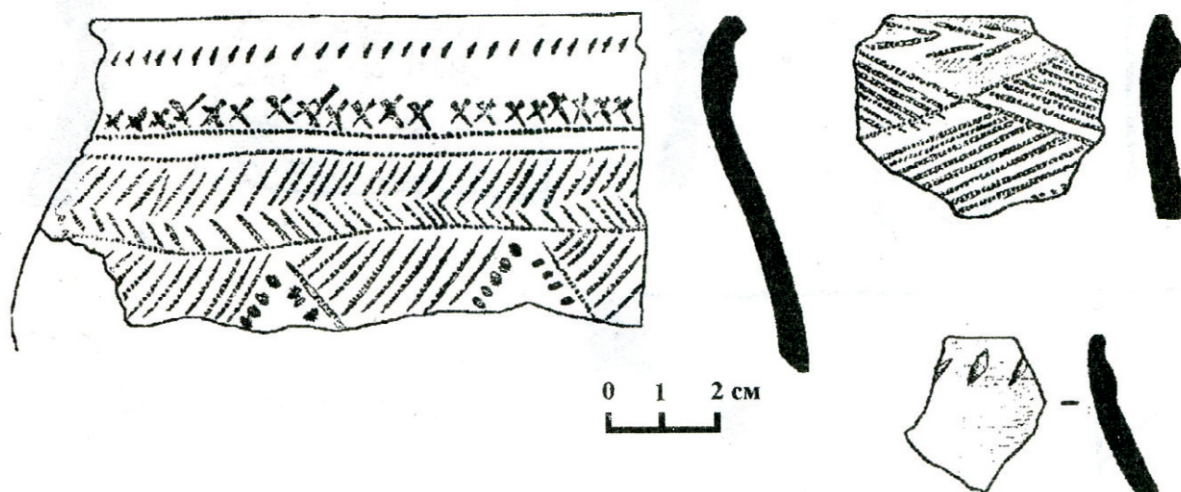

Рис. 58. II Сухореченское поселение. Керамика Черкаскульской культурной группы.

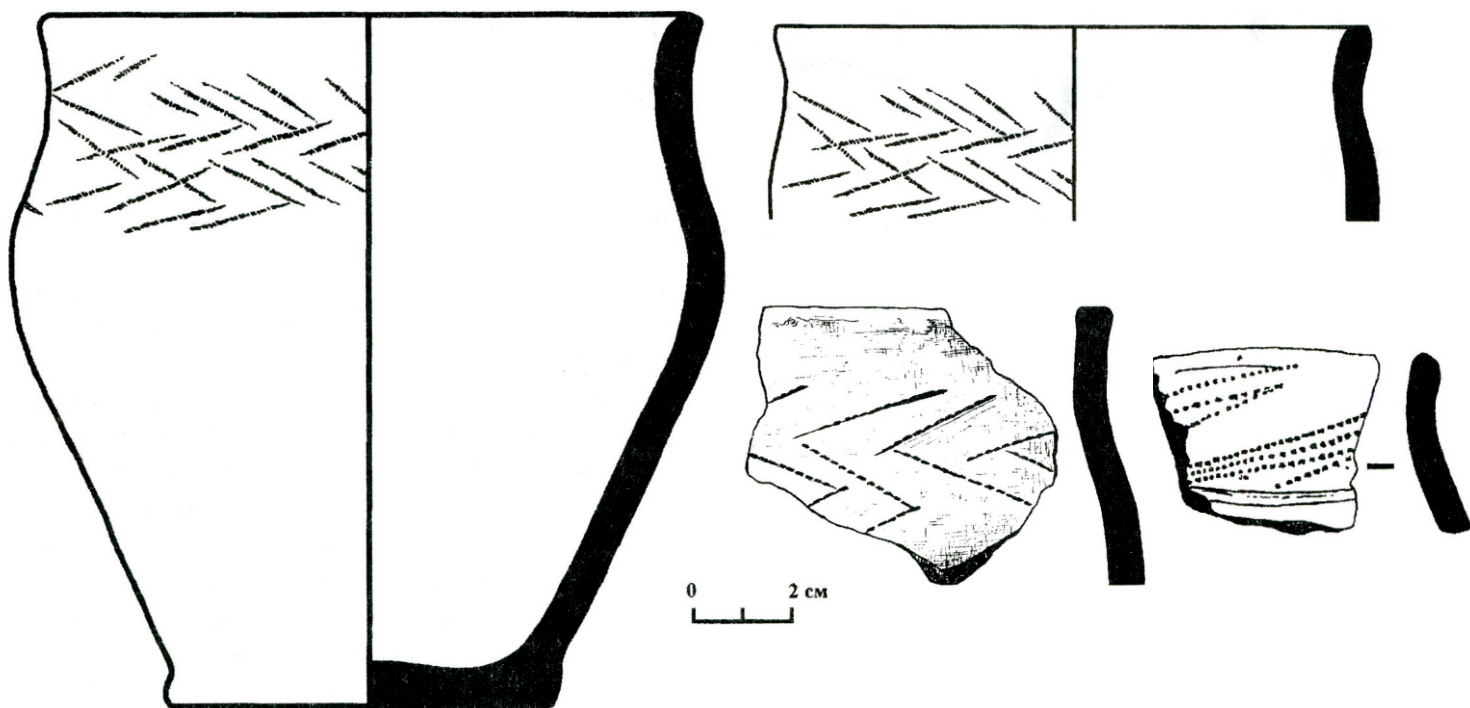

Рис. 59. II Сухореченское поселение. Керамика федоровской культурной группы.

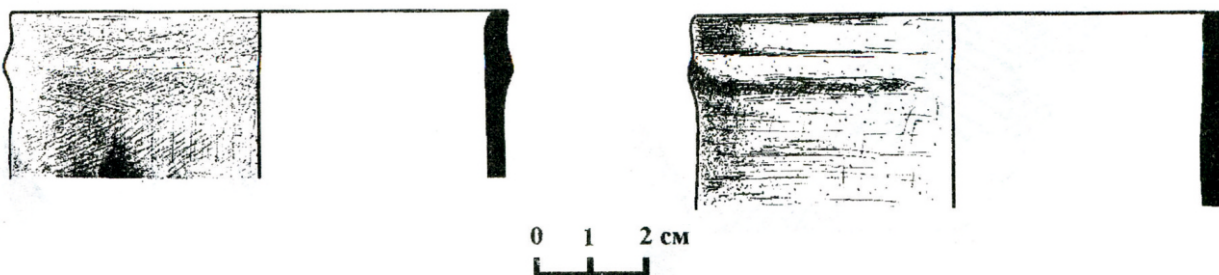

Рис. 60. II Сухореченское поселение. Керамика финала бронзового века.

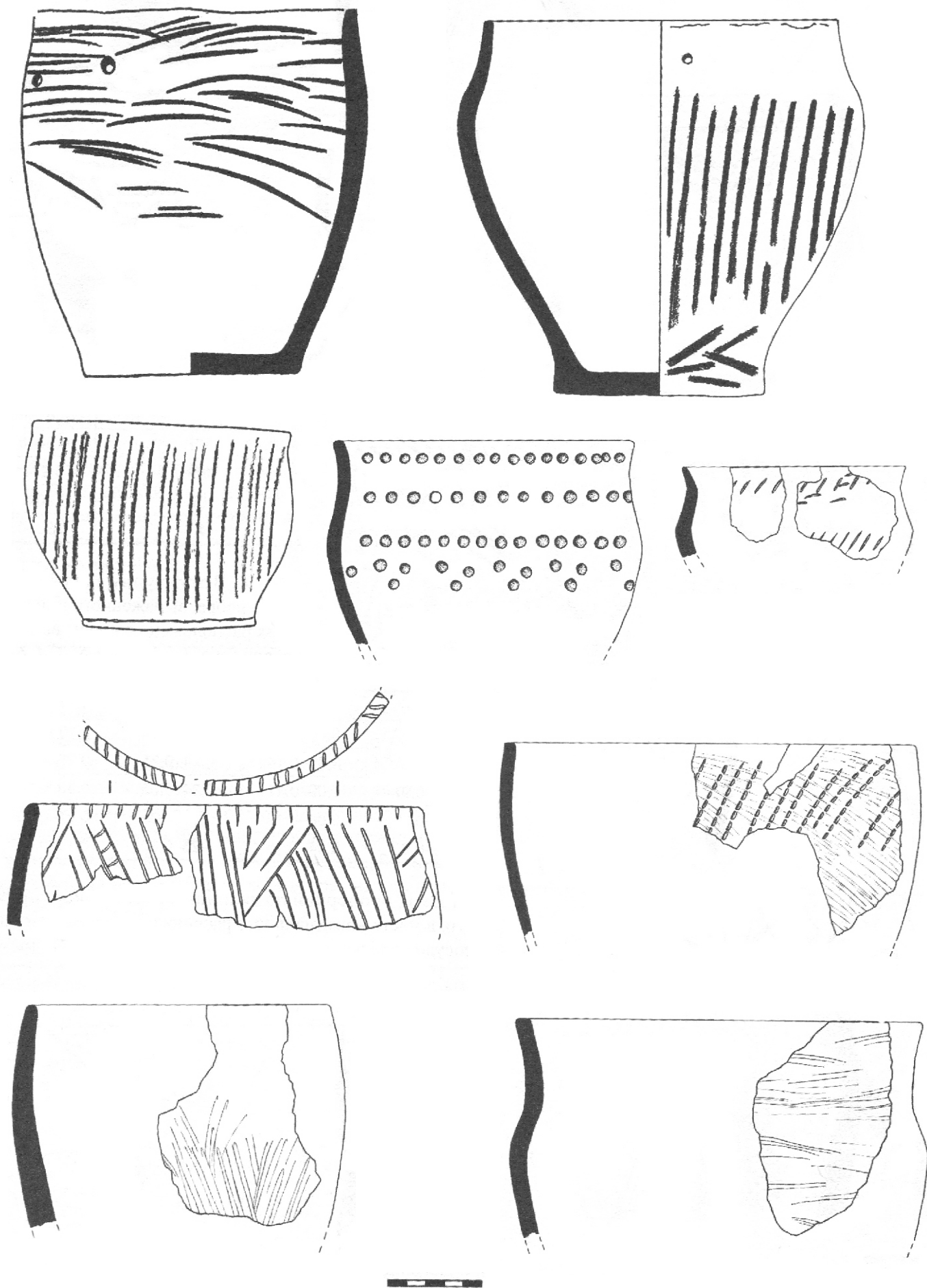

Рис. 61. Поселение Горный. Керамика срубной культуры с покровскими чертами (раннесрубная)

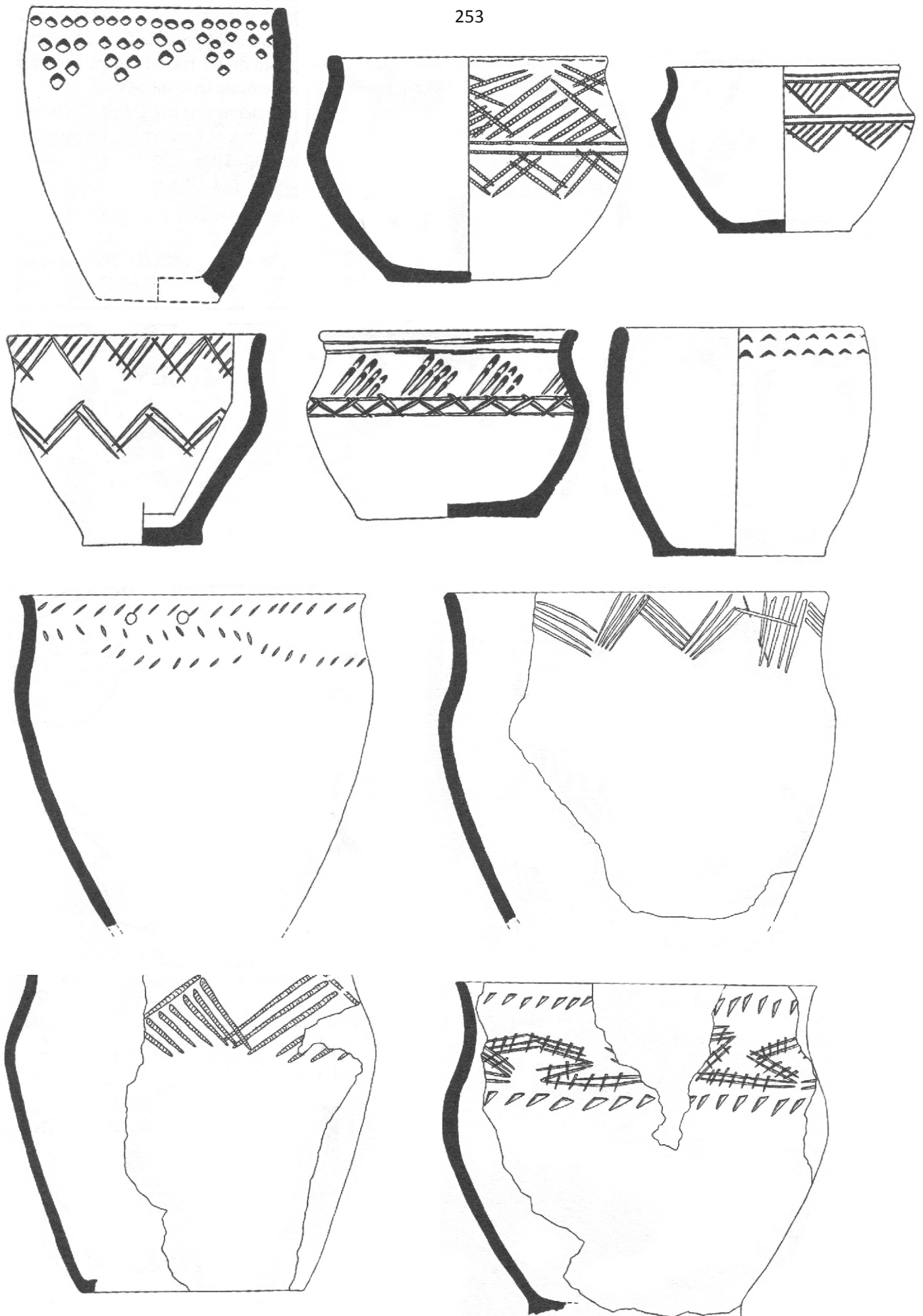

Рис. 62. Поселение Горный. Керамика срубной культуры.

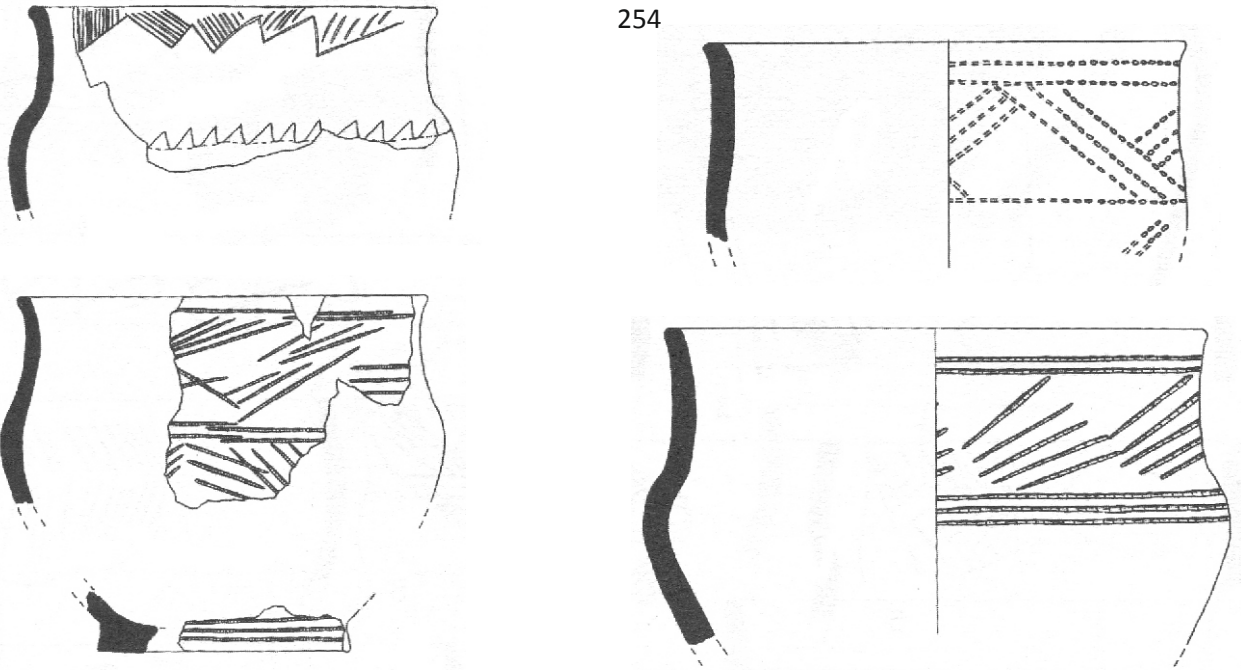

Рис. 63. Поселение Горный. Срубно-алакульская керамика.

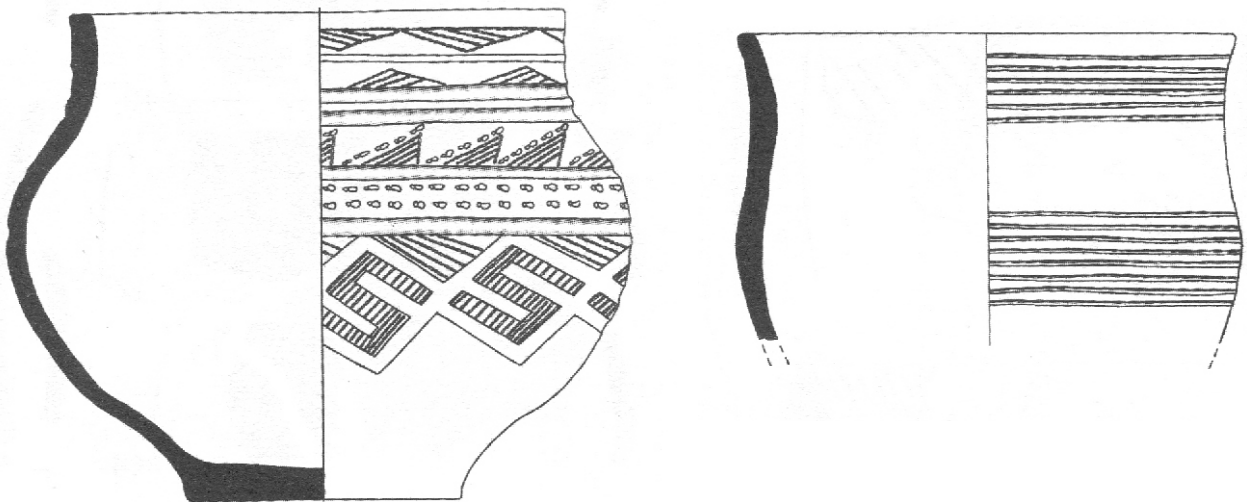

Рис. 64. Поселение Горный. Срубно-федоровская керамика.

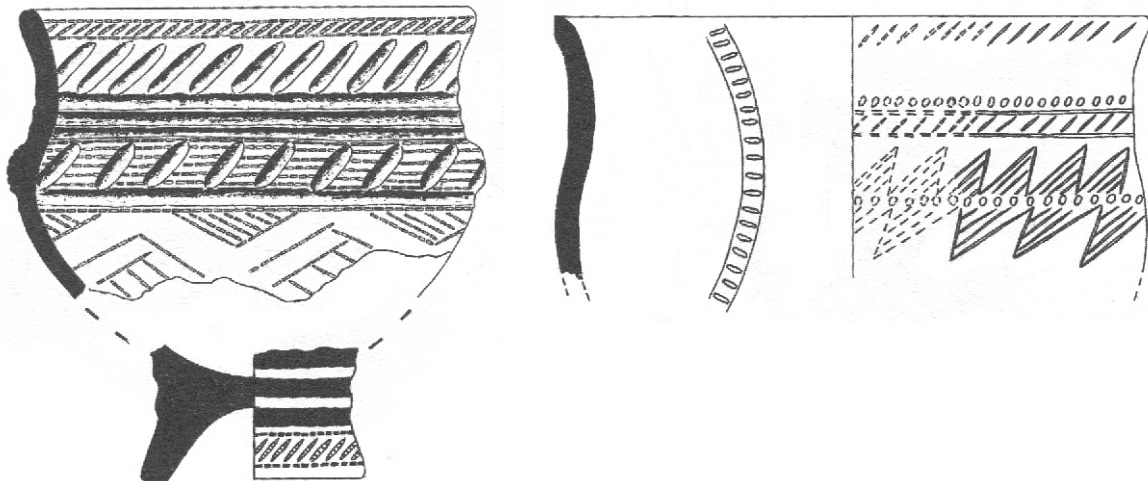

Рис. 65. Поселение Горный. Черкаскульская керамика.

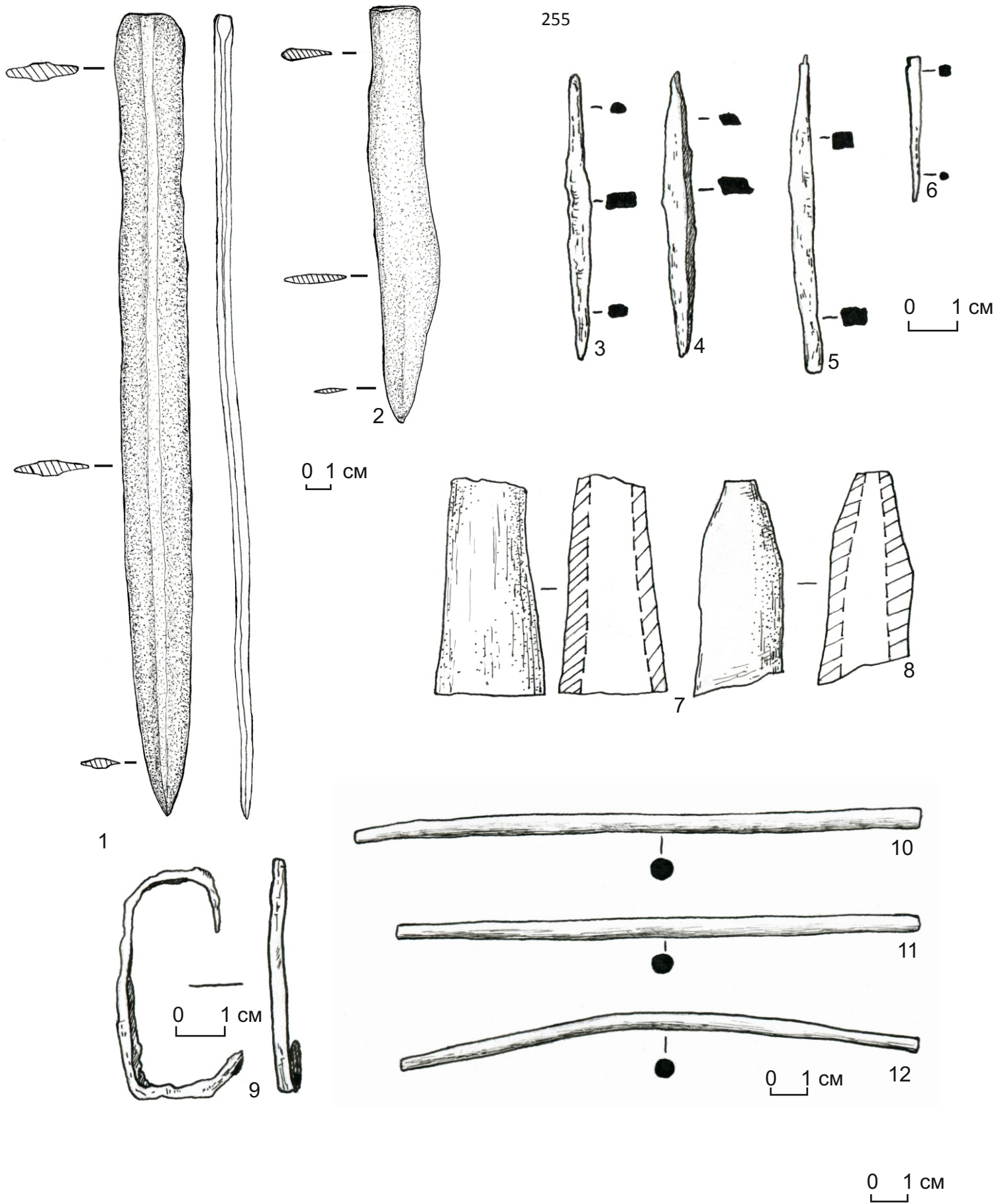

Рис. 66. Родниковое поселение. 1 – нож-кинжал; 2 – нож с горбатой спинкой; 3-6 – бронзовые шила; 7-8 – глиняные сопла; 9 – бронзовая скоба; 10-12 – бронзовые стержни.

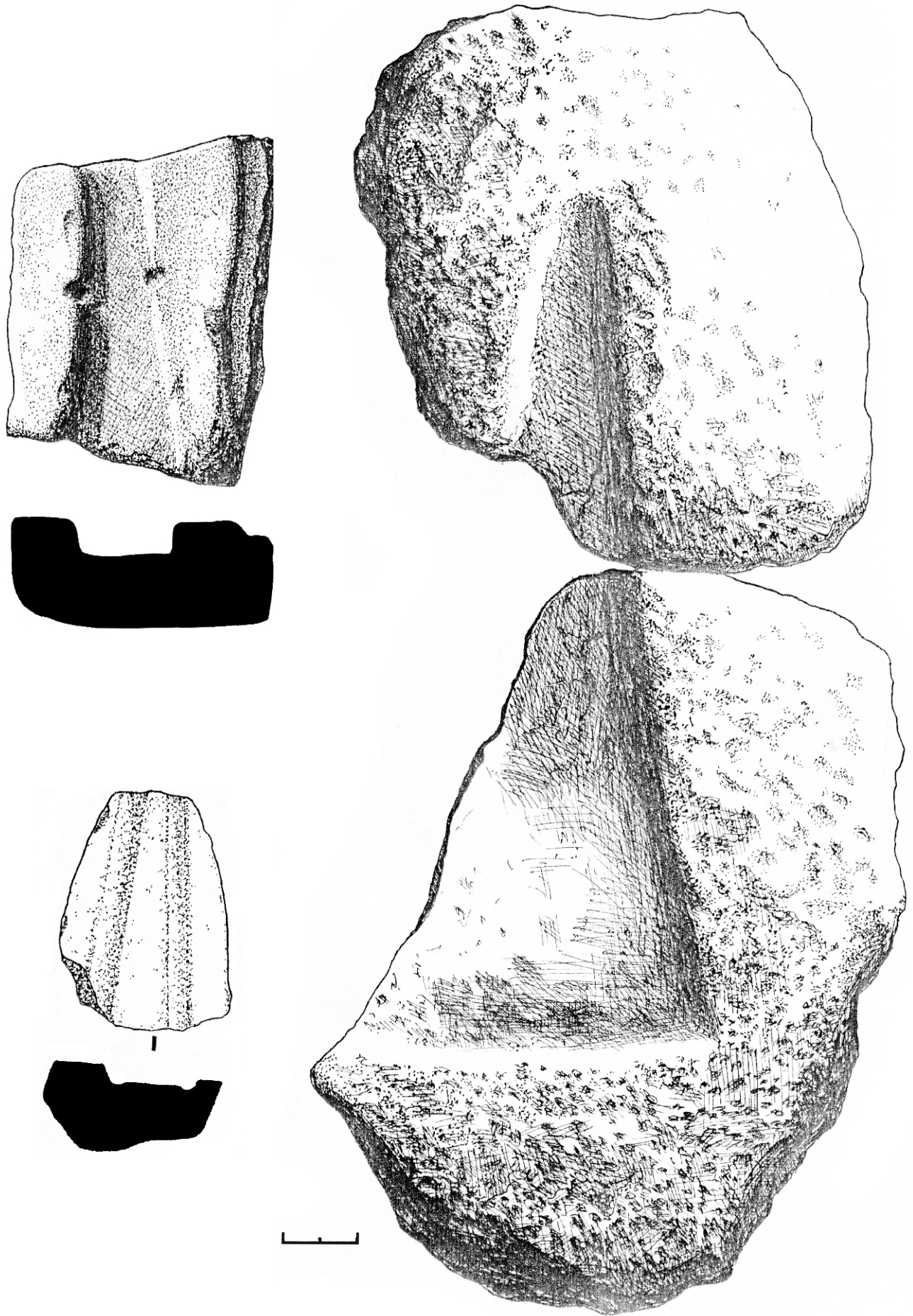

Рис. 67. Покровское поселение. Литейные формы.

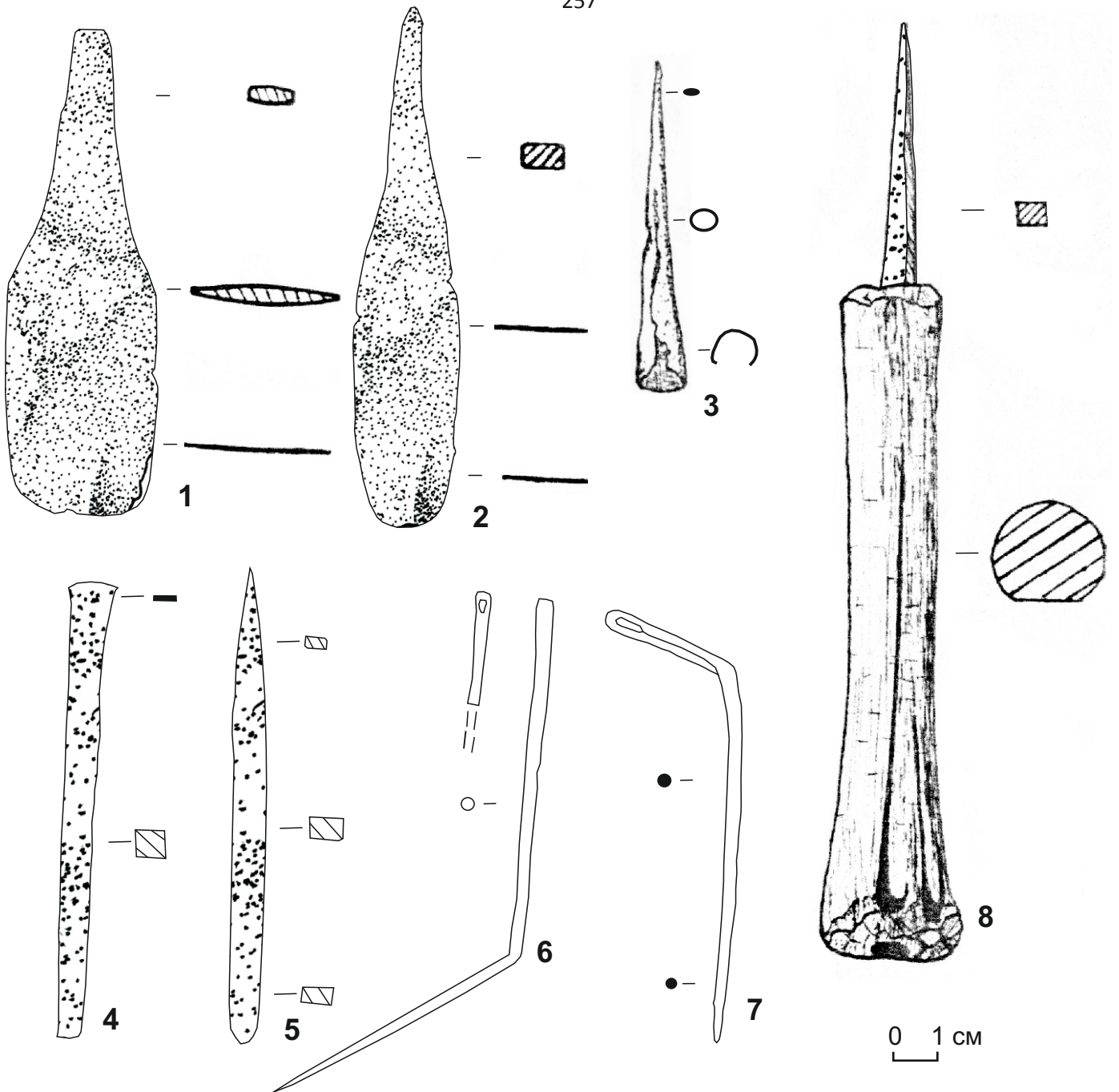

Рис. 68. Покровское поселение. 1-2 - бронзовые листовидные ножи; 3- круглое сечение шило; 4-5 - четырехгранное шило; 6-7 - иглы с ушком; 8 - четырехгранное шило в костяной рукояти.

Рис. 69. Токское поселение. Каменная ванна.

Рис. 70. Токское поселение. Каменная ванна.

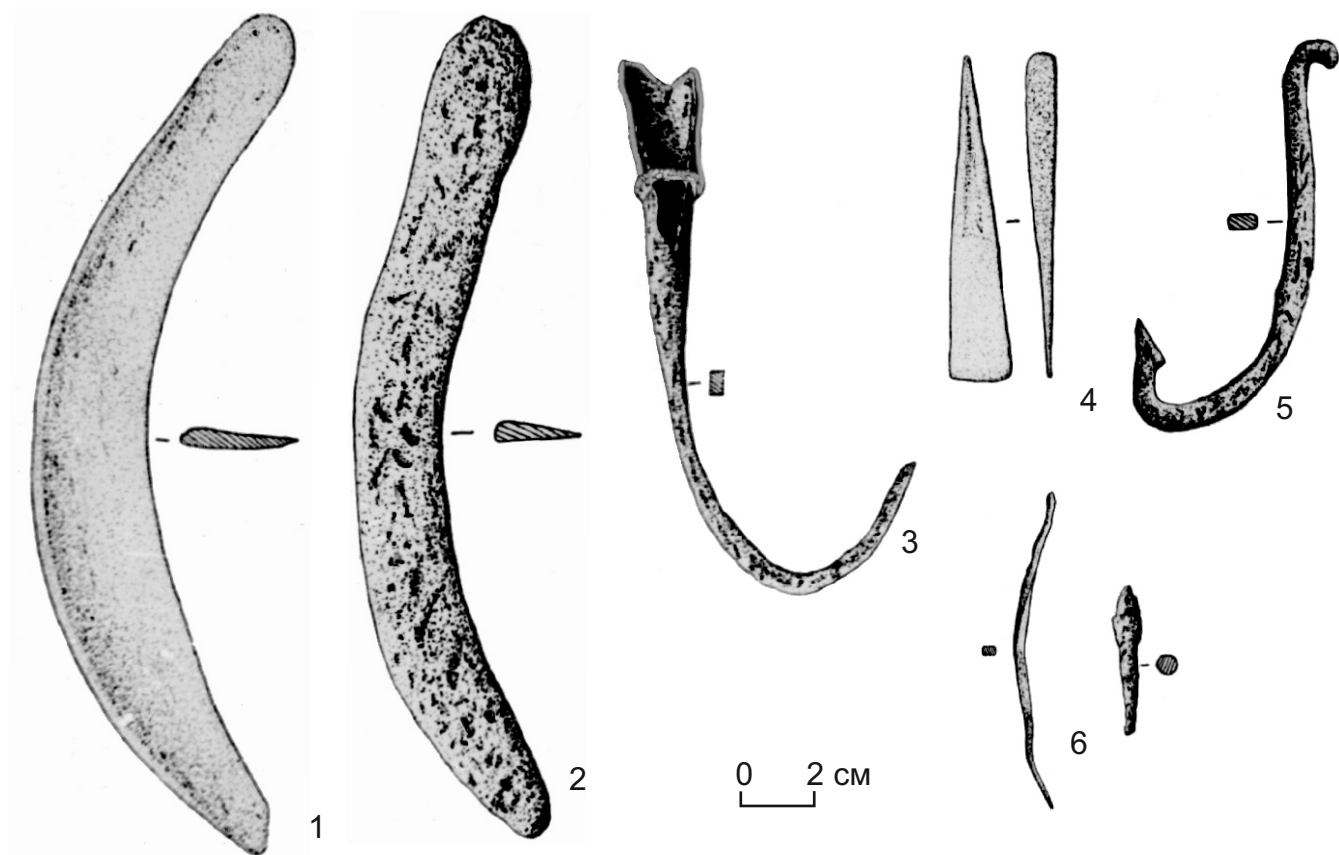

Рис. 71. Ивановское поселение. Индивидуальные находки. 1 – бронзовый серп; 2 – бронзовый серп; 3 – втульчатый крюк; 4 – тесло; 5 – рыболовный крюк; 6 – шилья.

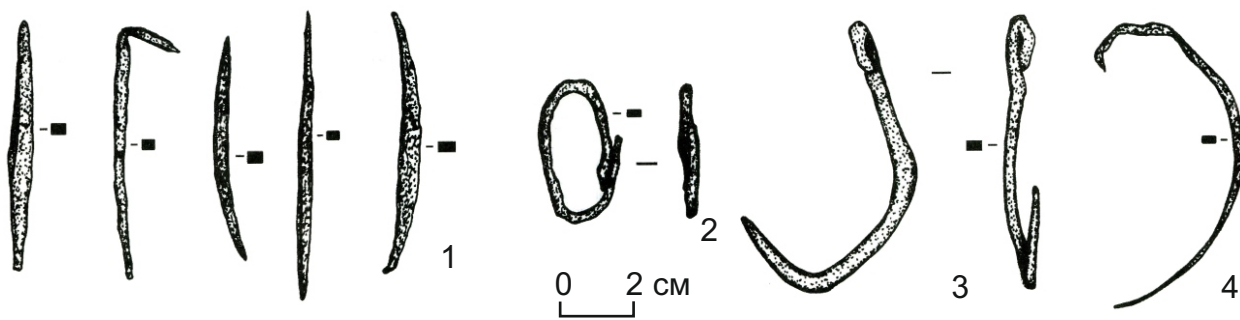

Рис. 72. II Кузьминковское поселение. Индивидуальные находки. 1 – четырехгранные шилья; 2 – височная подвеска; 3 – рыболовный крючок; 4 – бронзовая скоба.

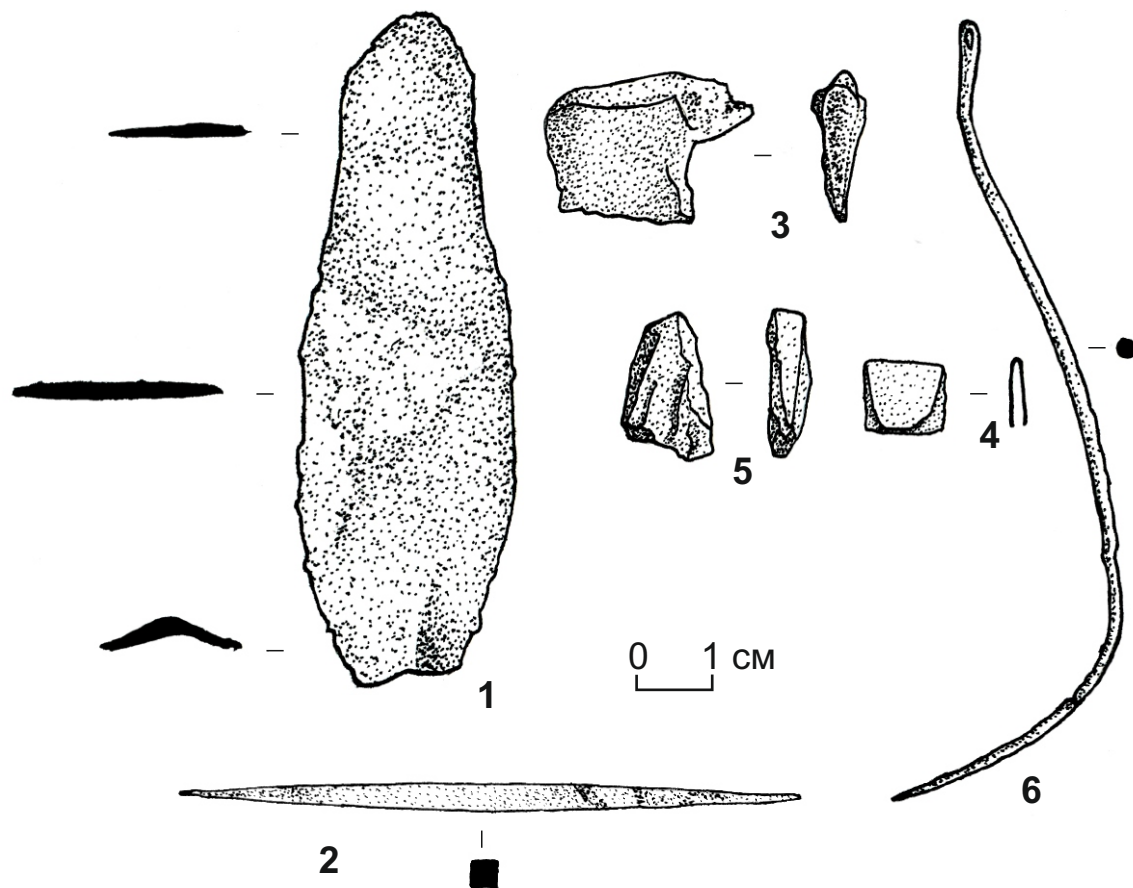

Рис. 73. Поселение Малоюлдашево I. Индивидуальные находки. 1 - бронзовый нож; 2 - бронзовое шило; 3-5 - бронзовые изделия; 6 - бронзовая игла.

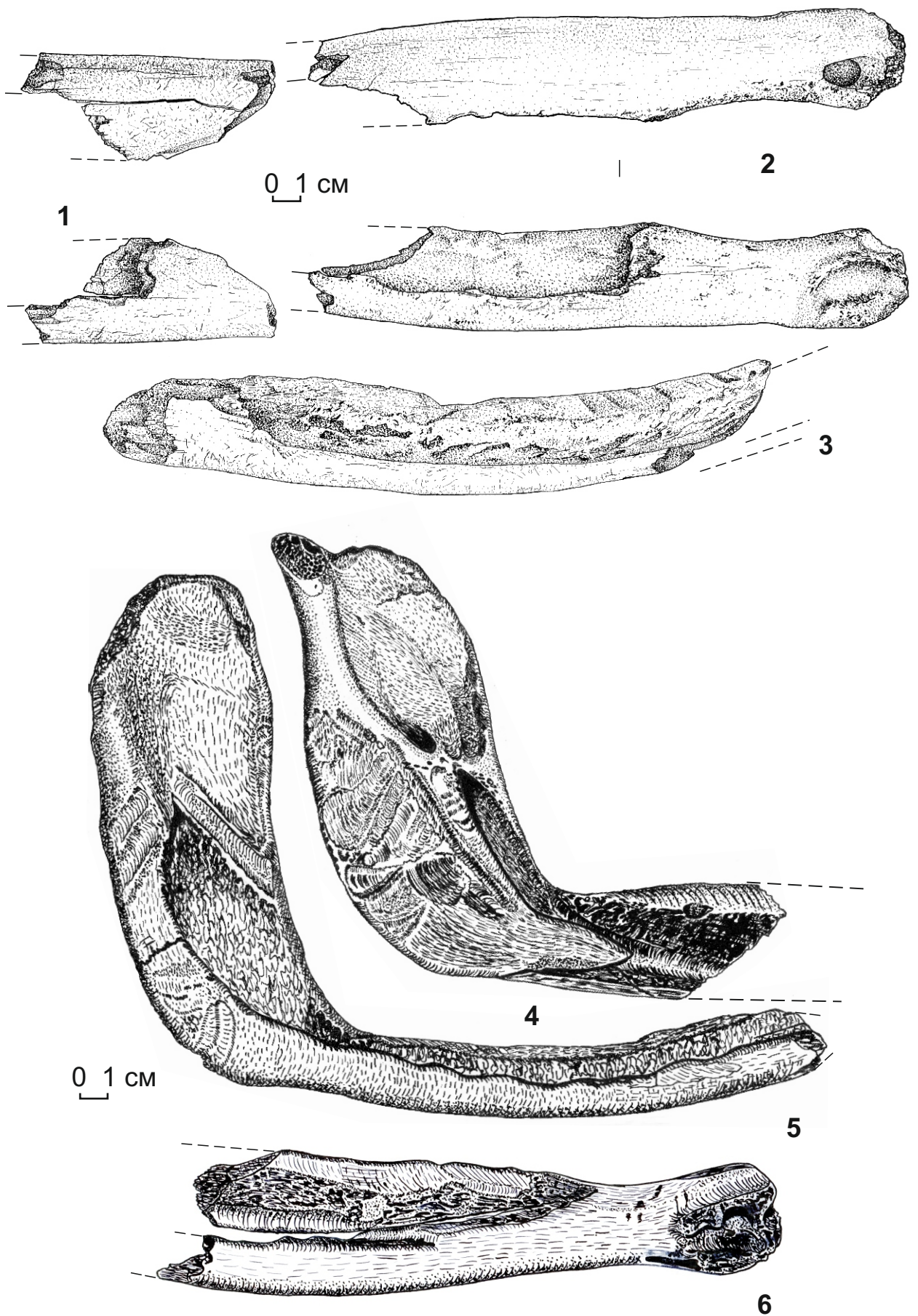
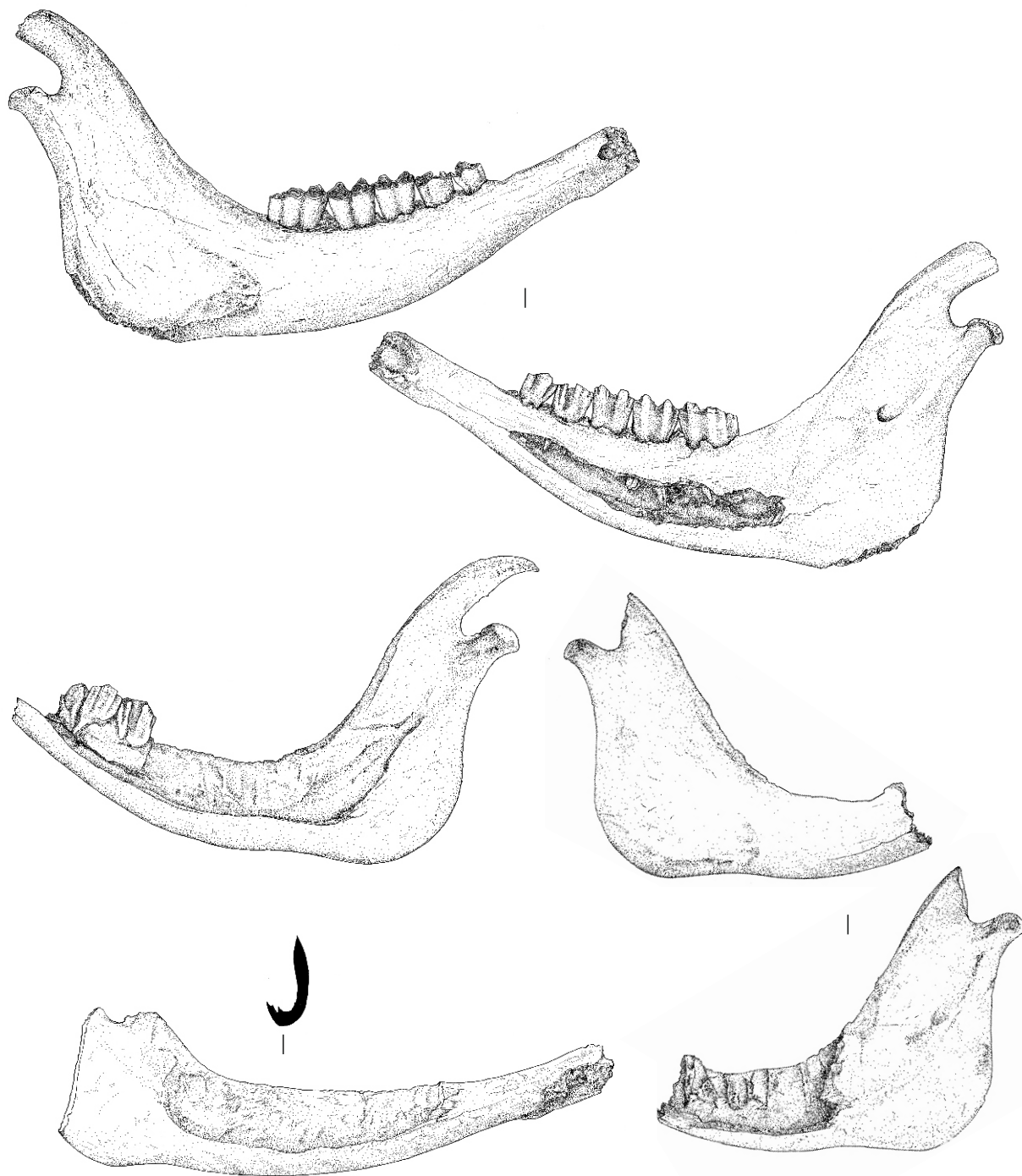

Рис. 74. Костяные тупики и их фрагменты: 1-3 поселение Малоюлдашево; 4-6 Родниковое поселение.

0,1 см

Рис. 75. Поселение Малоюлдашево I. Заготовки для костяных тупиков.

Рис. 76. Поселение Малоюлдашево I. Костяные струги.

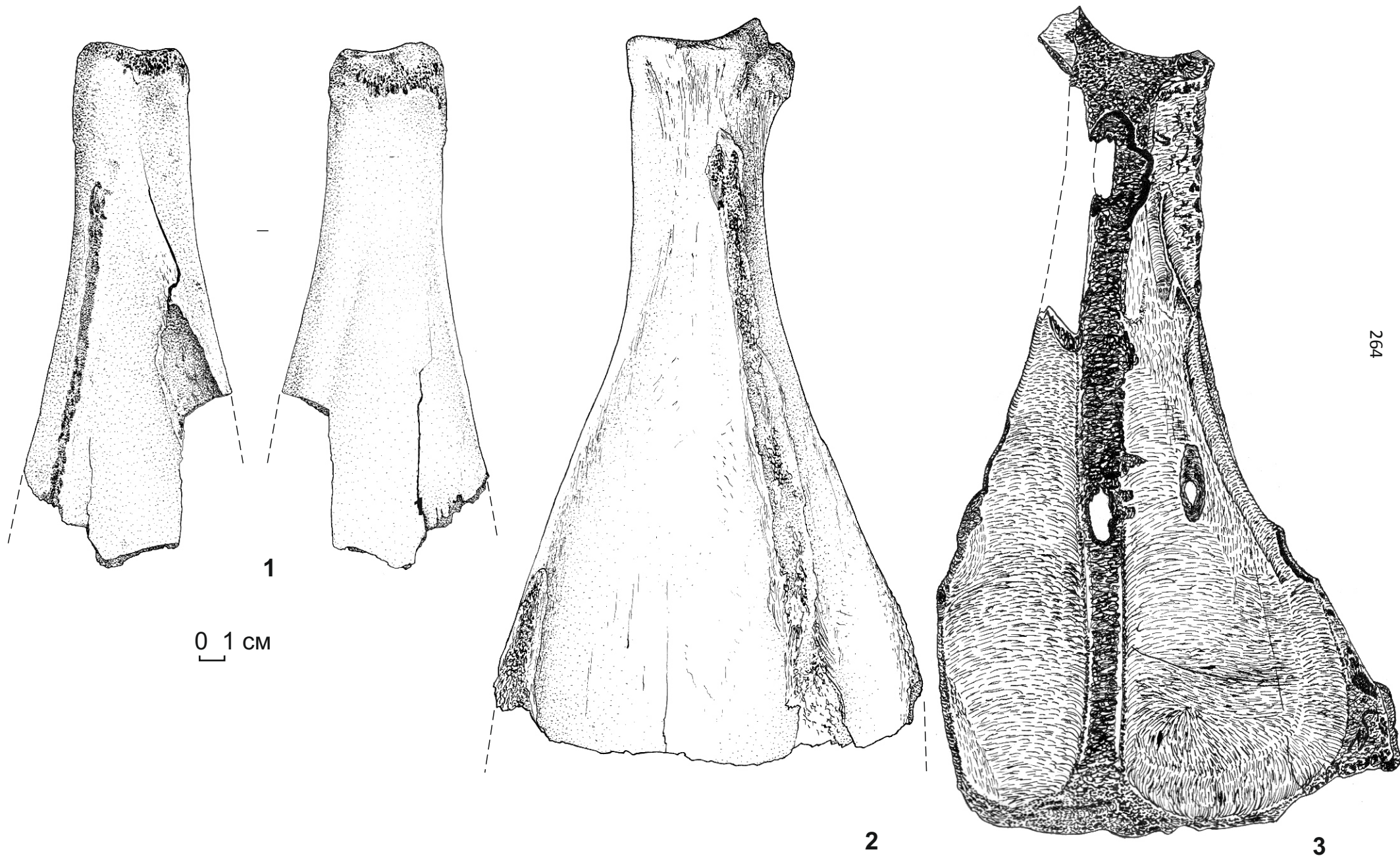

Рис. 77. Орудия на лопатках. 1-2 поселение Малоюлдашево I; 3 Токское поселение.

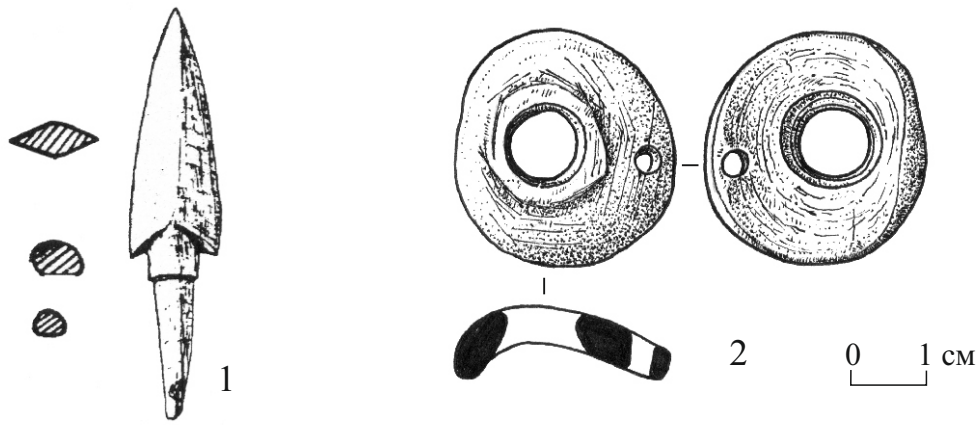

Рис. 78. 1 Покровское поселение-наконечник стрелы; 2 Токское поселение-пряжка.

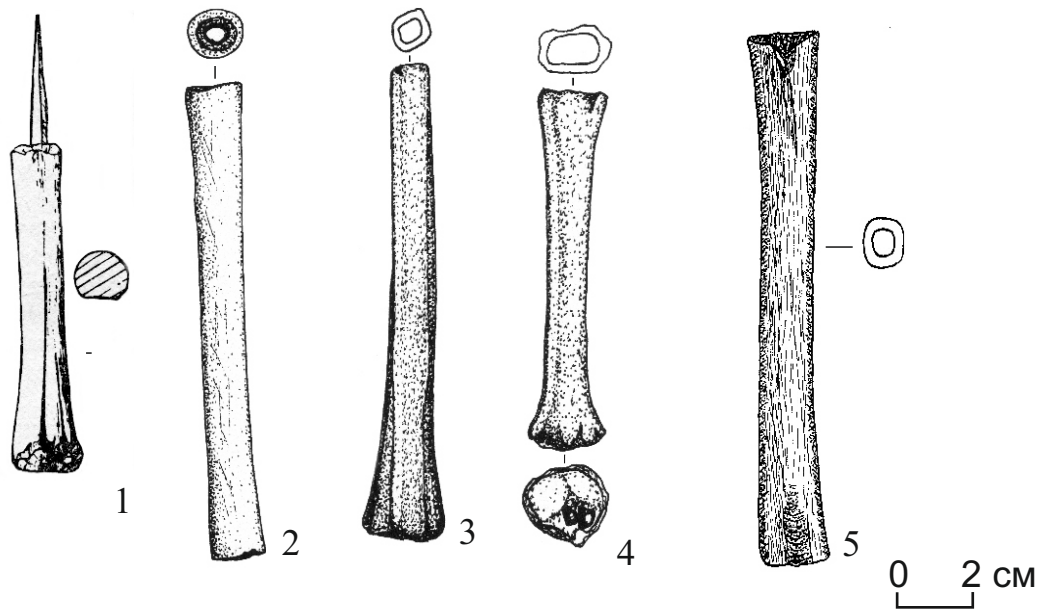

Рис. 79. Костяные трубочки. 1-4 Покровское поселение; 5 Родниковое поселение.

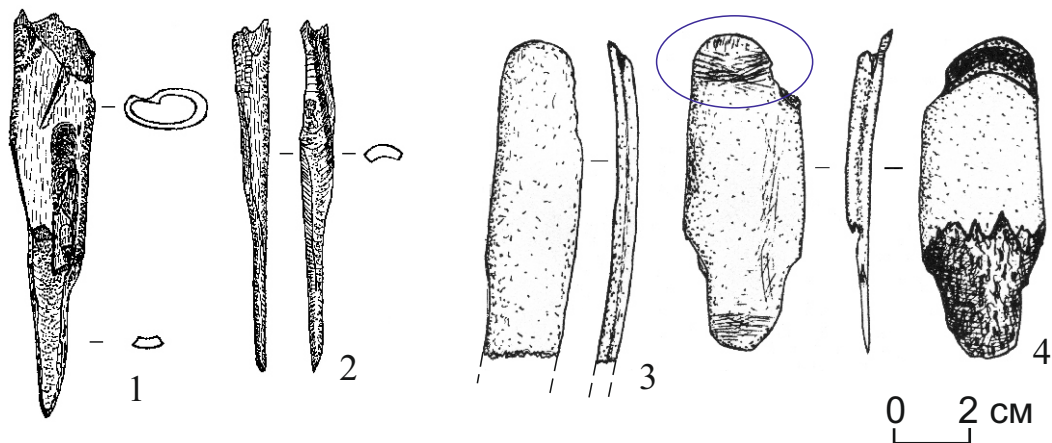

Рис. 80. Орудия для гончарства. 1-2 Родниковое поселение; 3-4 Покровское поселение (стригальная палочка).

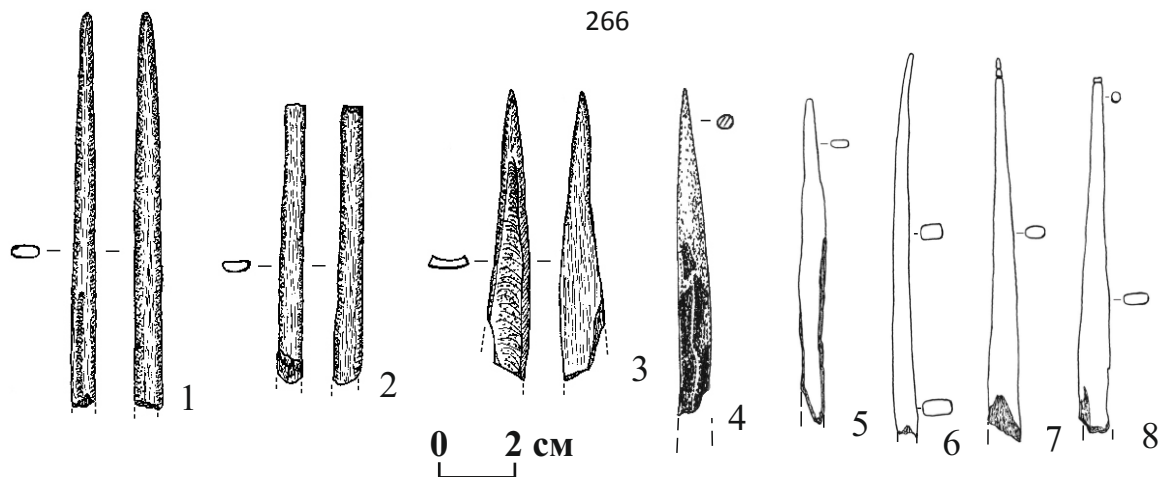

Рис. 81. Детали гребней - кард: 1-3 Родниковое поселение; 4 Покровское поселение; 5-8 Токское поселение.

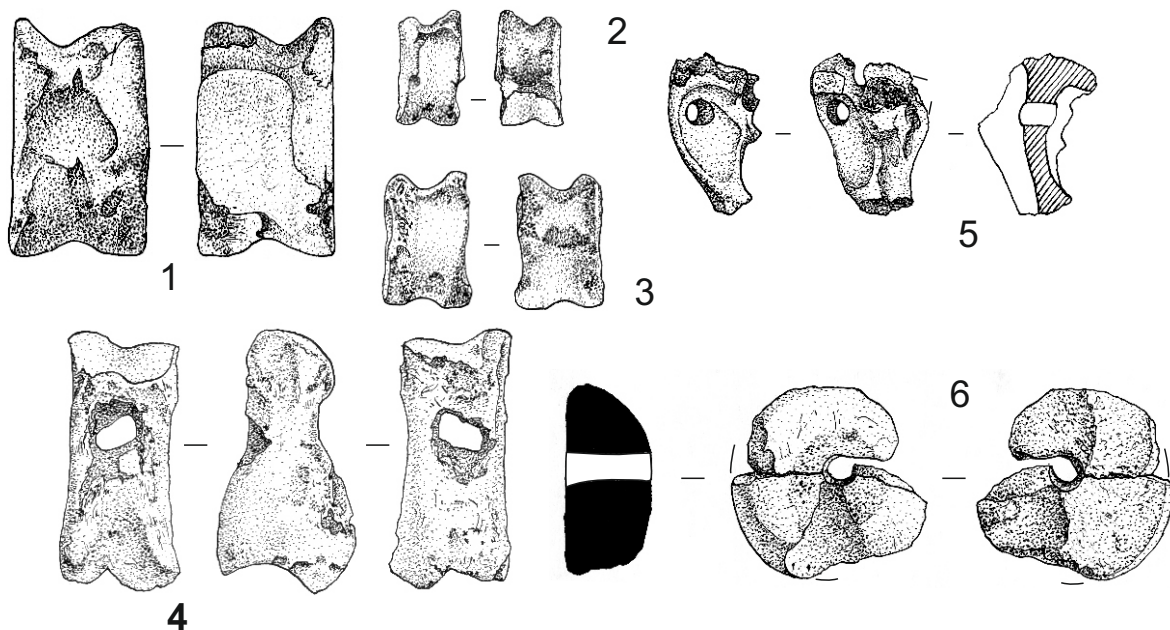

Рис. 82. Поселение Малоюдашево I. Изделия из кости. 1-5 Астрагалы; 6-пряслице.

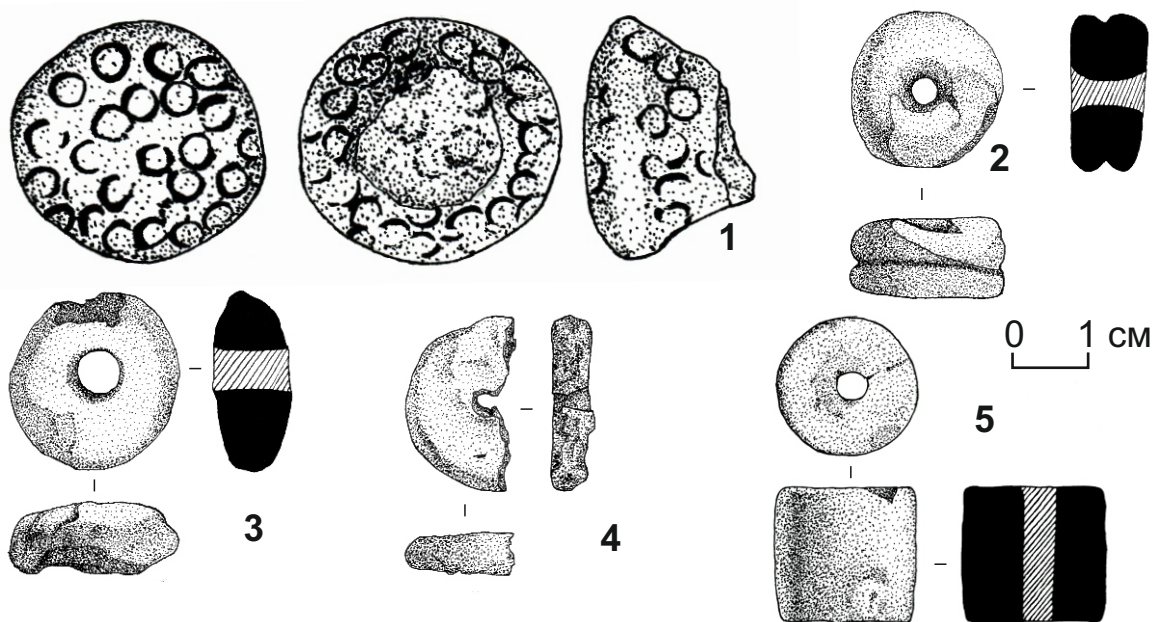

Рис. 83. Поселение Малоюдашево I. Изделия из глины. 1 - керамическое изделие; 2-5 - пряслица.

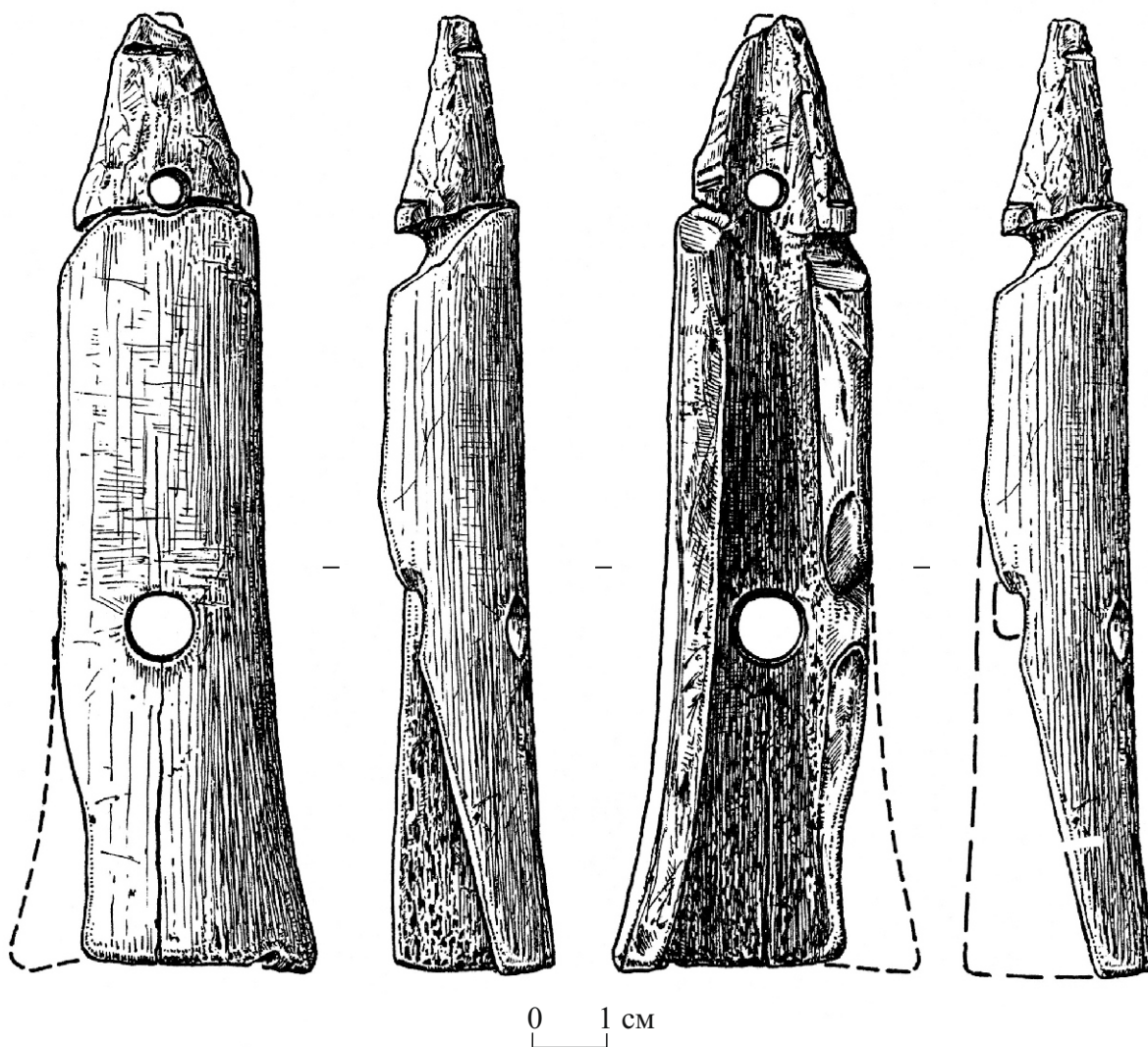

Рис. 84. Токское поселение. Костяной псалий.

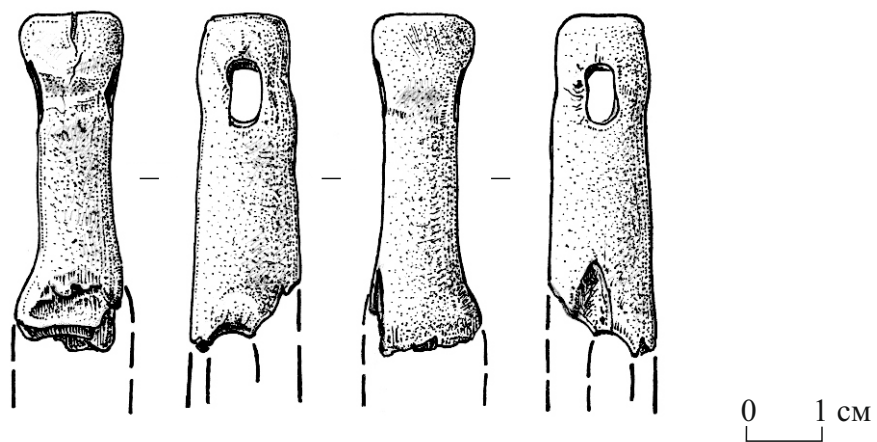

Рис. 85. Поселение Малоюлдашево I. Костяной псалий.

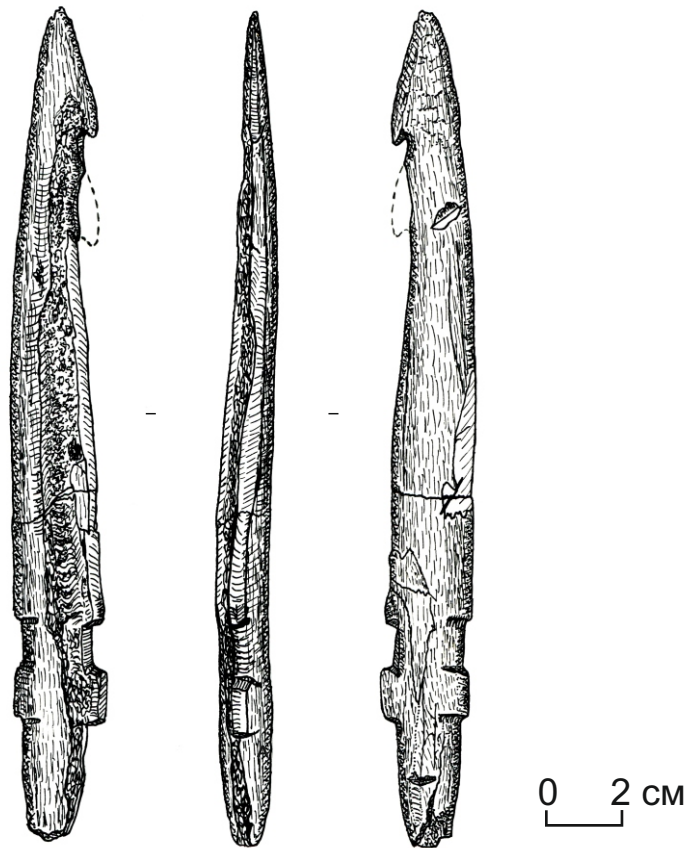

Рис. 86. Поселение Малоюлдашево I. Костяной гарпун (зубчатое острие).

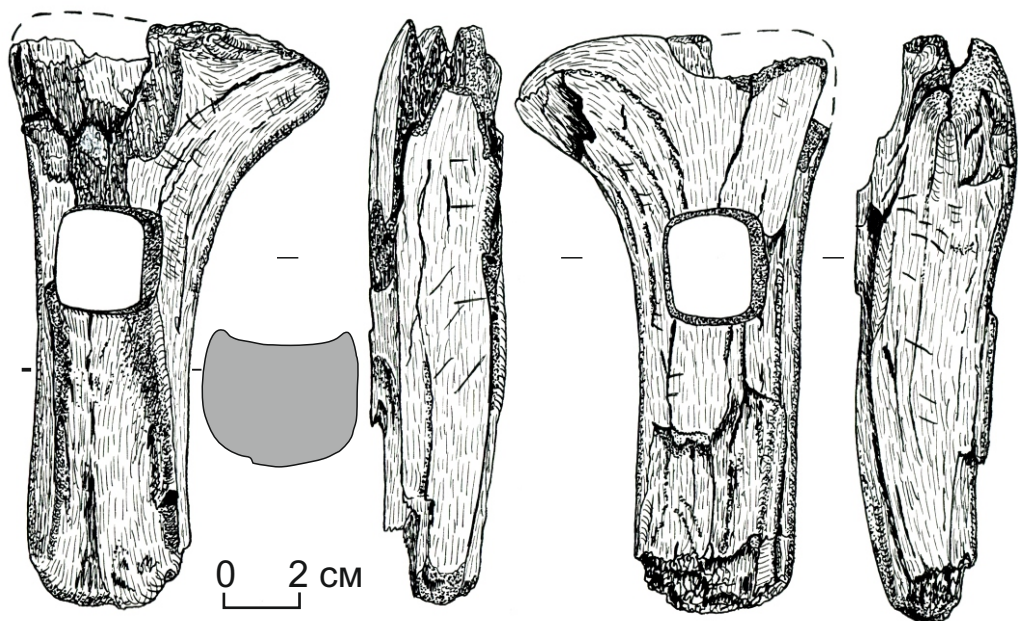

Рис. 87. Поселение Малоюлдашево I. Роговое изделие (муфта).

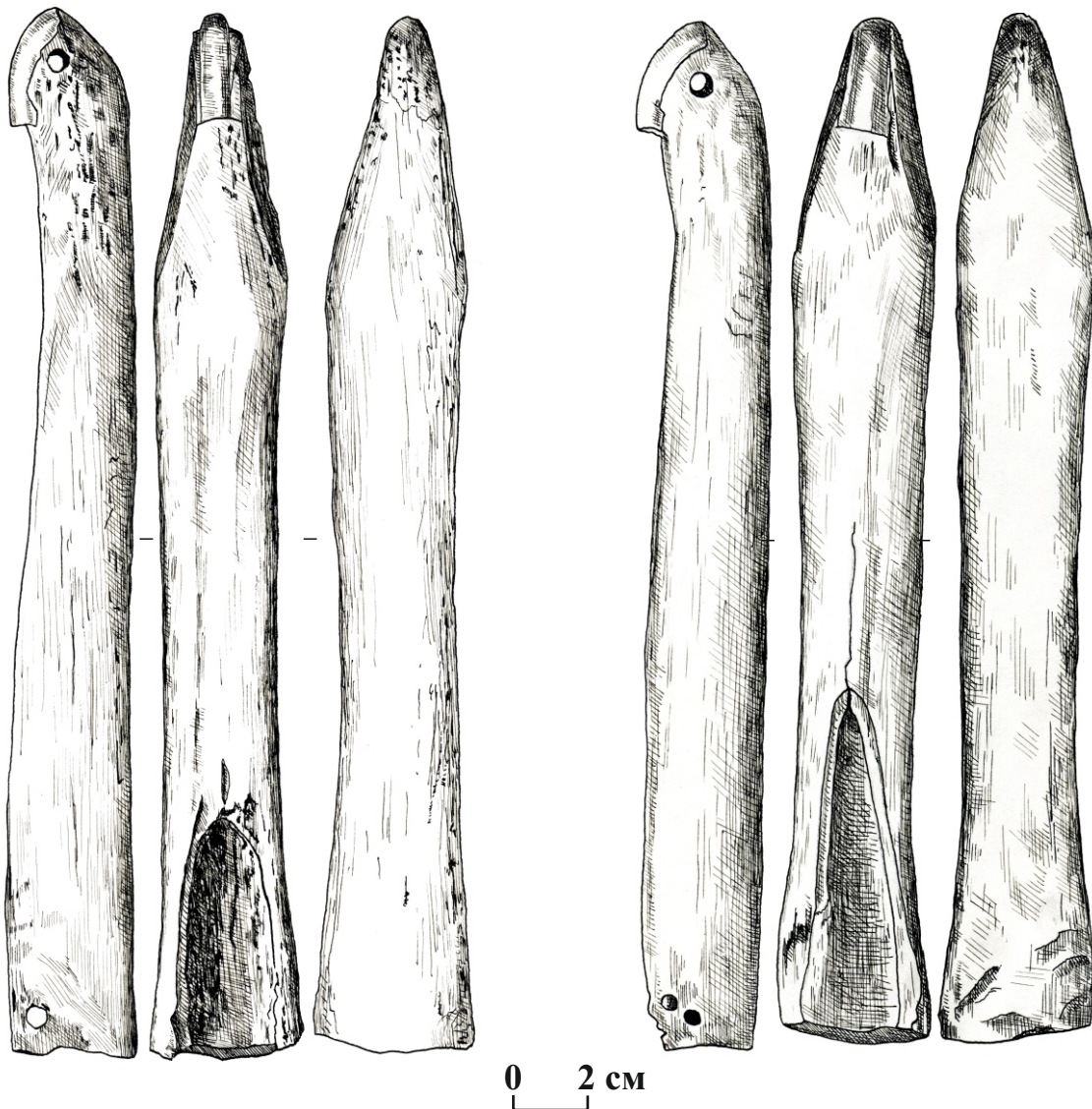

Рис. 88. Поселение Родниковое. Коньки – приспособления для передвижения по льду и снегу.

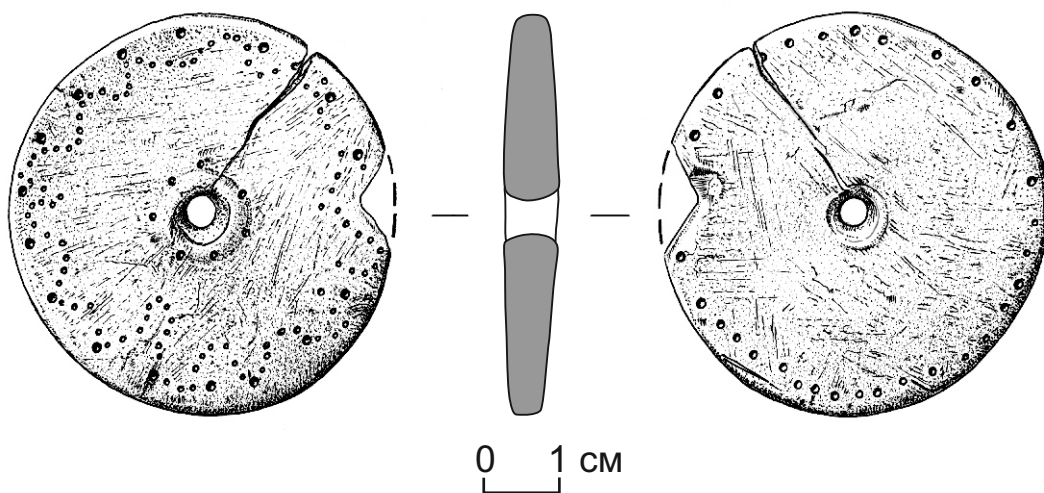

Рис. 89. Поселение Малоюлдашево I. Погребение - костяной диск.

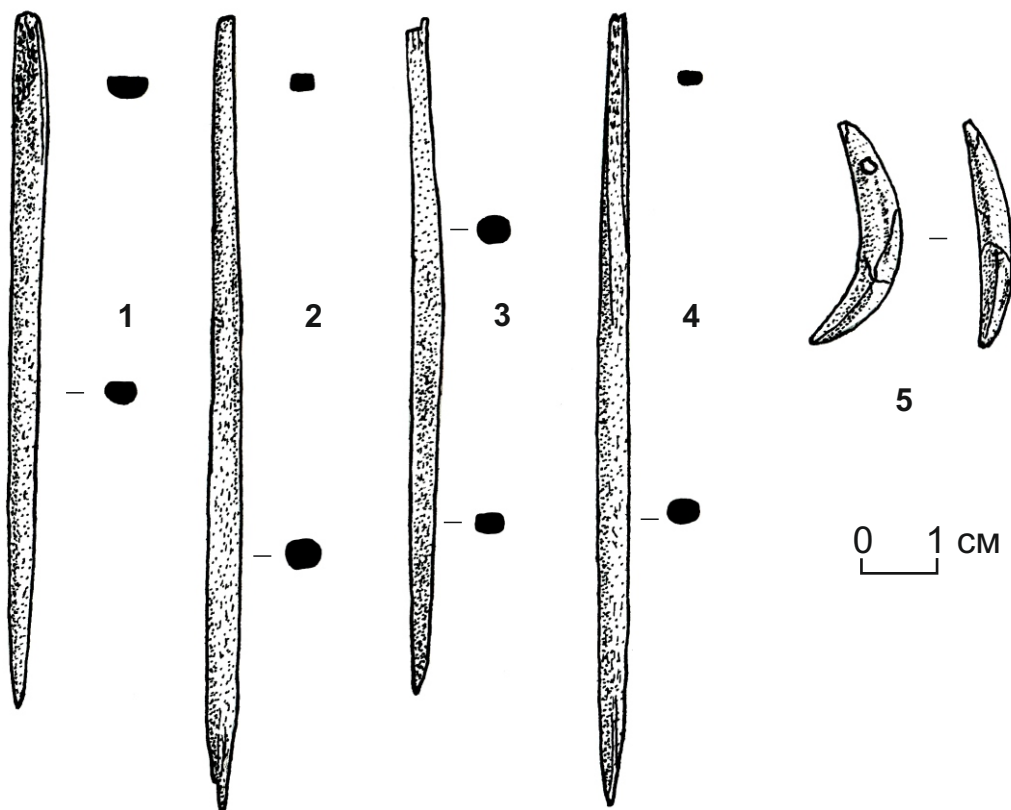

Рис. 90. Поселение Малоюлдашево I. Погребение. 1-4 - костяные остря. 5 - клык животного.